

Анна Урусова

СКУЛЬПТОР

Анна Урсова

Скульптор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70539406

SelfPub; 2024

Аннотация

В 1965 году, выходя в открытый космос, Алексей Леонов стал свидетелем катастрофы – неизвестный космический корабль, позднее названный «Объект 1», потерпел крушение возле Луны. Так началось соревнование ведущих держав Земли за то, кто получит больше инопланетных технологий, лучше адаптирует их, быстрее найдёт хозяев корабля и вступит с ними в контакт. Сто лет люди осваивают Солнечную систему, достигают скоростей 200-250 км/с, но за пределы системы не выходят. Не удаётся и обнаружить ещё какие-то следы инопланетян. В 2089 астрофизик из ОСП (Объединённые Социалистические Республики, реструктурированный СССР) предлагает совершенно новую теорию устройства Вселенной, открывающую человечеству путь в дальний космос и заодно объясняющую крушение "Объекта 1". В 2091 году ОСП отправляет «Вестник» – корабль, оснащённый гиперон-магнитным двигателем, – к SGR 1806-20, в созвездие Стрельца. Именно там по мнению учёных нужно искать следы таинственных гостей Солнечной системы. Обложка – StableDiffusion.

Содержание

Ретроспектива	5
Солнечная система	47
Созвездие Стрельца	78
Земля, Москва	130
SGR 1806-20	134
SGR 1806-20/Земля, Москва	153
Безымянная	175
«Вестник»	209
Безымянная	240
«Вестник»	257
Безымянная	304
«Вестник»	332
«Дружба»	388
«Дружба»/«Вестник»	414
Земля	437

Анна Урсова

Скульптор

Бисквитному Дракончику за всё, что было сделано для того,
чтобы эта история была рассказана,
и
Ивану Григорьевичу С., чьи опыт и эрудиция пришли мне
на помощь
в один из самых сложных моментов написания этой книги, —
искренняя и бесконечная благодарность автора.

*Мы – ставшая живой звездная пыль,
которой Вселенная дала силы постичь саму себя,
и мы еще только-только приступили к этой задаче.*

Нил Деграсс Тайсон, «Астрофизика с космической скоростью».

Ретроспектива

Год 1965.

– Внимание, внимание! Человек вышел в открытое космическое пространство и находится в свободном плавании!

Земля замерла в напряжённом ожидании, а человек в ослепительно-белом скафандре, с крупной надписью «СССР» на шлеме, медленно двинулся к космическому кораблю.

Вот он добрался до шлюза, с силой оттолкнулся от него и закрутился в разные стороны, обмотанный фалом, точно гусеница, готовящаяся превратиться в бабочку.

Вот вращение замедлилось, и кольца фала плавно сползли со скафандра, повисли – Человек Космический окончательно родился из Человека Разумного.

Наблюдая за тем, как каждое действие Алексея утверждает торжество человеческого разума над безликой пустотой, командир экипажа, подполковник Беляев, отсчитывал минуты и действия, оставшиеся до возвращения Леонова на корабль. Когда внутренняя температура скафандра преодолела оптимальные двадцать градусов, он спокойно скомандовал в микрофон:

– Не торопись, Лёша.

Но температура, наоборот, поднялась ещё немного. Пульс Алексея, до того не отклонявшийся от его биологической

нормы, ускорился – не сильно, всего на несколько ударов в минуту. Но для тренированного лётчика-космонавта и этого было слишком много.

Внезапная нервозность Алексея могла быть спровоцирована какой-то внештатной ситуацией, но за бортом всё было по-прежнему: бескрайний космос, звёзды и неподвижно висящий вполоборота к кораблю Леонов с кинокамерой в руках. Командир, слегка недовольный, но всё ещё уверенный в том, что всё идёт по плану, повторил:

– Лёша, у тебя слишком частое сердцебиение, слишком высокая температура. Не знаю, что тебя так тревожит, но постарайся успокоиться. Ещё немного, и температура поднимется слишком высоко.

Но космонавт, до того последовательно выполнявший утверждённую программу и сообщавший о каждом своём действии, ничего не ответил. А потом и вовсе ринулся вперёд и вниз, за корабль, неестественно плавным рывком уходя из зоны обзора. Несколько томительных мгновений, за которые командир успел перебрать в голове сотни причин неадекватного поведения дисциплинированного лётчика, и в динамиках зазвучал напряжённый голос Алексея:

– Иваныч, ты бы это видел... Возвр...

Хриплый шум в передатчике сменил человеческий голос, и связь оборвалась. Кляня про себя неуёмное любопытство Алексея, командир приник к иллюминатору. Фал оставался туго натянутым – косвенное, слабое, но всё же подтвер-

ждение того, что человек, находящийся на другом его конце, жив.

Наконец, спустя несколько ошеломительно долгих минут, в иллюминаторе показалась большая красная надпись «СССР», за ней золотистый светофильтр, сменившийся основным, белым, материалом скафандра... И тут же прямо перед ним, рассекая фал, пролетело и ударило об обшивку корабля нечто, показавшееся Павлу куском шиферной черепицы.

Алексей резко затормозил, чуть качнулся назад.

Затем вперёд.

Павел замер у иллюминатора, боясь лишний раз пошевелиться. Какой-то частью разума он понимал, что его действие или бездействие ничем не поможет и не повредит товарищу. Но сердце требовало даже не дышать.

Алексей разжал пальцы, выпустил бесполезный уже обренок фала. Затем принялся очень-очень медленно двигать рукой, стремясь дотянуться до обрывка, всё ещё прикреплённого к кораблю.

Только убедившись, что Алексей снова крепко держится за спасительную верёвку, Павел Иванович попытался связаться с землёй. И не смог. Передатчик молчал. Так же, как и его собрат, закреплённый на скафандре Леонова.

Оставалось ждать и надеяться на то, что неведомое происшествие не повредило никаких критически важных структур корабля.

Безумно долгие секунды складывались в минуты томительного ожидания. Протокол поведения в случае выхода из строя приборов связи был отработан до мелочей, но кто даст гарантию, что с Алексеем, находящимся вне видимой зоны корабля, до сих пор всё в порядке?

Пытаясь отвлечься, Павел принялся изучать окружающее корабль пространство. Ещё несколько минут назад казавшееся пустым, оно постепенно наполнялось разноразмерными кусочками тёмного материала, на которых, словно в насмешку, вспыхивал ослепительный, неистовый свет не преломлённого атмосферой Солнца.

И всё же, ужасаясь масштабу и неотвратимости неведомой катастрофы, космонавт, тем не менее, чувствовал огромное облегчение: среди чёрных, серых и бесцветных обломков не появилось ни одного белого.

Три глухих удара – условный знак, означающий, что люк шлюза закрыт вручную и можно выравнивать давление. Ещё два – Алексей снял и выключил ранец и готов войти в основное пространство корабля. Можно открывать люк.

Алексей, освобождённый от скафандра, бледный как мел и изрядно возбуждённый, буквально ввалился вовнутрь. В руках он сжимал неправильной формы обломок неизвестного материала. Тот самый, едва не оставивший его навсегда в космической пустоте.

– Я его вообще случайно заметил, пока вращался. Даже сразу не понял, что такое: какая-то круглая тень в пол-Лу-

ны размером. – Едва сняв шлем, Леонов принялся в красках описывать чудовищную катастрофу, свидетелем которой оказался. Так что подполковник Беляев даже не успел принять решение: расспрашивать напарника сразу или дать ему слегка прийти в себя. – А потом ещё раз туда глянул – а он уже перед Луной, остановился, вроде как ждёт чего-то. Круглый, с одной стороны тёмно-серый, с другой – почти малиновый. Я и кинулся за наш корабль, оттуда чужой целиком в кадр помещался. – Здесь Алексей сбился, опустил голову и совсем тихо сказал. – То есть, я не знаю, было ли это кораблём, но думаю, что было, хоть и очень хочу ошибаться. Потому что потом он взорвался. Или его взорвали. Знаешь, Паша, мне показалось, что в него выстрелили. Похоже было, что какая-то белая спираль отпечаталась на малиновой стороне, и он по этой спирали начал вроде как раскрываться. И взорвался. Только я больше никого не видел.

– Я понял.

Космонавты помолчали, отдавая дань уважения неведомым разумным, возможно, погибшим непосредственной близости от них, неспособных даже попытаться оказать помощь. За себя они не боялись: если бы неведомые убийцы захотели разобраться с «Восходом-2» и его экипажем, они бы это уже сделали. Алексей прервал молчание первым:

– Передатчик у меня отключился сразу, как спираль начала появляться. Я как раз начал тебе говорить, что возвращаюсь. А здесь когда?

– Видимо также. И Земля молчит. Ну у них, надеюсь, всё нормально, это наше оборудование чем-то зацепило. – Павел снова попытался оживить передатчик, но тот продолжал молчать. – Пообедаем – попробую починить.

Год 1991

За двадцать шесть лет, прошедших с тех пор, как Алексей Леонов стал первым человеком, вышедшим в открытый космос и единственным, видевшим «Объект 1» во всём его великолепии, земные космические корабли изменились до неузнаваемости.

Землянам повезло дважды. Во-первых, атака из неведомого орудия в ключья разорвала жилые каюты, хранилища еды и, видимо, образцов, собранных на других планетах, не тронув при этом отсеки с двигателями и прочей аппаратурой. Во-вторых, хозяева корабля, очевидно, были похожи на людей сильнее, чем теоретически могли бы. Так что, изрядно поломав голову, космонавты и учёные смогли определить, что брать в первую очередь, и как это можно использовать. (Но достоверно отличить еду от собранных образцов так никто и не смог).

Благодаря инопланетянам остались в прошлом ракеты-носители и топливные двигатели, сменившиеся изящными сферическими устройствами, неизвестным образом взаимодействующими с самим пространством. Их демонтировали с корабля в первую очередь: больший достался американцам, успевшим к Луне первыми; меньший, попросту не влезший

на американский «Аполлон», – Советам, опоздавшим на три месяца.

Канули в Лету громоздкие скафандры – нескольких чужих защитных костюмов, чудом переживших катастрофу, по-честному разделили между собой советская и американская экспедиции, нос к носу столкнувшиеся у останков «Объекта».

Передачики, системы навигации, корабельная автоматика... Понять, как и почему это работает, удавалось куда реже, чем аккуратно демонтировать и переставить на корабли землян. Целые институты и конструкторские бюро бились над изучением артефактов далёкой цивилизации. Но результатов – помимо практических – всё ещё не было.

Американским учёным было проще: их лунная программа началась раньше советской, они и прибыли первыми, и первые несколько лет чаще посещали место катастрофы. И у них, чаще всего, было не по одному экземпляру устройства.

Нужно было как-то исправлять ситуацию: государство, первым реально разобравшееся в инопланетных технологиях, стало бы единственным гегемоном на Земле на долгие-долгие годы.

И решение пришло вместе с выкладками нескольких учёных, задавших вопрос: а откуда, собственно, летел «Объект 1»? У них было очень мало информации: рассказ Леонова и Беляева о событиях тех минут; образцы, предположительно собранные инопланетянами; данные об анализе

того, самого первого, куска инопланетного корабля. На этом тонком фундаменте несколько искренне увлечённых космосом сибирских физиков построили вполне прочную теорию о том, что инопланетяне должны были двигаться от Венеры, оставив там либо исследователей с аппаратурой, либо исключительно автоматизированные устройства.

Это был шанс.

К счастью, аппараты разной степени автономности с нанесённой на хромированные бока символикой СССР и пришедшего ему на смену Объединения Социалистических Республик, уже не первый год исследовали Утреннюю Звезду. И – в глазах заклятых друзей и врагов – отправка первой пилотируемой экспедиции выглядела не капризом и не причудой, а закономерным развитием странного интереса к планете, требующей для собственного изучения куда больше ресурсов, чем с неё можно получить.

– Земля, начинаем снижение. – Назар Ульянов, командир миссии «Венера 19» выключил передатчик и обернулся к сидящему в креслах-трансформерах экипажу. – У нас всё получится.

– Сомневаюсь. Кислота уже всё разъела бы! Столько лет прошло!

Назар, смуглый крепыш, в лице которого равномерно смешалось наследие тюркских предков отца и поморских – матери, неопределённо пожал плечами. Корабль успешно миновал пять слоёв венерианской атмосферы и уже почти во-

шёл в нижний и самый опасный, так что всё внимание командира теперь было приковано к окружающим корабль, безостановочно вращающимся, плотным кислотным облакам.

Поняв, что товарищ не настроен на разговор, старший техник Николай, худой и нескладный обладатель огненно-рыжих волос, примечательной россыпи веснушек и – вопреки всем стереотипам – тёмных, почти чёрных глаз, скрестил руки на груди и расслабленно откинулся на спинку кресла. Разговаривать с третьим членом экипажа о том, могло ли что-то сохраниться на Венере, он не хотел. Впрочем, Елизавету Лазареву, к своим двадцати шести годам заслуженно получившую степени в нескольких отраслях биологии, крайне редко интересовали такие мелочи.

– Не обязательно. – Лиза, сероглазая и русоволосая обладательница совершенно незапоминающихся черт лица и фигуры, с лихвой компенсировала недоработку генетики живой и выразительной мимикой. Взгляд, которым она смерила старшего техника, заставил бы устыдиться и усомниться в праве на собственное мнение любого человека, обладающего чувствительной натурой. – Мы так и не знаем, какими они были. Защитные костюмы, доставшиеся нам, могут быть надеты на любое гуманоидное существо, которое я себе могу вообразить. Я уже третий год твержу, что это для гостей. Хозяева либо вообще не пользовались костюмами, либо были уничтожены вместе с собственными скафандрами.

– Твои завиральные теории...

– Тихо! Снесёт нас сейчас с курса до конца, и добавятся к возможному гуманоидным трупам на Венере человеческие!

В небольшом главном отсеке, заставленном приборами и креслами, резкий окрик Назара превратился в почти что полноценный крик. И Николай и Лиза, наконец, умолкли, оставив в отсеке техническую тишину, как часто называли отсутствие человеческих голосов, изредка разбавляемое низкими, почти инфразвуковыми, сигналами приборов.

Назар снова склонился над пультом управления.

Согласно общему мнению учёных, искать следы хозяев «Объекта» следовало на земле Иштар, где-нибудь в окрестностях гор Максвелла. Экипаж «Венеры 19» должен был сесть в самой верхней точке горного хребта, выпустить оттуда несколько автономных аппаратов, способных целых двадцать дней работать в сумасшедших венерианских условиях, и ждать результатов, как можно реже покидая корабль.

Но Венера внесла свои коррективы: скорость ветра в верхних слоях оказалась почти на 50 км\ч выше расчётной. В иных обстоятельствах эта ошибка могла бы стоить жизни экипажу, но люди, утверждавшие кандидатуру первого пилота и командира миссии, знали, что делают. И подполковник Ульянов – высококлассный лётчик, имеющий за плечами несколько десятков боевых вылетов – смог уйти от столкновений с отрогами хребта Максвелла, почти не отклонившись от намеченного курса. «Почти» в этом случае означало, что корабль снесло на пятьсот километров восточнее за-

планированной точки приземления. Теперь следовало опуститься вниз, в зону высочайшего давления, пройти над поверхностью сверхкритического CO_2 и аккуратно подняться вверх, к запланированной точке. Борьба на равных с ветрами Венеры земляне не могли.

– Хотела бы я знать, что им понадобилось в этом аду. – Лиза, наконец, соизволила приоткрыть глаза и отрешённо наблюдала за долиной Анукет, над которой теперь двигался корабль.

Она действительно напоминала ад, эта тёмная красно-коричневая гладь, обманчиво-ровная, лишённая рельефных трещин и складок, но, при приближении, превращающаяся в гигантские соты. Впереди по курсу корабля вздымались такие же красно-пористые отвесные скалы – внешняя граница одного из самых больших кратеров Венеры. Или спуск на следующий круг Преисподней. В зависимости от начитанности наблюдателя и его склонности к фантазиям.

– Может быть, их послали с важной миссией. Как нас. – Назар, наконец, отвлёкшийся от пульта управления, несколько раз с наслаждением моргнул и потянулся, разминая онемевшие мышцы спины и плеч. – Или они убегали от кого-то и пытались обмануть своих врагов. Когда мы думаем о том, что и почему делали хозяева «Объекта», мы не должны забывать, как они закончили.

– Быстро и безболезненно. В отличие от своих собратьев. – Лиза буквально распласталась по иллюминатору. –

Назар, тормози. Мы нашли их.

Пока корабль спускался в кратер Клеопатра, Николай и Лиза во все глаза разглядывали исследовательскую базу или колонию инопланетян. В скудном желтоватом свете, в который венерианские облака превращали солнечные лучи, она выглядела чужеродно, неестественно, словно личинки огромного насекомого на засохших кусках красноватого мяса. И даже вкрапления сияющих, словно земные бриллианты, участков, не делали эти чёрно-серые низкие прямоугольные конструкции со скруглёнными углами, соединённые между собой наземными переходами, более привычными. Более понятными.

Поодаль от основного комплекса висели, не касаясь морщинистой венерианской поверхности, несколько шарообразных конструкций,

Спустившись ниже, земляне разглядели ещё и тёмное небольшое тело, лежащее у одного из шаров.

Корабль завис в ста метрах над верхней границей кратера. Лиза с удовольствием подумала, что с точки зрения какого-нибудь стороннего наблюдателя корабль землян выглядит родным братом инопланетных конструкций: такой же тёмно-серый и круглый. Только почти в два раза меньше и не столь изящный: если поверхности оригиналов казались отполированными почти до зеркального блеска, то внешняя оболочка земного аналога была покрыта сотнями соединительных швов. Внезапно удовольствие сменилось горечью от

осознания того, что вся космическая программа Земли последних лет напоминает Чудовище Франкенштейна, точно так же собранное из частей трупа.

– Мы никогда не смогли бы им помочь. Ни тогда, ни сейчас. – Назар медлил, не желая ни выходить на связь с Землёй, ни отдавать приказ на выход из корабля. – Но мы узнаем, как они перемещались на такие расстояния, найдём их дом и расскажем их собратьям о судьбе того корабля и оставшихся здесь исследователей. Мы узнаем их имена и увековечим в названиях новых небесных тел, гор и равнин. И первым, что мы переименуем, будет этот кратер. Тот, кто погиб здесь во имя науки, точно заслуживает этого больше, чем какая-то там древняя красotka.

– Комм, – Николай всегда называл так своё непосредственное начальство, сокращая слово «командир», – давай что-нибудь Земле сообщим? Хотя бы просто отобъём сообщение, что удачно приземлились, и собираемся тестировать скафандры на пригодность к работе на высоте шесть – шесть и восемь десятых километров. Мы-то на одиннадцати оставаться собирались. Я теперь не могу гарантировать пять часов непрерывной работы.

– Займись сообщением. Лиза, как ты будешь исследовать инопланетянина? На месте или поднимем сюда?

– Сначала на месте. Надо понять, насколько хорошо он сохранился, и вообще... – Она сглотнула, и Назар заметил, насколько расширены её зрачки и бледна кожа. – Дай мне

полчаса, пожалуйста. И я буду готова работать.

Лиза неловко проскользнула между креслами, покидая основной отсек корабля.

– Коля, вы же работали раньше вместе. Знаешь, что с ней?

– Ага. Трупов боится. Точнее, как боится... – Николай задумчиво укусил карандаш. – Тётка у неё была, странная такая. Вдалбливала Лизке, что стоит душе покинуть тело, как в теле тут же всякая дрянь заводится. Лизка их каким-то умным словом называла, я не запомнил. Ну вот... теперь перед каждым вскрытием ей надо минут тридцать в себя приходиться. Я раз слышал, вроде молится.

– Молится? – Назар недоверчиво взглянул на старшего механика. – Врёшь!

– Неа. Ну а что? Лет пять назад комиссия признала, что для поддержания психологического здоровья общества религии даже полезны. В рамках, конечно, но куда уж без них. Так что Лизка может и не скрываться теперь. Сообщение я отстучал. Земля дала добро.

Спустя один земной час они спустились по длинному мягкому трапу и оказались внутри кратера, в нескольких метрах от лежащего на боку тела инопланетянина. Сейчас, когда они находились на одной с ним поверхности, в глаза бросалась чуждость создания, его полная и абсолютная непохожесть на землян.

Во-первых, он был рептилией примерно полутора метров длиной. По земным представлениям, конечно же. Крупная,

сплюснутая сверху и снизу, голова и длинное тело, заканчивающееся растроённым хвостом, делали его практически стопроцентной змеёй с точки зрения любого землянина. И хорошо заметная грудная клетка с шестью щупальцеобразными отростками, каждый из которых заканчивался ещё шестью мелкими щупальцами, ситуацию только усугубляла.

Во-вторых, он был покрыт шерстью. Или чем-то на неё похожим. Причём «шерсть» росла только на одной стороне тела, которую дружно решили считать задней.

Наконец, на его голове были только глаза. Четыре глаза опоясывали верхнюю часть головы инопланетянина, причём два внутренних на первый взгляд очень походили на человеческие, а два внешних казались просто заполненными чернотой глазницами.

– И как мы умудрились понять их?!

Николай говорил очень громко, почти кричал, и Назар с Елизаветой были с ним полностью согласны. Больше двух десятилетий земляне считали, что хозяева и создатели «Объекта 1» – раса, очень близкая к людям. Близкая настолько, что именно этой близостью можно было объяснить лёгкость, с которой земляне адаптировали непонятные инопланетные технологии. Теперь следовало искать другое объяснение.

– Коля, сфотографируй, пожалуйста, здесь всё. – Пока механик доставал фотоаппарат из заплечного ранца, командир подошёл к шару, у которого лежало тело, осторожно провёл кончиками пальцев по блестящей серой поверхности. – По-

слушайте, это же не обязательно должен был быть хозяин ба-
зы. Возможно, это его домашнее животное.

– Ага. – Лиза ехидно усмехнулась. – Не знаю, как вы, ре-
бята, а я всегда таскаю с собой в космос любимого кота. Ско-
рей уж гость или путешественник. Или создатели «Объек-
та 1» и те, кто летел на нём в последний раз – представите-
ли разных рас. Может быть, где-то есть огромный всеселен-
ский рынок, на котором продаются корабли на любой вкус
и кошелёк.

– Могла бы – таскала бы. А они могут. – Николай принялся щёлкать камерой, наводя объектив то на прислонившегося к шару Назара, то на распластавшегося на земле инопланетянина, то на сосредоточенно роющуюся в поясной сумке Лизу.

Биолог уже открыла было рот, чтобы сказать очередную колкость, но наткнулась на строгий взгляд командира. И, ехидно фыркнув, принялась за работу.

Первым делом Лиза тщательно измерила тело, отдельно отметив даже диаметры каждого щупальца. Затем опустилась на колени, надавила на «грудь», подождала и надавила сильнее. Видимо, ожидаемого эффекта так и не появилось, потому что Лиза недовольно поджала губы и точно так же исследовала щупальце и голову. Аккуратно ощупала глазницы и их содержимое, снова нахмурилась. Задумчиво прошлась возле тела, легко потянула за шерсть...

– Не шерсть. Какие-то наросты на коже. И он явно не уг-

леродный. Органика, похожая на нашу, но какая-то другая. И в этих условиях он сохранился очень хорошо – мне кажется, что умер он не меньше десяти лет назад по нашему счёту. Не знаю, от чего. – Лиза с силой провела руками по лицу, словно снимая какую-то липкую плёнку. – В общем, что будет с ним после того, как мы поднимем его на корабль, я даже предположить не могу. Буду вскрывать здесь.

Лиза открыла чемоданчик, предусмотрительно захваченный из корабля, расстелила две стерильные полиэтиленовые простыни: одну как можно ближе к телу, другую чуть дальше, и принялась аккуратно раскладывать инструменты.

– Где-то через час кому-то из вас придётся вернуться на корабль с образцами. Их нужно будет положить в стандартный холодильник и посмотреть, как они себя поведут. Я не очень уверена, что мы сможем привезти что-то на Землю.

– Хорошо. Мы с Колей пока попытаемся открыть хотя бы один корабль. Будем на расстоянии прямой видимости.

Лиза кивнула, не поднимая головы от импровизированного операционного стола.

Попытка исследовать ближайший шар оказалась провальной: шар не только не удалось открыть – земляне попросту не поняли, где должен был находиться его люк. Назар, строго настрого велел Николаю стоять на месте, на бегу осмотрел остальные корабли. С тем же нулевым результатом.

– Час уже почти прошёл. Пошли.

Не успели они пройти и пятидесяти метров, как Николай

внезапно улыбнулся.

– Комм, ты ж бежал.

– И что с того?

– А сам подумай. Мы пользуемся скафандрами, которые нашли на «Объекте 1». Ну ладно форма, костюмы её изменяют, тут не придерёшься. Но они ещё и давление до уровня земного компенсируют. А тот Змей, которого Лизка вскрывает, он без костюма. Значит и атмосфера, и давление его устраивает. И зачем бы его родичи тогда таскали с собой ненужные скафандры? Выходит, Змей создателям Объекта всё-таки не родственник.

– Это ты хорошо заметил, что Змей без костюма. – Назар нахмурился. – Может, конечно, самоубийство...

Спустя четыре земных часа пребывания на Венере стало ясно следующее: транспортировать на Землю образцы, взятые с трупа инопланетянина, не получится – стоило температуре упасть ниже 200 C^0 , как ткани немедленно начинали разрушаться. Их даже нельзя было занести в корабль для дальнейшего изучения. И, уж конечно, на этот случай не было предусмотрено никаких контейнеров.

Потому Назар и Николай вытащили на поверхность всё, что смогли: несколько микроскопов и наборы для качественного анализа биологических жидкостей, и активно помогали Елизавете заканчивать исследования. Учитывая вынужденную нестерильность «операционной», с этим следовало покончить в первую очередь.

Они даже не пытались делать выводы: обрабатывали препараты и помещали их на предметные стёкла, фотографировали, записывали результаты реакций, фиксировали размеры и структурные характеристики...

Наконец работа была закончена.

– Похоронить бы. – Лиза умоляюще взглянула на Назара. – Может, получится что-то придумать?

– А что тут думать? Если время останется – выдолбим могилу, и все дела. Здесь породы хрупкие, за пару часов справимся. – Коля пнул ближайший камень, глядя, как тот подскакивает – чуть выше, чем на Земле, немного ниже, чем на Луне.

– Если Земля даст добро. Возвращаемся на корабль, скафандры уже на последнем издыхании.

Отправив скафандры в камеру, заполненную графитом с примесью фуллеренов, более редких аллотропий углерода (самым близким составом к тому, в каком скафандры хранились на родном корабле), космонавты расположились на обед.

За тридцать лет, прошедших с полётов комических первопроходцев, рацион космонавтов прилично расширился, в нём появились сублимированные блюда и свежие фрукты и овощи. Но внешняя их оболочка осталась такой же, что и у экипажей «Восходов» и «Союзов»: Коля раскладывал на откидной столешнице практически такие же тубы, консервные баночки и наглухо запаянные пакеты, как и десятки землян

до него.

По привычке ели молча: в условиях неполной гравитации полёта небрежное обращение с едой грозило, в лучшем случае, необходимостью тщательно пропылесосить весь корабль. Наконец, сложив отработанную тару в измельчитель, Лиза задумчиво произнесла в пустоту:

– У него на боку есть что-то похожее на боковую линию, как у земных рыб. Ума не приложу, зачем. Нижних конечностей либо вообще не было, либо они качественно редуцировались – понятно, видимо, основная среда обитания – жидкость. Но почему боковая линия осталась?

– Сама же говоришь: основная среда обитания – жидкость. – Назар пожал плечами. По сравнению с невозможностью открыть корабли, проблема существования боковой линии на теле пришельца казалась ему совершенно незначительной.

– Не говорю, а предполагаю. Но это всё равно не лучшее эволюционное решение. У самых развитых обитателей земного океана её уже давно заменили более продвинутые органы. Должна быть какая-то другая причина.

– Значит, это не боковая линия. Или она улавливает какие-то такие колебания, которые нужно чувствовать всем телом. Рыбы ведь ей электричество ощущают? – Николай вытянул длинные ноги, насколько это было возможно в компактной кают-компании, и откинулся на спинку кресла, предвкушая не меньше часа законного отдыха.

– И его тоже. – Лиза широко улыбнулась Николаю. – А ты иногда говоришь умные вещи. Я обдумую твою идею.

– А заодно вспомнишь, нет ли у них случайно органа, который бы эти колебания создавал. – Назар почти расхохотался собственной шутке, но потом осёкся. – Как скафандры зарядятся – возвращаемся к кораблям. Точнее нет. Сначала ты, Елизавета, ещё раз осмотришь Змея и попытаешься ответить на мой вопрос. А потом, надеюсь, мы вместе пойдём к кораблям. И на сей раз откроем их.

Год 2089, январь. Кремль.

Над рубиновыми звёздами, с недавних пор обзаведшимися невесомой и практически невидимой отражающей паутинкой, лениво кружились снежинки. Только им, да вездесущим городским галкам и воронам позволялось залетать на территорию Кремля, в сердце ОСР. Прочее летающее население столицы: одноцветные небольшие гражданские беспилотники, большие и шумные – милицейские, важные и медленные, увешанные рекламными проспектами – коммерческие, вынуждены были делать большой круг, огибая и Боровицкий холм, и берега Москва-реки и Неглинной. Сложно сказать, чего было больше в создании бесполётной зоны: реального беспокойства или поддержания надлежащего статуса. Но точно такие же «сети», блокирующие большинство известных человечеству сигналов, протянулись и над надменным Капитолием, и над монументальным Домом Народных Собраний, и над помпезной Штаб-квартирой Единой Евро-

пы.

Конец первого столетия двадцать первого века, дважды чуть не ставший и концом истории, написанной на человеческих языках, Земля встречала в странной двойственности. Ещё никогда человечество не было так разобщено. Ещё никогда человечество не было столь устремлено к одной и той же цели.

И именно это двойственное состояние обсуждали двое мужчин, оставшихся тихой зимней ночью в одном из кремлёвских кабинетов. Они оба расслабленно сидели в креслах у небольшого журнального столика, по лакированной поверхности которого шла лёгкая рябь от мощного нейроинтерфейса. И, пожалуй, со стороны могли показаться равными по положению товарищами, засидевшимися допоздна за обсуждением насыщенного рабочего дня.

– Почти сто лет прошло, понимаете?! С тех пор, как Ульянов-Лазарева-Романов нашли венерианскую исследовательскую базу, мы ни на йоту не приблизились к нахождению инопланетного разума! Я внимательно читаю все доклады об исследовании Солнечной системы и работе космических телескопов. И ни-че-го!

Крупный, начинающий уже седеть мужчина, сопровождал своё последнее слово медленными похлопываниями по колену, словно хотел, чтобы каждый слог отпечатался не только в ушах собеседника. Будто мало было глубокого, хорошо поставленного голоса, которым председатель Верховно-

го Совета ОСР мог передать тысячи оттенков смысла и собственного настроения.

Его собеседник, неуловимо похожий на моржа, лысый и тучный, заёрзал и попытался объяснить.

– Товарищ председатель Совета... —

– Тамбовский волк вам товарищ, генерал Свиридов. У нас было преимущество: корабли и технологии с Венеры, а также знания о том, как устроены их создатели, знания, позволившие нам лучше понимать смысл некоторых технологий. Да, некоторое время мы владели уникальной технологией практического применения пузыря Алькубьерре и даже успели разработать на её основе несколько устройств, весьма полезных для нашей безопасности. Но вам ли не знать, что эта технология уже лет тридцать как не уникальна.

– Я понимаю. Но, товарищ...

– Дослушайте! – Добронравов слегка повысил голос, и генерал, хорошо знающий характер и манеры председателя, немедленно замолчал. Спорить с почти разгневавшимся Добронравовым можно было, только имея стопроцентные доказательства, что Вячеслав Артемьевич не прав. Таких доказательств у Свиридова не было. – Наши дорогие «друзья», каждому из которых вцепиться нам в глотку мешает только временная несоразмерность зубов и глотки, сейчас находятся ровно в той же точке, что и мы. Кто-то строит огромный корабль, который отправится к Центавре, кто-то уповает на орбитальную группировку телескопов... Все понимают, что

тот, кто первым найдёт Змеев или хотя бы их основную планету, сможет диктовать остальному человечеству всё, что захочет. Вплоть до цвета исподнего, в котором следует спать по понедельникам. Не факт, конечно, что будет. Но это не так уж и важно. Так вот. Я уверен, что отправляться в путешествие к Центавре или какой-либо ещё звезде при наших нынешних жалких 200 км/с – бездарная трата ресурсов. Тем более, не имея никаких реальных шансов на то, что полёт не окажется бессмысленным.

Добронравов сделал паузу, словно ожидал, что собеседник предложит что-нибудь полезное. Но генерал молчал, лишь нервно постукивая пальцами по столу. Тогда Вячеслав Артемьевич недовольно нахмурился, но всё-таки закончил мысль.

– Но ещё сильнее я уверен в том, что за всё это время хотя бы один учёный да высказал предположение, минимально близкое к истине. Поднимите архивы, перелопатьте научные работы, проведите ревизию всех идей... Найдите ту ниточку, потянув за которую, мы распутаем этот клубок.

Год 2089, август. Особая научная станция, Урал

Уральская особая научная станция, спрятавшаяся в густых лесах между средним течением Оби и хребтами Северного Урала, имела неофициальное название Террариум; сотрудники же её, преимущественно специализирующиеся на космологии, астрофизике, физике элементарных частиц и базовой научной подготовке космонавтов, логично имено-

вались «ящерками». Причём прозвания эти изначально не были связаны ни со сказками Бажова, ни с зелёно-коричневыми обитательницами окрестных лесов.

Появились они первым же переменчивым и, что греха таить, не особо тёплым уральским летом, когда один из сотрудников, выходец из солнечной Монголии, печально сказал, что иногда начинает понимать ящериц, частенько греющихся на камнях. Так и повелось. Тем более что каждый обитатель научной станции рано или поздно научался ценить каждую полученную порцию солнечного света.

Не были исключением и двое молодых людей, прогуливающих по станционному парку. Несмотря на крайне серьёзный разговор, идущий между ними, то и дело собеседники прерывались, подставляя лицо солнечным лучам, пробивающимся сквозь широкие листья модифицированных берёз и рябин. И, хоть августовское Солнце и не давало уже жара, как такового, парочка бессознательно выбирала самые освещённые участки аллеи.

– И всё-таки я не понимаю: почему все решили, что на «Объект 1» кто-то напал?

Арина недовольно притопнула по воздуху ножкой, обутой в изящные грави-туфельки. Эту пару обуви она, астрофизик, в равной степени любящая и комфорт и красоту, сконструировала сама. В последний год, когда общая одержимость Великой Гонкой достигла каких-то неприличных размеров, достать приличные вещи, не покрытые разнообразной око-

ло-космической символикой, стало практически невозможно.

Арина любила космос, жила им и дышала, но, при виде комбинезонов «под змея», с обильно украшенной искусственным мехом спиной, не могла сдержаться от гомерического хохота. Тем более, большая часть этих вещей была сконструирована так паршиво, что даже её, обладательницу фигуры «фарфоровая статуэтка», превращала в уродливое подобие того самого Змея, изрядно раздавшееся вширь. Приходилось изворачиваться самой.

– Потому, что Леонов увидел, как... – Высокий шатен в форме лейтенанта космического флота Объединённых Социалистических Республик удивлённо взглянул на свою спутницу. До этого момента он не мог даже заподозрить её в непонимании таких базовых вещей.

– Это всё я знаю наизусть. – Она досадливо взмахнула рукой, три тонкие серебряные цепочки-браслета сверкнули в лучах полуденного Солнца. Так что Валентину на мгновение показалось, что рядом с ним плывёт, не касаясь земли, не обычная земная, просто очень красивая девушка, а какая-нибудь хозяйка леса в развевающихся зелёных одеяниях. – Но ты сам подумай: Леонов слишком резко отталкивается, вращается как волчок, на какое-то время теряет «Объект» из виду. Потом снова видит его, перемещается на более удобную для съёмки точку и почти сразу видит, как корабль взрывается. Так, Вал?

– Так.

– Ну и скажи на милость, где в это время был корабль, который его уничтожил? За Луной прятался? Я знаю, официальная версия такова, что другой корабль замаскировал себя во всех существующих диапазонах и поджидал «Объект» в засаде. И, конечно, её до сих пор не опровергли. А знаешь, почему её до сих пор не опровергли? – По лицу Арины явно читалось, что вопрос риторический. Так что юноша просто улыбнулся, предлагая спутнице продолжать. – Потому, что тому бедолаге, который её опровергнет, придётся предложить какую-то другую теорию. А какую? Ни у кого нет ни одной стоящей идеи.

– Но у тебя она есть? Раз ты так нападаешь на официальную версию.

Они уже прошли всю аллею и теперь стояли возле последней, неоконструктивистской, лавочки, состоящей из парящих на небольшой высоте прозрачных кубов и октаэдров. Выглядел этот контролируемо-парящий хаос вызовом одновременно и земному притяжению, и чрезмерно приземлённым представителям рода людского. Валентин, не успевший привыкнуть к тому, что в парках станции попадаются весьма странные архитектурные и скульптурные конструкции, созданные на досуге учёными, замер возле одного из кубов, неуверенный, можно ли на него вообще садиться.

– Так я с тобой разговариваю, не с учёным советом Академии. Ты же меня им не выдашь? – Арина лукаво взглянула

на офицера и, обнаружив его задумчиво стоящим у лавочки, весело рассмеялась. – Садись, не бойся. Это материальное воплощение принципа стремления к познанию. Ну вроде как «мы должны стремиться к тому, чтобы даже столь приземлённый объект, как общественная лавочка, приподнимал нас над обыденностью». Они ещё и перемещаются иногда случайным образом.

Валентин клятвенно заверил Арину, что никогда и никому её не выдаст, и осторожно устроился на краю выбранного куба.

– Это не совсем теория, и даже не гипотеза. Так, набор мыслей... – Арина уютно устроилась на крупном октаэдре, поджав под себя ноги, и принялась рассеяно барабанить пальцами по колену спутника. – Думаю, на «Объекте» явно должны были быть какие-то ещё двигатели или устройства для перемещения в пространстве. Потому, что те, которые мы сняли с него и с венерианских находок дают, в лучшем случае, 200 – 250 км/с. Это нормально в рамках Солнечной системы, но ничтожно для межзвёздных пространств. Значит основные двигатели мы не нашли или не опознали. Это раз. Леонов видел, как на «Объекте» появлялась спираль. Её считают следом попадания заряда, но может же она быть результатом действия какой-то внутрикорабельной установки? Может. Это два. И тогда, кстати, вышедшие из строя передатчики «Восхода» следует считать результатом работы этой установки. Далее. Змеи, как помнишь, считаются расой,

весьма чувствительной к магнитным волнам. Подтвердить или опровергнуть выводы Лазаревой мы не можем, но лично мне они кажутся достоверными. В конце концов, только благодаря им экспедиция «Венера 19» смогла попасть внутрь венерианской базы и запустить корабли. Это три. И ещё мы знаем, что свет далеко не всегда движется по прямой. И что нам это даёт?

– Если я постараюсь, то, наверное, смогу придумать больше одного объяснения этим фактам. – Валентин напрягся, каким-то шестым чувством ощущая, что сейчас прозвучит нечто важное.

– Единственная не противоречащая ни одному из этих фактов теория, которую я могу придумать, заключается в следующем: пространство похоже на какую-то узкую трубу, изогнутую в спираль или в какую-то подобную фигуру. Можем ли мы предположить, что сила, задающая пространству форму, по сути своей аналогичная электромагнитной или даже просто магнитной? Можем, никаких прямо противоречащих этому фактов нам неизвестно. Тогда у нас получается примерно следующее: чтобы преодолеть влияние этой силы, и переместиться в пространстве по кратчайшему пути, а не по «трубе», Змеи используют направленное магнитное поле огромной силы. То, что они используют магнитные волны для мелких надобностей, косвенно подтверждает мою идею, ибо никто не будет решать мелкие задачи с помощью сложной и малоизученной технологии.

Арина замолчала и с вызовом посмотрела на молодого человека.

– Знаешь, я не могу верно оценить твои выкладки, я всё-таки космонавт и немножко инженер. Но они кажутся мне весьма логичными. Ты не думала поделиться информацией с кем-то из крупных учёных?

– Думала. Но что если это антинаучная глупость? Или я обращаюсь к нечистоплотному человеку и он, увидев в моих мыслях что-то полезное, просто присвоит всё себе? – Арина подняла с травы начавший уже желтеть берёзовый листик и принялась бездумно крутить его в руках.

– На лекциях нам говорят, что лучше попробовать и ошибиться, чем не попробовать вообще. За этим, конечно, следует нудный список того, в каких случаях пробовать всё-таки не стоит, и как правильно просчитывать риски. Но у тебя другой случай. – Валентин обнял девушку за плечи. – А твои опасения насчёт плагиата решаются легко и просто: сделай запись. И у тебя будет доказательство твоего первенства. Но молчать о твоих идеях нельзя. Ты ведь тоже знаешь, какая у нас ситуация.

– Знаю. Хорошо, я пойду к профессору Возвышенскому. С включённым «хитрецом». ¹ И да поможет мне дух Лазаре-

¹ «Хитрец» – портативный компьютер, изобретённый в середине 21 века. Частично базируется на технологиях Змей. В полностью сложенном виде равен по размеру сложенному спичечному коробку. Умеет примерно то же самое, что и современные компьютеры, способен создавать полноценные виртуальные реальности.

вой.

Год 2091, сентябрь. Особая научная станция, Урал

Два года, прошедшие с тех пор, как едва защитившая кандидатскую астрофизик Ройская выдвинула изящную, остроумную и весьма рискованную гипотезу, предлагающую одновременно и новую модель Вселенной и новое объяснение катастрофы, положившей начало космической экспансии человечества, промелькнули для Террариума словно несколько дней.

Руководствуясь одному ему известными причинами, Добронравов поручил создать на базе уральской Станции отдельный Центр подготовки космонавтов, который и будет заниматься полноценным сопровождением миссии, так и не получившей в документах не то, что названия – даже постоянного цифрового идентификатора. Сотрудники новосозданного центра получили задачу в равной степени амбициозную и трудновыполнимую: разработать программу физической и психологической предполётной подготовки для космонавтов, которые проведут вдали от Земли непредсказуемое количество времени. По сравнению со сложностью этой задачи меркла даже необходимость разработать рацион, которого хватит на то же самое непредсказуемое количество времени. И который будет поддерживать не только физическое, но и психическое здоровье космонавтов.

В мае 2091 года на стол Совета ОСР легли протоколы подготовки космонавтов и материальной части экспедиции и

рекомендации по подбору экипажа. Заработали отборочные комиссии из клинических психологов, терапевтов и психиатров, перелопачивающих любезно подобранные нейроинтерфейсами анкеты. И уже в середине сентября каждый из двенадцати счастливицков: семеро в основном составе, пятеро – запасные, получил предложение принять участие в длительной и чрезвычайно важной космической миссии по поиску родной планеты Змеев.

И ни один не отказался.

Валентин от души хлопнул дверью, выскочив из начальственного кабинета. Дверь эта, единственный сохранившийся на станции элемент «классической архитектуры», нагло выбивалась из ряда бесшумно выдвигающихся из стен чрезвычайно тонких и лёгких перегородок, надёжно защищающих от воздуха, несущего холод, запахи, информацию.

Но начальник Центра, профессор нейропсихологии Романов, автор лучшей из существующих методик по подбору экипажей космических кораблей, обладал чрезвычайно консервативным вкусом. И категорически отказывался работать в помещениях, нововведения в которых служили не для работы, а исключительно ради «баловства». Впрочем, сегодня Валентин, обычно втихую потешающийся над замшелостью профессора, был даже рад наличию обычной деревянной двери, которой можно от души грохнуть о косяк.

– Чёртов ретроград!

Он поддал ногой по бесшумно скользящему вдоль стены «уборщику» – амёбоподобному иксу², бесшумно и безынициативно ползающему по коридорам и вбирающему в своё чувствительное желеобразное тело всё, что выступает над основной поверхностью больше, чем на долю миллиметра. Судя по насыщенному зеленоватому цвету поверхности, это был улучшенный «уборщик», снабжённый аналогом хеморецепторов.

Валентин фыркнул, вспомнив, как чудесно выглядел изрядно полысевший ковёр Романова, когда тот пару недель назад решил придать кабинету немного уюта. Забыв при этом о некоторых нюансах работы «уборщиков».

– Чёртов тупой ретроград!

Летейнант Кузнецов смаковал каждое слово, но чувствовал, что ругательства совершенно не помогают успокоиться. Он пытался отвлечься на стены, покрытые увеличенной копией монументального полотна «К звёздам!», на портреты пионеров космоса, заменяющие на техно-рельефе ключевые звёзды, на еле слышное жужжание систем жизнеобеспечения центра... Бестолку. В ушах звенели колючие, безжалостные слова: « Инцидент, произошедший во время миссии к облаку Оорта, исключает возможность вашего участия в миссии, отправляющейся в дальний космос ». В окраинных астероидах льда было меньше, чем в застывшем лице Романова, ко-

² Искусственное существо – общее название для всех автономных механизмов, в той или иной степени повторяющих признаки живых существ.

гда он рушил все мечты Валентина.

Небо за дверьми центра, ещё утром обнадёживающе-голубое, теперь оказалось затянутым сплошными серо-белыми слоистыми облаками; ветер, изрядно разбушевавшийся с утра, гнал по узким улицам опавшую листву – зелёную, жёлтую, красноватую. Валентин надвинул на голову широкий капюшон, отгораживаясь от внешнего мира, каждая деталь которого напоминала сейчас о том злосчастном полёте.

На многочисленных и разнообразных картах ОСР «Террариум» значился городком Ящерском (у контрразведчиков тоже было неплохое чувство юмора) и для неискущённого взгляда выглядел именно так, как и должен был выглядеть захолустный уральский городок в конце двадцать первого столетия. В центре – четыре довлеющих над городом здания: сама станция, в документах гордо именуемая учебной обсерваторией; администрация, исполняющая здесь примерно такую же роль, как полезные и незаметные исксы в коридорах станции; больница и стадион. И хаотичное скопление одно- и двухэтажных домиков, соединённых узкими извилистыми улицами, в тёплое время года усаживаемыми пёстрым цветочным разнообразием. Изучив и приспособив под свои нужды технологии далёкой и неведомой цивилизации, человечество перестало нуждаться в колёсном транспорте и подходящих для него дорогах. Даже для перемещения циклопических грузов.

Подгоняемый злостью, Валентин вылетел за пределы

станции, быстрым шагом прошёл вдоль стадиона, накрытого высоким температурным куполом, миновал застроенный бело-голубыми домиками район космологов и, пройдя через большую часть «кирпично-красного», астрофизического городка, оказался возле компактного двухэтажного домика, который Кузнецовы делили с близнецами-нейротехниками из Владивостока.

Виталик – «старший» из близнецов, отличающийся от брата коротким и широким шрамом на левой щеке, играл во дворе в бадминтон с простеньким спортивным исксом, в рамках одной партии воспроизводящим только один тип подач.

Второй близнец, Ромка, развалился под молоденькой яблоней и, прищурившись, следил за чем-то на экране «хитреца». В другое время Валентин обязательно остановился бы поболтать с братьями: соседями они были тихими и беспроблемными, собеседниками отличными, работниками надёжными... Но злость и обида по-прежнему требовали выхода и, с трудом заставив себя вежливо поздороваться, Кузнецов взлетел по короткой лестнице из дымчатого металло-стекла.

Они с Ариной занимали второй этаж домика: небольшая спальня; кухня, на которой прекрасно умещались парочка коллег Арины и ещё парочка лётчиков-космонавтов; санузел; свободная комната, которую, по замыслам архитекторов, жильцы должны были использовать для разного рода игр, музицирования, вышивки, приёма гостей – чего угодно,

кроме работы. Валентин обосновано подозревал, что из всего научного населения станции её не используют для работы только космонавты. И исключительно потому, что затащить домой хотя бы парочку узлов корабля – не то, чтобы очень простая задача.

Скомандовав мелкому домашнему многофункциональному исксу «Домовой» начать уборку (эта модель обладала не очень продвинутыми мозгами и без присмотра могла сотворить всё, что угодно), Валентин переделся в домашнее и принялся за самое успокаивающее в мире занятие – за отбивание мяса к ужину. Одним глазом он присматривал за исксом. Совершенно не хотелось повторения истории недельной давности, когда «Домовой» нашёл на полу осмиевые серьги Арины, не внесённые в список объектов, не подлежащих уборке, и вызвал эпидемиологическую службу, неизвестно почему приняв изящные нити, сплетающиеся в аттракторы Лоренца, за новейшее биологическое оружие.

– Вы что, наконец, победили то поле, которое разрывало опытные образцы? – Валентин ждал свою невесту на кухне, за накрытым к ужину столом. И голос у него был такой, что разувающаяся в прихожей Арина влетела в кухню, так и оставшись обутой в один сапог.

– Откуда ты знаешь? И что всё это значит?

– Рассказывай ты первая. Мне ведь интересно, в чём была проблема.

– Мы ведь думали, что мощности не хватает. Вроде как границу нейтрализуем, а поле – нет. Были идеи, что его вообще нейтрализовать не получится, но сам понимаешь. О таком даже заикаться нельзя. Вот. Ну и пошли мы с Возвышенским по лабораториям, поклянчить, вдруг у кого есть установка ещё мощнее. А там Ревин Володька, я тебе про него рассказывала, и ещё парочка незнакомых ребят всё с квантовой телепортацией мучаются. Вроде всё верно, расчёты сошлись, а доходит до дела – псевдо-гиперон ни в какую не передаёт состояние. Причём ты же помнишь, до границы облака Оорта у них всё получалось, а дальше никак. Ну я шутки ради и предложила сложить эффект от наших двух установок. И, представляешь, получилось!

Не сдержавшись, Арина радостно вскинула вверх сжатую в кулак руку. Победно звякнула сложная комбинация из тонких и толстых осмиевых браслетов, не так давно пришедших на смену серебряным.

– Нам сообщили. Увеличенные версии ваших установок пойдут в работу сегодня ночью. Понятно, что между переносом состояния кванта и переносом состояния корабля расстояние велико, но нас убедили в том, что главная принципиальная проблема решена. За пару лет безопасный гипер-навигатор будет готов. Ещё несколько КБ как раз разработают внутреннюю конструкцию корабля. Костя – командир экипажа, меня даже в дубль не берут. Тот полёт к облаку Оорта...

– Я поняла. Не продолжай.

Арина резко встала из-за стола и отошла к окну. Открытие, изменившее будущее всего человечества и похоронившее мечты её возлюбленного... Какая ирония.

– Нам ещё нужно решить, куда полетит новейший корабль. Возможно, они передумают.

Год 2093, ноябрь. Особая научная станция, Урал

Подготовка к миссии практически завершилась. Ещё в июле на Байконуре встала, поблёскивая серебристыми боками, огромная, временно безымянная сфера – посланник человечества к старшим братьям, подарившим человечеству космос. Почти закончили тренировки и предполётное слаживание семеро будущих обитателей сферы – посланники, первопроходцы, по первому впечатлению от которых гипотетические инопланетяне станут судить обо всех землянах. Историки, социологи и этологи тщательно отобрали элементы земной истории и связанные с ними материальные артефакты, которые в первую очередь следует продемонстрировать обитателям иных миров.

Оставалось лишь одно: решить, где искать Змеев в первую очередь.

Арина, получившая не так давно собственную лабораторию и целых двоих сотрудников в придачу, была уверена, что знает ответ. Ещё в начале осени она предоставила Возвышенскому, теперь ставшему её непосредственным начальником, два самых привлекательных маршрута и их теоретическое обоснование. Профессор переправил документы в

Москву и принялся ждать вызова Ройской и её команды в столицу, для личной презентации и обоснования её перед курирующими миссию чиновниками Совета. Но Добронравов предпочёл поступить по-другому.

– Арина, Артур, Родион, я получил сообщение из Москвы. Через два часа – сеанс сп-связи, насчёт возможного маршрута миссии. – Глядя на ошарашенные лица молодёжи, Возвышенский печально вздохнул. Он прекрасно знал Добронравова, и понимал, почему тот принял именно такое решение. Но ребят, совершенно не готовых к подобному разговору, было искренне жаль. – Вам придётся убедить в собственной правоте председателя Совета ОСР. Сеанс связи будет у меня в кабинете, но я не смогу вмешаться.

Прежде чем отключиться, он ободряюще улыбнулся, в первую очередь – ошарашенной Арине, судорожно комкающей в руке край шёлкового, хитро вышитого, рукава.

В без четверти шесть четверо учёных собрались в педантично-аккуратном кабинете Возвышенского. Как правило, попадая сюда впервые, люди недоумевали, почему во всём кабинете, в котором профессор проводит так много времени, нет ни единого отпечатка его личности: ни фотографий, ни безделушек, ни бестолковой подарочной мелочёвки, которая так или иначе скапливается у любого руководителя. И только потом, познакомившись с профессором, понимали: он просто не любит лишние вещи. Не любит до такой

степени, что подаренными ему сувенирными ручками, хоть обычными, хоть нейро, пишет половина сотрудников станции; книги и картины немедленно отправляются в общую библиотеку станции. А сувениры, не имеющие очевидной полезности, утрамбовываются в нижний ящик стола, разобрать который профессор честно собирался ровно столько же времени, сколько существовал «Террариум».

Пятнадцать минут напряжённого ожидания, и, повинуясь мысленному импульсу профессора Возвышенского, люк, обычно скрывающий световой передатчик, отъехал в сторону. Арина привычно ощутила укол зависти – пользоваться нейроинтерфейсами могли только люди, обладающие высочайшей дисциплиной разума. Она сама не могла даже заставить нейрокарандаш нарисовать прямую линию – как правило, получалось какое-то непотребство. И это при том, что она заслуженно считалась одним из самых перспективных молодых учёных!

Передатчик мягко засветился, создавая проекцию мужчины богатырского телосложения с по-восточному узковатыми глазами на лице, типичном для жителя средней полосы России.

– Товарищ председатель. – Все присутствующие в кабинете учёные развернулись в сторону проекции. Правила этикета при общении с помощью световых передатчиков пока ещё только появлялись, но нелюбовь Вячеслава Артемьевича Добронравова к долгим и показательным приветствиям

была известна каждому.

– Товарищи учёные, я слушаю. У вас двадцать минут.

– Мы знаем, что для преодоления магнитного барьера создаётся поле силой не менее 10^5 Тесла. Это очень много – в тысячи раз больше, чем магнитная индукция нашего Солнца, например. Мы не могли бы не заметить такие всплески энергии. – Арина сглотнула и украдкой принялась прокручивать на пальце обручальное кольцо.

– Но мы их не заметили? – Добронравов с искренним интересом слушавший рассказ, попытался помочь девушке. Но сделал только хуже – Арина беспомощно взглянула на коллег, и Родион поспешил на помощь.

– Заметили. Но неправильно идентифицировали. Мы считали их магнетарами. – Родион с вызовом взглянул на проекцию, ожидая комментариев о сумасшедших учёных. Но на лице Добронравова сохранялась вежливо-заинтересованная улыбка, и аспирант продолжил. – Теперь мы думаем, что Змеи просто построили несколько стационарных точек перехода, в которых достаточно задействовать навигационный прибор, разрешающий квантовую запутанность. Это...

– Экономит ресурсы и упрощает корабли. Я понял. Дальше.

– Мы считаем, что самый мощный известный нам магнетар – и есть родная планета Змей. Или ближайшая к ней база.

– Романтики... Не вы ли только что употребили очень правильную формулировку «известный нам»? Вы так увере-

ны, что человечеству известны абсолютно все магнетары? – Родион открыл было рот, желая возразить, но Добронравов поднял руку, останавливая его. – Я лишь уточнил, что не следует надеяться на то, что вы с первого раза найдёте их родную планету. А так-то рассуждения правильные. Я отдам распоряжение завершить подготовку к миссии, и каждый из вас будет представлен к государственным наградам. Но только после того, как корабль отправится в путь. Нечего пугать наших «друзей» раньше времени.

Солнечная система

Старт был назначен на тридцатое мая две тысячи девятосто четвёртого года. Несмотря на то, что корабли, оснащённые гироскопами, прекрасно умели подниматься в небо с любых поверхностей, и космодромы как таковые уже отошли в прошлое, ради этого старта расконсервировали Байконур. Совет ОСР желал напомнить всем интересующимся, кто был и будет первым в межзвёздном пространстве.

О самой миссии было сказано немного. В начале весны глава «космического» министерства выступил с речью, в которой скупно упомянул, что учёные ОСР выдвинули обоснованные предположения о том, где искать родную планету Змеев. Для проверки их теорий к находящемуся в созвездии Стрельца магнетару SGR 1806-20 отправится космический корабль «Вестник» с семью добровольцами на борту.

Все – не состоящие в браке, не имеющие детей, а также тяжелобольных близких родственников.

Все – здоровые, физически развитые, не имеющие сильных отклонений от показателей, считающихся нормотипичными.

Трое – космонавты, лётчики, прошедшие и серьёзную военную подготовку, умеющие управляться с несколькими видами оружия.

Один из конструкторов корабля, потребовавший назна-

читать его инженером в экспедицию.

Один – этолог и врач общей практики, защитивший, вдобавок, ещё и диссертацию по нейропсихологии.

Ещё один – универсал, обладающий превосходными базовыми знаниями в нескольких физических и химических дисциплинах, но так и не получивший ни в одной из них учёной степени.

И последний – музыкант и поэт, в «прошлой жизни» лингвист.

Первоначально предполагалось, что экспедиция отправится тихо, без лишнего шума, и освещать её будут лишь научные и околокосмические издания ОСР. Но за два дня до старта Совет изменил решение и выдал аккредитацию ещё и десятку иностранных журналистов, изрядно заинтересованных и целью «Вестника», и его маршрутом. Шутка ли: семь человек отправляются в странствие протяжённостью в шестьдесят миллионов лет. И это только в одну сторону!

И за три дня до старта журналисты – союзные и иностранные – заполнили жилые домики Байконура, надеясь урвать хоть кусок дополнительной информации. Вооружённые компактными проекционными передатчиками, «хитрецками», загодя настроенными на автоматическую фиксацию определённых слов и лиц, и прочим технологичным оборудованием, сменившим – но не заменившим – извечные блокнот и ручку, они были везде. В каждом коридоре, у каждого ангара, возле безликих разноразмерных ящиков с оборудо-

ванием, загружаемых на корабль.

Но тщетно. Распоряжения о недопуске посторонних лиц к команде и кораблю выполнялось безукоризненно. И журналистам пришлось удовольствоваться официальными пресс-конференциями, на которых, тем не менее, не было космонавтов; просмотром информационных фильмов и праздничными фуршетами с концертной программой.

Впервые они увидели корабль только в день старта. Огромный, сверкающий серебром, шарообразный, полностью сотворённый человечеством, он уже стоял на опорах, готовый в любой момент отправиться в путь. На его блестящем боку гордо красовалось ало-золотое название «Вестник», придуманное лично Вячеславом Артемьевичем. Но при всей своей монументальности внешне он ничем не отличался от сотен разноцветных сфер, на скорости 250 км/с бороздящих просторы Солнечной системы.

В тени корабля, ожидая завершения речи министра космического развития, скромно стояли семеро космонавтов.

Первый – среднего роста кареглазый шатен с резкими чертами лица и тонким крестообразным шрамом на правой скуле. Полковник Константин Усиков, командир корабля. Одетый в золотистую форму космических войск ОСР, он стоял, касаясь рукой «Вестника», и задумчиво смотрел куда-то за горизонт, поверх собравшихся зрителей.

За ним – второй и третий пилот, в такой же золотистой форме, похожие как аверс и реверс. Оба высокие, атлетиче-

ски сложенные, замершие по стойке смирно. Второй пилот – старший лейтенант Мухаммед Алиев – обладатель тёмной кожи, орлиного носа и очень тёмных, почти чёрных глаз, был единственным космонавтом, надевшим головной убор. Под форменной фуражкой, отбрасывающей тень до подбородка, лицо Мухаммеда казалось холодным и бесстрастным. Третий пилот – лейтенант Роланд Иванов – широко улыбался, обводя взглядом трибуну, зрителей и космодром. Его большие голубые глаза улыбались тоже, и казалось, что ярко-рыжие, выющиеся мелким бесом, волосы и веснушки, густо усеявшие нос и скулы Роланда, радуются всему происходящему так же, как и их обладатель.

В центре стояли женщины. Они обе, не сговариваясь, предпочли гражданскую одежду униформе космонавтов. Симпатичная пухленькая короткостриженная блондинка облачилась в тёмно-синий брючный костюм, из-под пиджака которого виднелись воротник и манжеты серой поблёскивающей блузки. Людмила Георгиева, обладательница широчайше-поверхностных знаний во множестве отраслей науки, вежливо улыбалась и изредка поднимала руку в приветственном жесте, но по небольшой скованности в её жестах было заметно – всеобщее внимание нервирует Людмилу. В отличие от худой высокой брюнетки, словно состоящей из одних острых углов, расслабленно прислонившейся к обшивке «Вестника». Кристина Когтева, композитор, автор трёх опер и бессчётного количества композиций разно-

го уровня популярности, привыкла быть на публике. Она лениво разглядывала собравшихся, изредка прикладывая ко лбу руку, украшенную крупным браслетом в виде пантеры. Изумрудно-зелёный брючный костюм повторял цвет её глаз и был, пожалуй, самой официальной вещью из надетых ею за последние десять лет. Но куратор был непреклонен: старт миссии не должен выглядеть, ни слишком серьёзно, ни слишком легкомысленно.

Юрий Власов, один из конструкторов «Вестника», предложивший свою кандидатуру на должность бортинженера, предпочёл простой коричневый комбинезон и коричневую же рубашку с вышитой на нагрудном кармане серебристой окружностью. Самый старший из космонавтов, рано посевший, невесть где потерявший мочку правого уха, Власов напоминал невысокое кряжистое дерево, прочно укоренившееся в земле. Он внимательно слушал речь министра, не сводя с него тёмно-зелёных, с золотистыми искрами, глаз.

Последним стоял Сергей Демидов, врач и этолог. Невысокий – даже чуть ниже Людмилы – он явно не испытывал никаких комплексов по поводу роста. Темноволосый и голубоглазый, с тонкими чертами лица, облачённый в простой серый джемпер и тёмные брюки, он очень походил на стереотипного интеллигента начала двадцатого века. Довершали сходство сдержанная, но дружелюбная улыбка, которой он одаривал зрителей, и круглые очки в тонкой металлической оправе.

Наконец министр закончил речь. Заиграл гимн, и нижняя часть «Вестника» плавно опустилась вниз. Посланники встали на платформу и дружно вскинули руки, прощаясь с Землёй.

– Поехали, ребята.

Константин Усиков занял место первого пилота. Рядом – в кресло второго пилота – опустился Мухаммед. Команда столпилась за их спинами – пятеро ярких индивидуально-стей, ставших в этот миг единым волнующимся целым. Каждый из них провёл несколько месяцев на тренажёрах, отрабатывая самые разные действия, стандартные и не очень. Но разве может сравниться тренажёр с настоящим, единственным в своём роде, кораблём, готовым отправиться в первый полёт?

Сквозь стенки, настроенные на полупрозрачное состояние, космонавты видели, как фотографы, видео и проекционные операторы засуетились, наводя объективы.

Согласно предварительно утверждённому плану, Алиев вывел на внешнюю стенку карту полёта: от Байконура к внешней границе пояса астероидов, минуя Луну и Марс. Следующей точкой было отмечено созвездие Стрельца, и никакой линии между поясом и созвездием проложено не было.

– Забегали, защёлкали. Кажется, удивились. – Кристина, с ехидной усмешкой наблюдала за суетящимися журналиста-

ми. – Знали бы они, что мы можем прямо отсюда прыгнуть к Стрельцу.

– Не можем. Ройская прямо сказала: рискованно. Лучше производить прыжок в месте, максимально удалённом от любых космических объектов. – Константин положил руку на экран нейроинтерфейса. Эта, корабельная, версия для надёжности была оборудована ещё и датчиком нейрофизических импульсов.

– Я помню, что рискованно. Но в принципе же – можем.

– Можем. Аэлита, просыпайся. Пора взлетать.

На боковой панели сформировалась проекция красивой женщины в развевающихся золотистых одеяниях – изображение, созданное подсознанием командира корабля.

– Костик, а чего это у тебя Аэлита, как какая-то арабская танцовщица выглядит?

Все члены экипажа удивлённо разглядывали созданный командиром образ помощника, но озвучить общий вопрос решился только Мухаммед.

– А чёрт её знает. Когда в первый раз настраивали, мне забыли сказать, что она такой и будет всё время, когда я вызываю. Я и не стал что-то приличное создавать, отдал на волю подсознания. А там такое.

– Да ладно тебе, Муха. Твоё чудо-юдо пострашнее будет. – Владелец звучного имени Роланд, никак не сочетающегося с фамилией Иванов, толкнул в плечо второго пилота. – Я в тот день без успокоительного заснуть не смог. Всё ждал, что

оно на меня нападёт из-за угла.

– Аэлита, включай гравитацию и гироскопы. Полная мощность двигателя – только после прохождения атмосферы. До того скорость – 10 километров в секунду.

«Вестник» вздрогнул, плавно двинулся вокруг своей оси. Перед взглядами космонавтов бешеной каруселью понеслись журналисты, транслирующие человечеству очередную попытку найти собратьев по разуму.

Минута, и корабль оторвался от земли, вертикально взмывая вверх сквозь тонкое перистое облако, нагло перекрывшее ещё пять минут назад чистое небо.

– Выключил бы ты прозрачность. – Сергей, с начала старта шепчущийся о чём-то со смешливой Людочкой, базовым физико-химиком, как она сама себя называла, укоризненно покачал головой, глядя на удаляющуюся Землю.

– Нет-нет. Оставь. – Кристина замерла у стенки, широко раскрытыми глазами впитывая в себя проносящийся мимо мир.

– Ты же всё это видела сотни раз: на тренировках и в виртуалке.

Отсек управления покинули почти все космонавты кроме первого и второго пилотов и самой Кристины. Константин расслабленно откинулся в кресле, передав обязанность следить за обстановкой Мухе. Как бы хороши ни были технологии искусственных помощников, полностью доверяться им пилоты не имели ни права, ни желания.

– На тренировках о стихах как-то не думается. А в виртуалке они не рождаются. Ты когда полную скорость включишь?

– Как границу атмосферы минуем. И у тебя будет целых двадцать пять дней на любование космическими пейзажами. Кстати, как ваше творческое сообщество их именует?

– Никак. Зачем придумывать отдельное название тому, что не является отдельным жанром? – Кристина наконец присела, но осталась столь же напряжённой. – Ты же предупредишь перед прыжком?

– Естественно. Мы на один день останемся в поясе. Проведём пару экспериментов, ну и заклятым друзьям на Земле задачку зададим.

– Костя, даёшь разрешение на полную скорость? – Муха занёс палец над нейроимпульсным экраном. Нейросенсорным интерфейсам он в таких важных вещах не доверял.

– Включай.

Кристина тихо ушла, оставив пилотов наедине с Аэлитой.

– Красивая женщина. – Костя лениво скользнул взглядом по объёмной карте курса, и прикрыл глаза.

– Ты чего? Нам же нельзя. – Муха буквально вытаращился на командира. – «Членам экипажа предписывается воздерживаться от переживаний, способных ухудшить психологическую атмосферу внутри коллектива».

– Так я и не переживаю. Просто люблюсь. Вон, как Аэлитой. – Константин потёр виски, отгоняя зарождающуюся го-

ловную боль. – Завтра твоего помощника вызовем. И как тебе так долго удаётся их удерживать?

На пятый день полёта случилось первое ЧП. И сообщил о нём антропоморфный крыс – искусственный помощник Мухаммеда, тоже именуемый Аэлитой.

– В кухонном отсеке потеряно соединение между холодильной установкой и системой электрического питания корабля.

Находившиеся в тот момент на дежурстве Муха и Людочка сначала даже не поняли, что им говорит Аэлита. Как так: потеряно соединение между холодильной установкой и системой электрического питания? Но искусственный помощник настаивал на своём: холодильная система выпала из общего контура, значит, в лучшем случае, повреждён кабель. В худшем – серьёзные проблемы с самой установкой.

– И что теперь делать? – Муха отвесил символический щелбан помощнику. – По инструкции я должен вызвать Юрия Валерьевича. Но он на пятнадцать лет меня старше, и на тридцать – умнее! Мне воспитание не позволяет его по мелочам гонять!

– Принеси нам мороженого. – Люда мило улыбнулась, но, увидев крайне озадаченное лицо Мухаммеда, вздохнула. – Вот нет в вас, мужчинах, хитрости. Идёшь в кухонный отсек, берёшь две охлаждаемые пиалочки и лезешь в холодильную установку за мороженым. Теперь у тебя есть абсолютно за-

конная причина сначала самому узнать, что случилось с холодильной установкой. Ну если что-то серьёзное, тогда уже зовёшь Юрика. Понял?

– Понял. И как это у вас получается? – Мухаммед подозрительно оглядел круглолицую улыбающуюся блондинку, в которой никак невозможно было заподозрить такие глубины коварства, и бегом кинулся прочь из рубки.

Внутреннее пространство «Вестника» делилось на несколько неравных отсеков. Гигантская центральная ось из крайне сложного двухслойного прозрачного материала (не)скрывала в верхней своей части магнитно-квантовый двигатель, называемый «двигателем» исключительно из-за того, что основные мощности человеческого разума были заняты его разработкой, а не именовани­ем. Сейчас он, сероватый куб с единственным мигающим диодом, пребывал в покое, но не был отключён – пессимисты из служб безопасности настояли на том, чтобы «Вестник» преодолел Солнечную систему, имея возможность быстро перенестись в пространстве. Впрочем, внутри корабля находилась только одна часть двигателя, «распутыватель», обнаруживающий запутанные псевдо-гипероны и осуществляющий перенос информации. Второй его частью, «динамкой», генерирующей магнитное поле, являлась, по сути, половина обшивки корабля.

Ниже МКД, такой же серый и кубический, но намного более крупный и иллюминированный, расположился «сжима-

тель», он же – генератор особых электрических волн, сжимающих пространство перед кораблём, и расширяющих его позади.

По общему мнению, принцип работы «сжимателя», «распутывателя» и «динамки» до конца понимали от силы человек тридцать на Земле, и ни один из них, естественно, в экспедицию не вошёл. Потому приборы были обвиты таким количеством датчиков, что отдалённо напоминали больших сероватых рыб, запутавшихся в сетях.

Ниже генератора тихо попискивала компактная термоядерная установка, обеспечивающая энергией все системы «Вестника». Здесь датчиков было не меньше: в случае отказа генератора корабль ещё мог бы вернуться на Землю или встать на ремонт на станции во внешней границе пояса астероидов. В случае аварии энергетической установки возвращаться было бы некому.

В двух гигантских боковых отсеках, невидимые и неслышимые, вращались осмиевые гироскопы – рабочие лошадки двадцать первого века. Эти отсеки не просматривались, скрытые от глаз жилыми и исследовательскими помещениями.

Вся правая часть была отдана под техническую оснастку, лаборатории и грузы. Левая же часть принадлежала людям: кают-компания, тренажёрный зал; музыкальная, читальная и кино-комнаты; личные каюты и, наконец, кухонный отсек, заполненный новейшими достижениями человеческого ге-

ния в области приготовления пищи. Ибо согласно утверждениям учёных, вкусная и качественная пища влияет не только на физическое, но и на психическое здоровье. А люди, готовившие полёт, были кровно заинтересованы в том, чтобы из космоса вернулись полностью здоровые герои, способные отправиться в торжественное путешествие по планете.

Рубка, расположенная в передней части корабля, чрезвычайно напоминала мостик морских собратьев «Вестника» – платформа, вырастающая из внутреннего слоя обшивки и несущая на себе три кресла-трансформера и три панели нейроинтерфейса и нейроимпульсных экранов. От остального корабля рубку отгораживала такая же прозрачно-двухслойная преграда, что и центральную ось.

Наконец, задняя часть «Вестника» была ангаром и стартовой площадкой для челнока, батискафа и прочих мелких кораблей, приготовленных для долгого исследования планет.

Когда в первый день знакомства с кораблём Кристина спросила, для чего так много прозрачных стенок, куратор объяснил, что техника и датчики, это хорошо, но для чего отказываться от дополнительной системы наблюдения в виде глаз проходящих мимо оси космонавтов? Когда Кристина задала тот же вопрос о прозрачных стенах рубки, куратор улыбнулся и сказал, что это решение не было продиктовано технологической необходимостью.

Лётчики-космонавты тогда понимающе переглянулись. Прозрачные стены рубки действительно были не производ-

ственной необходимостью.

Во внутреннем, не занятом отсеками, пространстве корабля искусственная гравитация не поддерживалась, что прилично ускоряло перемещение космонавтов и снимало с конструкторов необходимость монтажа лифтов, лестниц и прочих устройств для перемещения вверх-вниз.

Мухаммед, умело лавируя, обогнул центральную ось, пронёсся мимо разноцветных «сот» – дверей в каюты, нырнул в кухонный отсек и мысленно возблагодарил некую неведомую, но безусловно благую силу за то, что на пути ему не попался ни один член экипажа. Теперь можно было не торопиться. Выложив на стол две охлаждаемые пиалочки, своё алиби, он занялся холодильной установкой.

Аэлита оказалась права, агрегат действительно выпал из общего силового контура из сети. Причём выпал в прямом смысле слова – конец кабеля неприкаянно лежал на полу, словно кто-то отсоединил его от питания, а обратно так и не вернул. Муха хмыкнул, представив себе, как одна из его бывших одноклассниц забегала бы по кораблю с веточкой в руках, разыскивая злого духа, и принялся осматривать место происшествия.

Через пару минут всё стало на свои места. Холодильная установка оказалась очень дорогой и многофункциональной, но и очень неприспособленной к работе в условиях космического корабля. Видимо, кто-то не успел собрать нужную и попытался выйти из положения таким образом.

Муха улыбнулся, достал из кармана куртки походный наборчик со всем необходимым и принялся за привычную с детства работу. В том, чтобы подправить места присоединения кабелей, не было ничего сложного. Конечно, в какой-то момент начнут расшатываться внутренние крепления, и здесь понадобится Юрий Валерьевич, но это будет потом. Быть может, даже уже на Земле.

Отдыхать после дежурства в рубке Константин предпочитал в музыкальной комнате. Небольшое светлое помещение, хаотично заставленное усилителями, динамиками, футлярами с различными инструментами, концертными стульями и мягкими диванчиками было, можно сказать, его второй и основной каютой. Основной потому, что в первой он только спал.

Если в музыкальной комнате никого не было – Костя играл на старинной электрогитаре, лишённой даже намёка на облегчающую игру электронику. Если побыть в одиночестве не получалось, то лежал с закрытыми глазами на угловом диване, транслируя себе в мозг аудиозаписи.

В этот раз, закончив восьмое дежурство и оставив в рубке Кристину с мольбертом и Рыцаря, как теперь с лёгкой руки Людочки называли Роланда, Костя уже снял гитару со стены и собирался поиграть в своё удовольствие. Но у судьбы были другие планы.

– Командир, не помешаю?

Юрий Валерьевич деликатно кашлянул прежде, чем войти, давая Константину возможность прервать своё занятие, в случае если он не желает выставлять его на всеобщее обозрение.

– Заходите. Знаете, мне как-то странно, когда вы, конструктор, лауреат множества государственных наград, меня на вы называете.

Власов улыбнулся, и его спокойное, даже отстранённое лицо на мгновение показалось живым и участливым.

– Субординация, Костя. Не более. Но я готов общаться с вами менее формально в таких обстоятельствах, как сейчас. В остальное время не стоит шокировать команду. Вы должны быть для них непререкаемым авторитетом. В конце концов, случись что, именно вы, а не я, примете решение, от которого будут зависеть наши жизни.

– Вы полагаете, такие обстоятельства сложатся?

– Откуда мне знать. – Юрий Валерьевич пододвинул полукруглое зелёное кресло так, чтобы находиться напротив Константина. Но садиться не стал, только облокотился на плюшевую спинку. – И именно об этом я хочу поговорить с вами. – Власов кивнул, словно соглашаясь сам с собой, затем продолжил. – Первое, что вам следует знать, это то, что не все технические отсеки заняты оборудованием. Нет, не так. Не все технические отсеки заняты мирным оборудованием. Более того, капсула генератора при необходимости способна генерировать куда более мощное и направленное электри-

ческое поле, чем официально считается. Это справедливо и для магнитной установки. Вы меня понимаете?

– Так вы полагаете...

– Не я. Совет и лично Добронравов. Но я с ними скорее согласен, чем нет. Могли ли мы заранее предполагать катастрофу «Объекта 1» или обнаружение венерианской базы?

– Значит, мы должны быть готовы к драке. И от нас ждут готовности более серьёзной, чем даже та, на которую намекает конструкция внутренностей корабля. – Константин запустил руку в вечно растрёпанные тёмные волосы. – Почему же мы раньше не говорили об этом?

– Всё должно было выглядеть так, как выглядело. Вы ведь не актёры. Но скажите, Костя, неужели вы не обратили внимания, что из семи членов экипажа только двое не имеют вообще никакого опыта военной службы?

– Я думал, дело в умении соблюдать субординацию и выполнять приказы.

– И в нём тоже. – Власов наконец-то уселся в кресло и, постучав пальцами по колену, тихо сказал. – Костя, то, что я сейчас скажу, является лишь личным мнением немолодого уже учёного привыкшего дуть не то, что на воду, – на лёд. Предложите остальным членам экипажа создать собственных искусственных помощников. Мне известно мнение Совета по этому поводу, но я считаю, что это оправданный риск. Я смогу ограничить их одним сектором в нейронной системе «Вестника», но у каждого из нас должна быть воз-

возможность управлять хотя бы частью функций корабля. На случай непредвиденных обстоятельств.

– А если они не произойдут? Это же трибунал. – Человек, сидящий напротив, спокойно говорил о таких вещах, о которых он, опытный пилот, имевший несколько боевых вылетов, предпочитал не думать. И Костя впервые в жизни задумался о том, при каких обстоятельствах Власов потерял мочку уха.

– Если не произойдут, то я сам их удалю. И, на всякий, случай, научу вас это делать.

– Хорошо. Я доверяю вашему опыту. Пройдём астероиды и перед прыжком создадим.

– Через два дня будем в поясе. Потом день на эксперименты, и прыжок. Серёга, ты не боишься?

– Прости, Рол, что ты сказал? – Сергей, углубившийся в проекцию каких-то архивных документов, поднял голову, с трудом возвращаясь в реальность.

– Тебе не страшно прыгать? Мы ведь первые.

– Спорное утверждение. Перед нами были тараканы, мыши, парочка лори и с десятков орангутангов. И большая часть из них вернулись целыми и невредимыми. – Сергей выключил проекцию, подошёл к старательно копающемуся на книжных полках Роланду. Единственный член команды, не перешагнувший ещё рубеж тридцатилетия, выглядел ошеломлённым и растерянным. Под мышкой он держал сияю-

щий новизной томик «Королевы Солнца».

– Интересный выбор. Ты уже читал эту книгу? – Сам Сергей предпочитал новеллы Средневековья, на крайний случай – хорошо написанные исторические романы, и совершенно не понимал фантастику. Но с Роландом следовало поговорить о чём-нибудь таком, о чём интересно разговаривать ему самому.

– Нет. Только собираюсь. Серёга, я не справлюсь. Я вас всех подведу в самый ответственный момент! – Роланд с силой вернул книгу на полку, не заботясь о наличии свободного места на ней.

– И как ты собираешься это сделать?

– Не понял.

– Ну вот как именно ты собираешься нас подвести? – Сергей аккуратно снял книгу с полки, расправил смятые страницы и внезапно, повинувшись какому-то бессознательному решению, зажал её подмышкой. Тридцать пять лет – отличный возраст, чтобы попробовать что-то новенькое. Особенно, находясь на пороге самого увлекательного приключения в истории человечества. – Вот настало двадцать пятое июня, мы собрались в рубке, Константин отдал Аэлите команду готовиться к прыжку, включил магнит... И как именно ты планируешь помешать этому?

Глядя на озадаченного Роланда, Сергей еле сдерживал смех. Казалось бы, всего десять лет разницы, а такое ощущение, что в эти десять лет целая жизнь помещается. Неужели

каждому молодому свойственно такое завышенное мнение о важности собственной персоны?

– Я не планирую мешать. Я просто боюсь, что что-то пойдёт не так, и всё из-за меня. – Кажется, до Роланда что-то стало доходить. По крайней мере, каждое сказанное им слово звучало всё тише. А «из-за меня» он вообще прошептал.

– Что-то может пойти не так только из-за двух разумных на корабле: из-за Константина или из-за Аэлиты. Но я надеюсь, что ты не планируешь кусать нашего бравого командира за палец, которым он нажмёт на заветную кнопку? – Роланд покачал головой, еле сдерживая смех, и Сергей продолжил. – Ну а как можно помешать Аэлите – я вообще не представляю. Так что не накручивай себя заранее, Рыцарь. Лучше вот возьми, почитай.

С этими словами Сергей впихнул в руку обалдевшему Роланду «Роман о Лисе» и собрался уже покинуть читальную комнату. Но, увидев, что Роланд успокоился лишь наполовину, остановился.

– Послушай, Рыцарь, ты ведь читал научную фантастику, написанную до крушения «Объекта 1»? И отчёты о начале космической программы СССР? – Дождавшись утвердительных кивков, Сергей улыбнулся и обвёл рукой уютное помещение библиотеки, заставленное стеллажами с бумажными книгами, тремя стационарными «умниками» и несколькими столами со встроенными панелями нейроинтерфейса. – Ты видишь вокруг хоть что-то, что предки считали

непременными спутниками космических полётов? Скученность? Нехватку пространства? Синтетические безвкусные продукты или хотя бы борщ в тубике? Мы отправляемся в первое в истории межзвёздное путешествие, а у нас есть библиотека, и на её стенах висят картины! Подумай об этом, дружище. Мы уже переплюнули самые смелые мечты нашего вида!

Теперь Роланд действительно выглядел успокоенным. Улыбнувшись, Сергей отправился в собственную каюту – читать о злоключениях их воображаемых предшественников.

Всю свою сознательную жизнь Кристина любила две вещи: людей и одиночество. Иногда ей самой было интересно, каким образом в человеческой психике в принципе может возникнуть такой выверт. Иногда это не имело никакого значения. Всё зависело от того, работает ли она над новой оперой или тяжело приходит в себя после очередного творческого запоя.

Именно по этому она в равной степени хотела лететь и боялась – понимала, что никогда не могла предсказать, в каком состоянии проснётся в очередной раз: ласковой домашней кошечкой, готовой с интересом «обнюхивать» каждого человека, встретившегося ей на пути; или скрытной жительницей саванн, только что не шипящей на непрошенных гостей.

Она была единственным человеком на корабле, имеющим ощутимые отклонения от нормотипичной психики. Точнее,

её вообще не должно было быть здесь. И Кристина прекрасно это понимала. Так же, как понимали это и люди, утверждавшие её присутствие на «Вестнике». Кристина точно знала, что заставило их принять такое решение.

Давным-давно некие умные люди поняли, что воевать можно и нужно не только оружием. Что слово воздействует сильнее и порой непоправимее, чем любые другие формы искусства. Сначала это было изящной, но действенной пропагандой. Потом превратилось в намеренный экспорт идей в разных формах. Наконец до обитателей высоких кабинетов в разных уголках Земли дошла одна простая мысль: чтобы люди верили тому, кто разговаривает с ними со сцены, он должен сам верить тому, о чём говорит.

И нарочитая, грубая пропаганда закончилась навечно. На смену ей пришёл тщательный отбор публичных личностей, готовых и, главное, желающих работать на благо той или иной идеи. Их ненавязчиво опекали, расчищали перед ними дорогу, создавали все условия для свободного и комфортно-го творчества. И ни к чему не принуждали. Просто, если творец внезапно выходил из нужной колеи, его оставляли один на один с реальностью. Выживали, как правило, немногие.

Крестину такое положение дел нимало не трогало. Заставлять её никто не заставлял – каждое слово и каждая нота, написанные ей, действительно шли из самого сердца. Ну а то, что некоторые люди на самом верху оказались согласны с её мыслями и идеями, так это не более, чем удачное сте-

чение обстоятельств. И Кристина творила. Иногда помогала не попавшим в обойму или вылетевшим из неё коллегам. И всегда была готова к тому, что однажды её взгляды на жизнь разойдутся с официальной государственной доктриной, и тогда оставаться на плаву придётся самостоятельно.

К двадцатому дню экспедиции домашняя кошечка окончательно уступила место дикой жительнице саванн: Кристина безвылазно сидела у себя в каюте, записывая, наигрывая и сводя воедино впечатления, ставшие музыкой и песнями. И стук в дверь стал для неё очень неприятным сюрпризом.

– Крис, ты просила предупредить тебя, как в пояс астероидов войдём.

Константин стоял на пороге и, вопреки ожиданиям Кристины, не тарачил глаза, разглядывая заваленные нотными листками короткую и узкую кровать под изумрудно-зелёным пледом и мозаичный стеклянный стол; стул, увенчанный кофейной чашкой, и открытый шкаф с одеждой, из которого фривольно свисали штанины форменного комбинезона. И кристально чистую панель нейроинтерфейса, лениво выплывающую на пол очередные заполненные нотами листы. Вообще, человек более внимательный, чем Кристина в её нынешнем состоянии, заметил бы, что командир никуда не смотрит, попросту расфокусировав взгляд. И что за последние несколько дней он углубился, стал контрастнее. Словно все черты характера, до того только намеченные резцом, теперь оказались высечены в граните.

– Спасибо. – Нежелание общаться с людьми и желание посмотреть на множество астероидов ненадолго сошлись в яростной схватке, и любопытство победило. Кристина вскочила, отложила безнадёжно изувеченный карандаш, и вместе с Костей направилась в отсек управления.

– Мы будем стыковаться со станцией?

– Нет. Мы выйдем на внешний край, возьмём образцы, отправим их на Землю, и будем готовиться к прыжку. Стыковка со станцией предусматривалась только на тот случай, если бы у нас что-то сломалось.

Внешняя оболочка корабля уже перешла в режим полупрозрачности. Изрядно скинув скорость, практически шагом, «Вестник» величаво двигался сквозь причудливые ледяные и каменные образования. За ними, не перекрытые сейчас ни планетами-гигантами, ни Марсом, сияли красные и жёлтые шары – ближайшие к Солнцу звёзды. Самые естественные цели первого межзвёздного путешествия, высокомерно проигнорированные человечеством.

Издав восторженный вопль, Кристина бросилась к экрану, практически слившись с ним.

– Не понять мне этих творческих личностей. – Людочка, также не упустившая возможности полюбоваться входом в пояс астероидов, неодобрительно взглянула на Кристину, затем на её лицо снова вернулась жизнерадостная улыбка. – Серёжа, а что говорит нейропсихология насчёт того, откуда берётся талант?

– Не смейся меня. Мы даже ещё не выяснили, куда он однажды девается. – Голубые глаза за стёклами старомодных узких очков в тонкой оправе дружелюбно улыбнулись, и Люда так и не поняла, согласен ли с ней их обладатель. Она хотела продолжить разговор, но Сергей уже подошёл поближе к креслу командира и принялся разглядывать астероиды.

Постепенно в рубке собралась вся команда. Мухаммед и Роланд, чьё дежурство как раз началось, заняли места первого и второго пилота. Константин устроился за их спинами, делая вид, что любит видом вместе со всеми. А то, что рука иногда дёргается так, словно лежит на нейроимпульсном экране, так это совершенно ничего не значит.

– Вот за этим мы и сделали переднюю часть корабля имеющей способность становиться прозрачной. – Юрий был напряжён так же, как и пилоты. Но совершенно не считал нужным это скрывать.

– Чтобы команда тоже могла полюбоваться астероидами? Услышав голос Роланда, Костя дёрнулся. Но корабль продолжал плавно идти, придерживаясь курса, и командир промолчал.

– Увы, мы старые сухари, и подобная сентиментальность нам чужда. Для того чтобы пилот мог ориентироваться не только на показания навигационных приборов, но и на свои собственные глаза. Не все объекты достаточно хорошо видны в доступных приборам диапазонах.

– Почему тогда на остальных кораблях такого нет? – Му-

хаммед нахмурился, и его версия Аэлиты, пытаюсь скопировать жест «хозяина», смешно наморщила длинный нос.

– Думаю, потому, что они сконструированы для других задач. – Юрий слегка развёл руками, демонстрируя, что обладает всей полнотой информации только о «Вестнике».

К вечеру следующего дня экипаж насытился видами, и в рубке снова стали оставаться только дежурные пилоты. И Кристина, уходящая от величественного зрелища лишь для того, чтобы поесть или поспать. И то, о еде она вспоминала от силы раз в день. Ещё два раза Константину приходилось выгонять её, используя служебное положение.

На третий день они достигли станций «Терешкова» и «Армстронг» – таких же сферических, блестящих, отражающих свет далёких звёзд. И – по сравнению с Вестником – небольших. Каждая из них была, как минимум, в два раза меньше корабля.

– Странно. Насколько я помню официальный курс «Армстронга», они должны были покинуть этот квадрат ещё неделю назад. – Костя недовольно просматривал сводку данных о свойствах обнаруженных системами корабля объектов. – И в трёх градусах от нас ошиваются «Ян Ливэй» и «Шармен». Вечеринка, блин. И, что показательно, все пришли без приглашения.

– Они попытаются нас остановить? – Роланд, занимающий кресло второго пилота, кровожадно захрустел пальцами. – Мы сможем дать им отпор? «Терешкова» пару лет назад по-

лучила для тестирования противоастероидные пушки, я тогда тоже вторым пилотом был.

– Остановить они нас даже не попытаются, не за этим они тут собрались. – Костя скрыл сводку и опустил голову на сложенные пальцы. – Они хотят увидеть, как и куда мы направимся.

– Увидят они, как мы исчезнем из поля зрения датчиков, и что?

– И, быть может, поймут, как мы это сделали. Понятно, что нашу вспышку засекут все земные приборы. Но ты же понимаешь: засечь что-то на экране и наблюдать вживую – явления разного порядка. – Константин снова взлохматил волосы, затем провёл пальцами по нейроимпульсной панели, запрашивая прямые переговоры с руководством. – Зови Муху, чтобы вас тут было двое, пока я буду разговаривать с Землёй. Не тот уровень принятия решений.

Разговор продлился недолго. Через полчаса Костя включил систему внутренней связи корабля, ещё ни разу не пользовавшуюся по назначению.

– Внимание! Говорит командир корабля, Константин Усиков. Всем занять расчётные места для начала выполнения особого гравитационного маневра. Приготовиться к включению электромагнитной установки.

Слушая, как командир начинает воплощать в жизнь хитроумный план по обману чужих станций, Мухаммед и Роланд с трудом удерживались от смеха.

– Курс получен, командир. Задействую? – Голос Аэлиты, стоящей на краю панели в своих развевающихся жёлтых одеждах, чистый и высокий, был подчёркнуто нечеловеческим.

Некоторые пилоты использовали все доступные способы, чтобы посильнее очеловечить своего искусственного помощника. Обученные на массивах данных о человеческих жестикуляции и артикуляции и свойственном разным языкам интонировании фраз, сородичи Аэлиты становились практически неотличимы от людей.

Ни один из таких пилотов не попал в экипаж «Вестника». Руководствуясь какими-то, только им одним известными соображениями, члены отборочных комиссий рассматривали исключительно те анкеты, в которых не было упоминаний о чрезмерной увлечённости очеловечиванием помощников.

– Задействуй. – Увидев команду, собравшуюся в рубке и искренне удивлённую неожиданным собранием, Костя хмуро кивнул в сторону хорошо видимого «Армстронга». – Ещё две станции скоро подойдут. Центр считает нужным изобразить исследование астероидов. Так что идём по курсу, задерживаемся у отмеченных объектов, и прямо сейчас включаем «динамку» и все подходящие к случаю скопы и метры. Как только выходим из облака, сразу прыгаем. Скрыть не удастся, так пусть хоть головы поломают.

– А эксперимент? Образцы? – Сергей произвольно поправил очки, плотно сидевшие на его переносице. – Лабора-

тория Кавтарадзе такую теорию разработала...

– Отменяется наша научная работа. Для Кавтарадзе «Терешкова» поработает. – Костя замер, напряжённо наблюдая за проносящимися мимо кусками льда.

Члены команды рассредоточились по рубке, изображая бурную исследовательскую деятельность. Включились магнитометры, заработали уловители частиц, засветилась малиновым передняя часть корабля. В другое время, если бы «Вестник» действительно что-то исследовал, Людмила и Власов отправились бы в технологический отсек, управлять аппаратурой без задержек – как бы далеко ни зашло технологическое благополучие землян, опережать мысль оно ещё не научилось. Но сейчас, в странном положении между реальной и мнимой опасностью, космонавты хотели держаться вместе.

Спустя восемь земных часов они, наконец, покинули ближние пределы Солнечной системы. Всё это время чужие станции продолжали дрейфовать позади корабля, старательно выбрасывая в эфир сигналы, призванные продемонстрировать чрезвычайную заинтересованность обитателей этих станций в изучении осколков аммиачного льда. «Вестник», в свою очередь, подходил к найденным скалистым объектам, ждал произвольное количество минут и удалялся, передав на Землю небольшой пакет данных.

– Надеюсь, они хотя бы отмечали их на карте.

Константин, не доверивший управление кораблём ни Му-

хе, ни Рыцарю, прикрыл глаза. Он не устал физически – кресло-трансформер своевременно изменяло конфигурацию, не давая мышцам перенапрягаться, но чувствовал себя донельзя вымотанным. Кто знает, исправны ли системы чужих станций и не покинул ли их, по счастливой случайности, весь экипаж?

Конечно, имитациями несчастных случаев в космосе не занимались уже много лет, после того, как у Европы «отказала система управления» сразу у четырёх челноков, феерично столкнувшихся на поверхности ледяной луны. Но что мешает «дорогим товарищам и партнёрам» возобновить практику? Дурное дело, оно такое, нехитрое.

– Приготовиться. Запускаю поиск гиперона. – Чужие станции замерли в ста мегаметрах от «Вестника». «Терешкова», до того шедшая параллельно, в пятидесяти мегаметрах, наоборот, резко принялась отходить назад и в сторону, наращивая расстояние между собой и кораблём. Костя усмехнулся, видя в маневрах станции очень, очень знакомую манеру пилотирования. Валентин всё-таки согласился на подсластитель, предложенный ему Романовым. Ну и правильно.

– Командир, подходящий псевдо-гиперон найден. Запускать процедуру перехода?

– Да.

Команда столпилась у прозрачной стены, готовясь увидеть, как Вселенная исчезнет и снова соберётся перед ними. Костя, не единожды видевший, как рисунок звёзд и со-

звездий внезапно меняется, и как уютная желтоватая космическая темнота Солнечной системы становится голубоватой или красноватой, прикрыл глаза, мысленно празднуя первую победу.

Тем временем, пока перед «Вестником» разворачивались близкие к центру галактики пейзажи, обитатели станций чувствовали себя практически Леоновым. Ибо сначала передняя часть огромного серебристого корабля окрасилась малиновым цветом, затем на ней проступила яркая белая спираль. А потом корабль исчез. И вместе с ним исчезли все сигналы передатчиков, использующих для своей работы магнитное поле.

Валентин, буквально слышащий, как на станциях сейчас ругаются его заклятые враги, позволил себе несколько секунд отчаянно завидовать ребятам, желая им, однако, успеха. А потом «Терешкова» медленно направилась к ближайшему к ней «Ливэю» – следовало попытаться хотя бы по косвенным признакам понять, на какие системы повлияла столь близкая активация «динамки». Ну и помочь. Если попросят.

Созвездие Стрельца

«Вестник» материализовался точно в расчётной точке, в одной астрономической единице от «мю Стрельца». Астрофизики и планетологи предлагали прыгнуть сразу к «магнетару», военные, назвав идею самоубийственной, выдвинули свой вариант: область возле Каус Бореалис. Центральной точкой весов в этом споре и оказалось звёздное скопление, состоящее из двойной звезды, трёх обычных, оптического двойника и одного невидимого объекта.

– И что это такое? – Константин дважды моргнул, но наваждение никуда не собиралось пропадать: вместо величественной двойной звезды и выглядывающих из-за неё более тусклых партнёров по системе, прямо по курсу, на расстоянии менее одной астрономической единицы от корабля, висела планета. И, судя по вращающимся возле неё мелким рукотворным объектам, планета густонаселённая и высокоразвитая.

– Невидимый объект. – Мухаммед потянулся, разминая затёкшую спину. – Теперь хотя бы понятно, почему его видно не было.

Остальные члены команды молчали, разглядывая нечто, очень похожее на нежданно-негаданно достигнутую цель их экспедиции.

– Муха, тебя ничего не смущает в этом видимо-невиди-

мом объекте? – Костя, нахмурившись и запустив руку в волосы, просматривал данные о местонахождении корабля. Затем схема скопления, с указанием расстояний между планетой и звёздами, развернулась над командирской панелью управления. И Костя резко обернулся к столпившимся за его спиной космонавтам: – Как вам это понравится?

Власов, первым сообразивший, куда клонит командир, сморщился, словно от несильной, но внезапной зубной боли. Людочка, догадавшаяся несколькими мгновениями позже, потрясла головой, словно отгоняя морок. Остальные члены команды, так и понявшие, что не так в местоположении планеты, молча продолжили рассматривать схему.

– Кроме того, что он должен иметь просто нереальную для планеты массу? – Мухаммед пожал плечами. Он не видел ничего слишком уж удивительного в том, что «Вестник» обнаружил доселе не известную планету. За тем и летели.

– Мы должны были выйти на расстоянии одной астрономической единицы от объекта А. – Власов решил вступить в разговор, давая командиру время сосредоточиться и попытаться нащупать решение. – И мы вышли. И нашли планету, которая, по всей видимости, обращается вокруг двойной звезды с общей светимостью в сто восемьдесят тысяч раз выше солнечной. – Власов замолчал, давая космонавтам время осознать, что он только что сказал, затем слегка улыбнулся. – Ну и как вы думаете, что, скорее всего, случилось бы с планетой, если бы она оказалась столь близко к такой звезде?

– Такой шашлык я бы есть не стал. Может, она нам кажется? – Мухаммед вызвал сводку наблюдаемых объектов в радиусе двух а.е., бегло просмотрел её, огорчённо цокнув на моментах «имеет характерное для горячего нептона строение и расположение при аномальной массе» и «наблюдаются электромагнитные и радиосигналы, нехарактерные для известных естественных источников».

– Ага. Всем. Сразу. И «Вестник» нам кажется, и вообще, мы все дружно лежим в отделении функционально-нервных расстройств. Так... – Костя прикрыл глаза, кивнул, в чём-то соглашаясь сам с собой. – Мухаммед и Юрий, сформируйте, пожалуйста, отчёт на Землю. Отдельно уточните, что именно мы видим в доступном человеческому глазу диапазоне. А мы пока что, вместе с Аэлитой, прикинем, чем можем осторожно обследовать нашу находку. Аэлита!

Вопреки ожиданиям, на боковой панели не появилась тонкая женская фигурка в развевающихся одеждах.

– Аэлита!

И снова ничего. Кристина, ахнула, сжала руку Роланда, поняв, что искусственный помощник, скорее всего, больше не отзовётся на призыв командира. Остальные отреагировали хотя и не так эмоционально – возможная потеря Аэлиты лишь немного усложняла управление кораблём, не делая его невозможным – но заметно занервничали.

– Может быть, что-то повредилось в техническом отсеке? Не дожидаясь реакции остальных, Людмила быстро пере-

секла рубку и оттолкнулась от её края, одним прыжком преодолев приличное расстояние в лишённом гравитации пространстве. Роланд, чуть помедлив, ринулся следом. Сергей и Кристина переглянулись и сделали самое лучшее из того, что могли – молча остались на месте.

Костя же сосредоточился, подключаясь к нейроинтерфейсу напрямую. Обработанные данные, массивы сырой информации из безостановочно поступающих сведений о температуре, давлении, освещённости и ещё тысячах различных параметров... И нигде ни единого следа присутствия искусственного помощника. Костя прекрасно помнил своё первое погружение в нейроинтерфейс, помнил ощущения, которые создатели машины любезно перевели с языка холодной логики в понятные человеческому подсознанию ощущения. Теперь этих ощущений не было, и мир искусственного интеллекта был чужд и практически враждебен.

Не отключаясь, Костя напряг разум, создавая понятную машине команду вывести на экран второго пилота сообщение «включай процедуру создания искусственного помощника», и принялся ждать нужных ощущений.

Снова ничего.

Вынырнув из объятий машины, Костя обнаружил, что вся команда снова собралась в рубке и тихонько что-то обсуждает. Судя по часам в правом углу панели управления, он искал следы Аэлиты чуть больше двух часов.

– Мы получили сигнал. – Юрий Валерьевич воплощал со-

бой спокойствие и уверенность в том, что всё идёт по плану, и Константин задумался, что на самом деле скрывается за его сдержанной улыбкой. Тем более, что выполнить план по созданию помощников для всех членов экипажа теперь невозможно. – И уточнённые сводки о строении планеты.

– Я считаю, – посерьёзневшая Людмила говорила, продолжая лихорадочно листать что-то на «Хитреце», – только не смейтесь, пожалуйста. Так вот, я считаю, что планета – искусственно созданный объект. Не могла она тут сформироваться естественным путём.

– Давайте по порядку. – Костя с силой провёл руками по осунувшемуся от усталости лицу. – Что за сигнал?

– Неизвестная последовательность, закодированная в некоей – предположительно троичной —системе отсчёта. Причём передана весьма оригинальным образом: сформирована стоячая волна, направленная в нашу сторону. – Юрий дал командиру время обдумать сказанное, потом продолжил. – Я полагаю, мы можем попробовать ответить. То есть, я смогу создать подобную волну, если будет понятно, что передавать.

– На Землю информацию отправили? – Константин слушал рассуждения Люды и Юрия, параллельно решая: стоит ли сейчас рассказывать экипажу, о том, что он увидел в глубинах нейроинтерфейса «Вестника».

– Костя, этим же всегда занималась Аэлита. – Муха виновато пожал плечами. – Я и первый отчёт отправить не сумел.

– Чёрт...

– Всё же, куда делась Аэлита? Людочка и Рыцарь не нашли никаких огрехов в работе оборудования. Ты, как я понимаю, тоже не смог ни найти что-то, ни запустить помощника. – Кристина, до сей поры предпочитавшая молчать, ухитрилась задать самый интересный вопрос. Вот уж действительно: куда могло исчезнуть воплощение части нейронной системы корабля?

– Так. Давайте подведём промежуточные итоги. – Костя встал, прошёлся по отсеку, выстраивая в голове правильную последовательность разговора. – Мы успешно выполнили переход сквозь высокоиндуцированный магнитный барьер и совершили гиперонный скачок точно в расчётное место прибытия. Здесь мы обнаружили трапециевидное звёздное скопление «Мю Стрельца», и мимоходом совершили научное открытие – выяснили, что невидимым объектом является нестандартная планета, сочетающая в себе характеристики сразу двух классов экзопланет. Более того, благодаря полученному сигналу, мы с вами практически достоверно установили, что планета заселена и обладает высокоразвитой разумной жизнью. За эту часть задания мы можем поставить себе твёрдую пятёрку. К сожалению, во время перехода куда-то исчезла Аэлита. Юрий Валерьевич, вы можете каким-то образом снова запустить протоколы, формирующие создание искусственных помощников? Потому что я так и не смог этого сделать.

На долю мгновения в привычном, дружелюбно-ироничном, лице Власова появилось нечто незнакомое, прочитанное Костей как испуг. Появилось и тут же исчезло, оставив после себя лишь лёгкую бледность скул и лба.

– Я сейчас подключусь к нейроинтерфейсу и постараюсь выяснить, что произошло. Мухаммед, будь так любезен, сформируй отчёт о стоячей волне. Я отправлю.

Не дожидаясь реакции остальных, Юрий устроился в кресле первого пилота и отключился от реальности, погрузившись в машинный мир.

– Отлично. Муха, занимайся отчётом, но и меня слушай. Согласно плану полёта мы сейчас должны аккуратно двигаться в сторону SGR 1806-20. Но! В то время, когда разрабатывался план, никто и предположить не мог, что мы найдём в точке выхода планету, похожую на населённую. Ещё и предположительно искусственного происхождения. Учитывая конечную цель нашего полёта, я считаю, что мы не имеем права проигнорировать находку. Возможно, именно она и является настоящей целью нашего пути. Возражения?

Возражений не было.

– Мухаммед, внеси в отчёт на Землю запрос на разрешение вступить в контакт с аборигенами. Людмила, ты сможешь интерпретировать данные о планете без участия Аэлиты?

– По большей части.

– Займись этим. Основной вопрос, который меня инте-

ресует – какими конкретно характеристиками должна обладать жизнь, чтобы появиться в этих условиях. Сергей, составь Люде компанию. От тебя я жду хотя бы пару моделей того, какими биологически обоснованными моральными системами должна обладать эта жизнь. Роланд, отправляйся в технический отсек номер пятнадцать, проверь готовность челнока к возможной высадке. Кристина... – Константин замялся, надеясь, что его просьба не оскорбит девушку. – Твои способности в лингвистике и сочинительстве пока останутся незадействованными, поэтому я попрошу тебя заняться ужином для остальных членов команды. Как помнишь, приготовлением пищи тоже управляла Аэлита. А я, откровенно говоря, не готов узнавать, чем нас накормит неочеловеченная машина. А мы с тобой, Муха, займёмся проверкой работы центрального и боковых отсеков. Они на Аэлиту, к счастью, не завязаны, но мало ли.

Не задерживаясь, космонавты разошлись по кораблю – выполнять распоряжения командира. В рубке, перед величественным тёмным диском невозможной планеты, окружённым, словно мантией, призрачным бело-голубым сиянием, остался лишь погружённый в глубины машины Власов.

Он не слышал последних распоряжений Кости, не видел развернувшейся прямо перед Вестником величественной картины. Разум Юрия последовательно искал точку, с которой началось разрушение системы искусственного помощника. Он точно знал, где Аэлита должна была рождать-

ся: в особом выделенном участке, настроенном на перевод психических матриц, считанных с человеческого мозга, в понятный машине язык. И наоборот. Здесь была воссоздана миниатюрная модель человеческого мозга со всей его топографией, медиаторами и запутанными связями между функциональными частями. И ограничениями, которых в человеческом мозге никогда не существовало.

Модель была на месте. Модель была по-прежнему встроена в общий рабочий контур машины. Но на запросы не отзывалась. Потратив некоторое время на попытки проследить связи между моделью и прочими частями икса, Власов на всякий случай опробовал последнее средство, пришедшее ему в голову – запустил механизм поиска запутанных «квантов» в ограниченной области. И с ужасом понял, что прибор воспринимает модель как «квант» некоей неизвестной Власову величины. Хуже того, как «квант» с вполне определённым состоянием, запутанный с неким объектом на планете-гиганте, принадлежащей скоплению «Мю». Делать из этого какие-то выводы Юрий Валерьевич опасался, и потому, передав на Землю отчёт, дождался ответа, интерпретировал его, и отключился от нейроинтерфейса.

– Что скажете, доктор?

Константин и Муха, успевшие закончить обход корабля, настороженно смотрели на медленно приходящего в себя механика.

– Ничего не скажу. Земля даст ответ через шесть часов

по земному времени. До того велено тщательно фиксировать все изменения в окружающей обстановке, по возможности, никак не реагируя на них.

– Отсутствие реакции – тоже реакция, как сказал бы Сергей. – Мухаммед чуть подождал, предоставляя командиру право задать самый важный вопрос. Но Константин молчал, запустив пятерню в волосы. – А что с Аэлитой стряслось?

– Не знаю. – Юрий коротко рассказал обо всём, что видел и чувствовал, умолчав, впрочем, о запутанности модели с каким-то объектом на планете.

– Плохо дело. Из нас только я и вы способны полноценно взаимодействовать с «Вестником» без Аэлиты. Юрий Валерьевич, как такое вообще могло получиться? Корабль же гоняли вхолостую к Луне, проверяли прыжок. Я сам управлял им в полёте к Луне, только в первый раз покинув «Вестника» перед запуском «динамки».

– Константин, вы должны понимать, что ошибка может возникнуть на любой стадии. – Власов мягко улыбнулся, но глаза его остались сосредоточенно-грустны. – Вот, например, оставляли ли вы Аэлиту разбуженной во время прыжка?

– Не помню. Муха, я что-нибудь об этом говорил? – Мухаммед покачал головой, и Костя резюмировал. – Неизвестно. Вы считаете, что это может иметь значение?

– Я допускаю, что это может иметь значение. Равно как и наличие звёздного ветра в той точке, в которую мы прыгали, гравитационные силы звёздного скопления и много дру-

гих, неизвестных нам факторов. Потому мы и конструировали корабль так, чтобы им в принципе было возможно управлять без Аэлиты.

– Я понял. Предлагаю пока что отправиться в кухонный отсек и принять участие в приготовлении праздничного обеда. Люда и Сергей вряд ли быстро придут к каким-то приемлемым вариантам.

Вопреки переживаниям Константина, Кристина сочла просьбу приготовить ужин обоснованной. Сейчас это было самым полезным, что музыкант и лингвист мог сделать для команды. К тому же, ей тоже совершенно не хотелось узнавать, что сочтёт праздничным ужином машина, лишённая слепка с человеческого сознания.

Так что, оказавшись в полном параллельных линий, прямых углов и прочей правильной геометрии бело-жёлто-оранжевом кухонном отсеке, Кристина задумалась лишь на долю мгновения. Затем окинула командирским взглядом автоматические печи, «морозки» (так космонавты называли камеры быстрого охлаждения и заморозки), кондитерских узкоспециализированных исксов и прочие артефакты этого кухонного рая, и принялась доставать из камер мясо, овощи, специи и прочие составляющие вкусного обеда из нескольких блюд.

– Freude, schöner Götterfunken, Tochter aus Elysium, – напевая первый куплет оды «К радости», Кристина легко кос-

нулась остро отточенным ножом куска мяса, намечая первую линию разреза.

– Эй, ты что такое странное поёшь? – Роланд, первым выполнивший своё задание и отправившийся напрямиком в кухонный отсек, обнаружил Кристину, сосредоточенно помещивающей соус и во всё горло допевающей «Über Sternen muss er wohnen», последнюю строку в оде.

– Оду «К Радости» Шиллера. Или Девятую симфонию Бетховена. Зависит от того, с какой стороны посмотреть. Или ты перевод хотел? Тогда что-то вроде «он должен жить над звёздами».

Глядя на то, как движется рука Кристины, не сбившаяся с ритма ни в тот момент, когда он окликнул девушку, ни в тот момент, когда Кристина переводила ему незнакомые слова, Роланд завистливо вздохнул.

– Если ты дашь мне какое-то задание, которое нельзя испортить, то я тебе помогу. Мама и дед пытались научить меня чему-то, но... – Роланд печально развёл руками, демонстрируя полную непригодность к приготовлению пищи.

– Тогда лучше вообще ничего не делай. – Кристина с размаху вонзила венчик в очистительную установку и, отправив миску в недра автопечи, принялась смешивать что-то сыпучее, остро ипряно пахнущее.

Несколько минут Рыцарь боролся с любопытством, глядя на то, как резкие, рваные движения складываются в подобие какого-то танца и, наконец, не выдержал.

– Я не думал, что такие, как ты, напевают такое... – Роланд замялся, подбирая слова, но Кристина не дала ему такой возможности.

– Старьё, ты хотел сказать? – Она обернулась так резко, что её собранные в хвост чёрные волосы на миг превратились в нечто почти двумерное, почти что кляксу туши, выплеснувшейся из чернильницы. Роланд уже собрался было извиняться, но Кристина весело рассмеялась. – Творец обязан читать, смотреть и слушать вещи, созданные теми, кто превосходит его в мастерстве. И старые мастера подходят для этого лучше всего.

Кристина вынула из автопечи соус, высыпала в него приготовленную приправу и размешала несколькими резкими движениями.

– Видишь ли, хоть я и хорошо знакома с биографией того же самого Бетховена, слушая его произведения, я думаю исключительно об их музыкальной составляющей. А не о том, как некий безоговорочно талантливый ублюдок из числа современных композиторов матом орал на дирижёра за не устроившую его интерпретацию концерта. И не о том, как некий преподаватель решил, что лучший способ помочь выставке своего талантливого ученика – выпустить альбом, на котором большими буквами, на треть обложки, будет написано его, преподавателя, имя. А внизу, в разы более мелким шрифтом, – имя ученика. – Кристина помолчала, нарезая овощи, затем недовольно цокнула языком. – Если ты не по-

нял, что такого ужасного в таком альбоме – имей в виду, что тот парень так никогда и не смог доказать, что он – самостоятельная творческая единица. Как говорится, первое впечатление можно произвести только один раз.

– Вот как. – Роланд, раздираемый невозможностью смотреть на то, как его товарищ по команде делает в одиночку что-то общественно-полезное, и нежеланием навредить, несколько раз прошёлся по отсеку.

К счастью, от дальнейших мук его избавило появление Кости, Власова и Мухи.

– Что, тоже совершенно не способен приготовить что-то вкуснее бутерброда? – В отличие от Кости и Мухи, каким-то образом сразу и без лишних вопросов сообразивших, что можно сделать полезного, Власов спокойно устроился на стуле и заговорщицки подмигнул Роланду.

– Я и бутерброды пару раз уничтожал. – Рыцарь, очень похожий сейчас на большого и грустного рыжевато-го пса, слегка воспрянул духом – если Власов, биографию которого ему не раз приводили в пример, не стесняется признаться в неумении готовить, может и для остальных это не так уж стыдно?

Космонавты готовили, перебрасывались шутками, разговаривали о пустяках и практически не выглядели встревоженными. Но стоило разговору стихнуть, как каждый из них оказывался во власти предположений и догадок о планете, странном сигнале, Аэлите и ответе Земли относительно их

миссии. И, если бы какой-то сторонний наблюдатель мог заглянуть в их головы, он не нашёл бы ни одной похожей мысли.

– Итак. Мы имеем дело с планетой, находящейся в условном центре звёздного скопления, состоящего из бело-голубых звёзд: одного сверхгиганта, двух гигантов, субгиганта и одной звезды, находящейся на главной последовательности. Двойная звезда обладает светимостью и температурой,кратно превосходящими светимость и температуру Солнца. Оставшиеся три демонстрируют более скромные показатели, но всё вместе это даёт совершенно невозможные условия для появления любой привычной нам жизни. При этом данные анализа самой планеты дают нам следующую изумительную картину: давление у поверхности – до 360 бар, высочайшая концентрация углекислого газа, скорее всего – в виде сверхкритической жидкости. Если не вмешались какие-то неизвестные нам условия. Средняя температура в занятой углекислотой части – 420 C^0 , выше – от 300 до 350. И это очень и очень мало. Я ожидала не менее 700 градусов. Толщина массива CO_2 не менее трёх метров, возможно больше. Спектральный анализ показывает ещё наличие металлического водорода, но я думаю, что где-то допущена ошибка. Или средняя температура ада или металлический водород, одно из двух.

Для совещания они выбрали библиотеку: Людмила устро-

илась в кресле, привычно поджав под себя ноги. Сергей поймал себя на мысли, что если бы они были персонажами старинного немого кино, то ни один зритель не догадался бы, почему так хмурится эта милая блондинка в нежно-голубом длинном платье. Сам он устроился за одним из «хитрецов» и лениво пролистывал сводные аналитические таблицы, подготовленные ещё на Земле двумя этологами и одним нейробиологом.

– Или какие-то локальные участки, по каким-то причинам имеющие достаточно низкую температуру. Как ты думаешь, там есть растительность?

– Я думаю, что там не должно быть ни растительности, ни разумной жизни в принципе. Ты только подумай: смена времени суток и времён года весьма условная. Огромное давление, высокие температуры. И вся поверхность планеты – океан отличного заменителя органических растворителей. И что тут может выжить? – Людочка, до последнего движения пальца выверенная и элегантная Людочка, как-то жалко и дёргано взмахнула руками.

– Что-нибудь неорганическое. – Сергей постучал пальцем по экрану «хитреца». – Я бы с тобой и не спорил, если бы своими глазами не видел замечательную планету, у которой мы сейчас висим. И ты её тоже прекрасно видишь. Значит надо смириться с реальностью, подключить воображение и попытаться придумать, что могло тут выжить, и каким оно бы при этом стало.

– Или осознать, что сигналы и прочие свидетельства разумной жизни – продукт деятельности исследовательских аппаратов, кружащих вокруг планеты. Почему ты не допускаешь такой возможности? – Людмила недовольно поджала губы, напомнив живому воображению Сергея очень старый снимок «улыбающегося Солнца».

– Не кипятись. Эту гипотезу каждый из нас учёл в первую очередь. Но мы должны быть готовы к любому развитию событий.

Сергей прошёлся мимо стеллажей с книгами, выбрал наугад одну из них, раскрыл и прочитал вслух.

– Мы банальны, мы трава Вселенной... Как иронично. – Заметив любопытство в глазах Людочки, он пояснил. – Бабушка рассказывала, один из старинных способов узнать свою судьбу: выбрать случайным образом книгу, страницу и строку и прочитанное. Иногда получаются любопытные сочетания.

– Глупость. – Людмила подчёркнуто скривилась, затем мягко улыбнулась. – Но должна признать, «Солярис» был сейчас очень кстати. Серёжа, я сообщила тебе все данные, которые, по моему мнению, могли так или иначе тебе помочь.

– Я понял. – Он поставил книгу на полку, устроился за столиком и вызвал проекционный нейроинтерфейс. – Вариант первый: существо, обнаруженное на Венере экспедицией «Ульянов-Лазарева-Романов», имеет непосредственное от-

ношение к жителям этой планеты. Возможно такое? Конечно. – В воздухе появилось изображение Змея, но не скрюченного трупа, каким его нашли, а такого, каким он мог бы быть при жизни. – Отсутствие нижних конечностей вполне соответствует жизни в условиях сверхкритической жидкости, наличие на передней стороне тела манипуляторов, теоретически способных плотно прижиматься к условной грудной клетке или вытягиваться вперёд, тоже. И, кстати, Лазарева ещё тогда выдвигала гипотезу, что Змей – либо неорганическая форма жизни, либо состоит из какой-то уж очень странной органики.

– Принимается. И что нам это даёт?

– Если опираться на опыт изучения земных животных, живущих в условиях водной среды, я бы предположил либо существование в сплочённых коллективах, насчитывающих от сотни особей, либо высшую версию индивидуализма, при котором даже собственное потомство считается угрозой.

– Мне казалось, налаженные социальные связи и забота о потомстве считаются обязательными условиями для зарождения разума.

– На Земле. Но не обязательно здесь. Понять бы ещё, зачем им эти выросты на задней поверхности тела.

Сергей замолчал, глядя на вращающееся изображение Змея.

– В общем-то, разработать оптимальную стратегию поведения в обоих случаях не так уж сложно. В первом случае мы

должны продемонстрировать внутреннюю сплочённость нашего коллектива, и, через это, – внутреннюю сплочённость нашего вида. Не демонстрировать существования явного лидера, подчёркивать необходимость группового одобрения. Если же мы имеем дело со случаем высшей степени индивидуализма – всё делается наоборот. Даже крупные хищники объединяются ради достижения цели, которая никому из них не по зубам.

Всё будет хуже, если выяснится, что Змеи не имеют никакого отношения к жителям этой планеты. Потому что из достоверно известной нам информации я могу сделать не так много выводов о местных: низкорослые, возможно, имеют горизонтально ориентированные туловища и крепкие толстые кости. Если они плавают, то, возможно, довольно быстро. Если ходят, то бег в их обществе не распространён. Могу предположить, что их предки были тяжеловооружёнными животными, тогда они сами имеют высокий моральный запрет на причинение тяжёлых ранений себе подобным. Следовательно, мы будем в безопасности с того момента, как докажем свою разумность.

– Или, наоборот, очень легковооружёнными. И им приходилось быстро умирать, чтобы не быть сожранными. В таком случае нас с лёгкостью уничтожат, как только сочтут угрозой.

– Резонно.

Сергей убрал проекцию и принялся заносить в «хитрец»

четыре основные стратегии, которыми можно будет воспользоваться при контакте с инопланетным разумом.

– И у них какие-то особые отношения с волнами и магнетизмом. – Люда невидящим взглядом смотрела в книжный стеллаж, заставленный яркими обложками современной – родной и зарубежной – литературы. Каждый из космонавтов хоть раз задумывался о том, зачем на «Вестнике» отдельная библиотека бумажных книг. И каждый, ощутив тоску по дому, хоть раз да заходил сюда, в бережно воссозданный кусочек Земли, одинаковый и для Москвы, и для Тбилиси, и для Владивостока. – Серёж, а что если они действительно не органические? Как мы тогда сможем спрогнозировать их поведение и наилучшие стратегии контакта? И ведь никуда не денешься, нас уже заметили.

– Жаль Аэлита исчезла. Я собирался скормить всю информацию ей и потом получать подсказки во время контакта. – Он с удвоенным усердием задвигал пальцами по экрану, надеясь, что Людмила поймёт его нежелание обсуждать эту тему и не станет настаивать. Но она явно не собиралась щадить чувства напарника и молчала, не сводя с него глаз. И Сергей сдался.

– Никак не сможем. Ты ведь не ожидала от меня какого-то другого ответа? – Он медленно выпрямился, потушил экран «хитреца», встал из-за стола, постепенно отходя от столь несвойственно-резких слов. Подойдя к Люде, он дружески потрепал по плечу испуганную блондинку. – Коль уж

ты не можешь отключиться от переживаний о том, с кем нам предстоит войти в контакт, подумай вот о чём: неорганическая эволюция вполне могла не породить агрессию как такую.

– А могла и породить. – Людочка грустно улыбнулась. – Ладно, пойдём в кухонный отсек. Даже если нас завтра уничтожат какие-нибудь мыслящие реки, по крайней мере, мой последний ужин будет приготовлен самым талантливым молодым композитором ОСР.

Незаметно усмехнувшись, Сергей покинул библиотеку вслед за Людой.

– Всё-таки, я считаю, отставка Брежнева в семьдесят втором была незаконной! – Мухаммед, уже закончивший основное блюдо, и перешедший к десерту, экспрессивно взмахнул рукой, и ближайšie к нему соусник и кофейная чашка заколыхали гелевыми боками, едва не расплескав на стол всё своё содержимое.

– Держи себя в руках, Муха. – Кристина ехидно усмехнулась. – Это была не отставка. Это было изменение государственного устройства, сопровождаемое принятием новой конституции. И уважаемый Леонид Ильич просто не выиграл выборы на должность главы Объединённых Социалистических Республик.

Остальные космонавты с интересом слушали новый виток спора, разворачивавшегося уже четвёртый ужин. Каж-

дый раз у Мухи находился новый аргумент. И каждый раз весьма острая на язык и, как оказалось, хорошо подкованная в истории, Кристина разбивала его аргумент в пух и прах. Даже Роланд, лучше всех присутствующих знающий о том, как именно реорганизовывали СССР, отвлёкся от складывания посуды обратно в печатно-гелевый искс и прислушался.

Однако ответить Мухаммед не успел. На свободной стене, до того плещущей прозрачно-голубые волны на невидимый берег, высветилось сообщение от корабельного интерферометра: ещё одна стоячая волна, схожая с первой, но не идентичная ей, возникла между «Вестником» и неизвестным объектом на высокой орбите неизвестной планеты.

Не говоря ни слова, Костя сорвался с места и кинулся в рубку, как никогда сожалея об исчезновении Аэлиты. Следом за ним кинулись остальные космонавты, мигом позабывшие о кофе и десертах, венчавших праздничный ужин. Лишь Сергей задержался на пару минут: бросил на столешницу шланг печатно-гелевого искса, скомандовал начать работу. И, не отвлекаясь на поползший к ближайшей тарелке оранжевый гофрированный «хобот», покинул кухонный отсек.

Предыдущая волна просуществовала сто семнадцать секунд и пропала, оставив после себя лишь записи измерительных приборов. Нынешняя, в отличие от неё, задержалась надолго. Целых двадцать семь с половиной минут неизвестный объект на высокой орбите чужой планеты посылал сигнал

«Вестнику», и космонавты, столпившись в рубке, молча наблюдали за неизменным рисунком на корабельных экранах состояния.

Наконец волна пропала. Но сразу же, в той же точке пространства, появилась следующая – полностью аналогичная исчезнувшей. И через несколько секунд после её появления Власов и Людмила одинаковым жестом схватились за голву, а Костя, Кристина и Роланд вцепились в ближайшую устойчивую поверхность и замерли в каких-то странных, неестественных позах. Сергей, внезапно переставший ощущать собственное тело, с трудом подавил мгновенный приступ паники и аккуратно уселся на пол, опёршись спиной на стол.

– Ребята, что с вами?!

В весьма ограниченное поле зрения Сергея ворвались до блеска начищенные туфли и форменные штанины над ними – видимо, Мухаммед оказался нечувствителен к неизвестному воздействию.

Откуда-то слева раздался тихий хрип Власова:

– Голова...

Сергей же, собрав волю в кулак, заставил себя поверить в то, что губы у него всё-таки есть, хоть и не ощущаются.

– Муха, тебя что, совсем не зацепило?

– Голова болит. – Мухаммед ненадолго замолк, видимо, прислушиваясь к себе. – Ближе ко лбу в основном. Но терпимо, на Земле даже принимать обезболивающее не стал бы.

– Сходи тогда в медицинский отсек, принеси набор для инъекций. И две ампулы спазмолитика.

Секундная заминка – Сергей предположил, что Мухаммед задумался, почему нужно только две ампулы лекарства, – и туфли и форменные брюки покинули область обзора врача.

Ожидая возвращения Мухаммеда, Сергей лихорадочно соображал. Если он верно интерпретировал увиденное и собственные ощущения, то инопланетное послание каким-то образом повлияло на электрические сигналы мозга и механорецепторов. Мозгу должно хватить порции спазмолитика. Но что делать с проприоцепцией?

Сергей пробежался взглядом по видимой части рубки: Власов, бледный как мел, привалился к столу и, закрыв глаза, массирует виски и лоб; слева от него видно нижнюю часть кресла с обмякшей в нём Людочкой – видимо, ей ещё хуже, чем Юрию. Остальных членов команды не видно совсем, но, раз с той стороны, где они должны быть, не слышно вообще никаких звуков, значит, ничего не изменилось.

– Костя, ты можешь описать свои ощущения? – Сергей ни на минуту не задумался, кому адресовать вопрос. Выяснить, как именно «потеря» тела повлияла на творческие мозги Кресты и впечатлительного Рыцаря, можно будет и позже.

– Никак. – Сергей успел подумать, что ошибся, оценивая состояние коллег, но Костя продолжил. Говорил он медленно и невнятно, словно вынужден был обдумывать отдельно

каждое движение языка и губ. – Я чувствую себя как «никак». Будто моё тело на самом деле находится где-то далеко-далеко от меня, и я управляю им вслепую, сквозь прорезь в ткани. Ты сможешь с этим что-то сделать?

– Надеюсь.

Спрашивать дальше не имело смысла – набор ощущений совпадал до мелочей. Его самого от полной прострации спасало только знание, что такое проприоцепция и её потеря. И то, мозг до сих пор пытался запаниковать, сдерживаемый лишь титаническим усилием воли.

– Принёс. Ты сам уколы сделаешь?

Если бы Сергей мог ощутить губы в достаточной степени, чтобы рассмеяться от радости, – он бы сделал это. Если бы он мог ощутить голову достаточно хорошо, чтобы покачать ею – он бы сделал и это. Но пришлось довольствоваться тихим и медленным ответом.

– Не смогу. Ты. Любая хорошо видимая вена, Юрий – первый.

Муха аккуратно достал из контейнера инъектор, похожий на четырёхногого паука-инвалида со спрятанным в «брюшке» жалом, и установил капсулу в приёмник над иглой.

– Власов, любая видимая вена.

Искс мигнул зелёным, подтверждая получение команды и готовность к её исполнению, и Мухаммед посадил его на предусмотрительно протянутую конструктором руку.

Найдя подходящее место, инъектор прижал «брюшко»

к коже и, моментально проколов вену несколькими полыми иглами, впрыснул Власову две трети ампулы лекарства. Тихий шлепок, и искс, прикрывший миниатюрные проколы на шлёпкой, похожей на тугую паутину, дважды моргнул красным, сообщая об окончании процедуры.

Мухаммед подхватил инъектор и склонился над Людочкой, Сергей же принялся отсчитывать по себя секунды. Препарат должен был облегчить состояние Власова в первые двадцать секунд и окончательно снять все последствия спазма в ближайшие две минуты. Если за двадцать секунд улучшения не наступит, значит, он, Сергей, ошибся. И придётся искать другие способы вернуть работоспособность хотя бы части экипажа.

Состояние разума, запертого в одновременно существующей и несуществующей клетке, Кристине не понравилось. В отличие от Сергея она практически не испытывала страха – выручила гибкая психика творца, привычного переживать придуманные истории вместе с их героями. Но и сделать над собой волевое усилие, чтобы заговорить или хотя бы моргнуть, она тоже не смогла. Так и стояла, поддерживаемая внутренней стеной рубки, наблюдала за Костей, превратившимся в прижизненный памятник «командир корабля в кресле», за повалившимся на пол Роландом, за мельтешащим по рубке Мухой. Сергея видно не было, судя по доносящимся до неё словам, он оказался слева и позади неё, за

отдельной линией панелей и нейроинтерфейсов, назначение которых она так и не смогла понять.

Юрия Валерьевича и Люду было видно фрагментами, но достаточно хорошо для того, чтобы понять – их непонятное воздействие то ли не зацепило вообще, то ли зацепило как-то по-другому, ограничившись жуткой головной болью. Кристина мельком подумала, что им повезло чуть больше, но тут же отбросила идиотскую мысль. Возможность в полной мере ощутить, как чувствует себя человек без тела, следовало считать огромнейшим подарком судьбы, и никак иначе.

К тому момент, как Мухаммед снял инъектор с пухленькой руки Люды, Власов окончательно пришёл в себя. И, не говоря ни слова, бросился к креслу второго пилота.

Кристина видела, как Власов отдаёт Вестнику команду повернуться на несколько градусов плоскости и затем зачем-то выдвигает под углом к кораблю люк отсека челноков и батискафов. Она даже не успела придумать ни одной версии, зачем бы ему это понадобилось, как вновь ощутила собственное тело.

Земля ответила за час до назначенного времени. Подключившись к нейроинтерфейсу, Костя принял и расшифровал сообщение, затем вызвал в рубку остальных космонавтов и вынырнул из недр машинного разума.

– Земля предлагает на выбор два сценария. Первый: мы все вступаем в контакт с обитателями этой планеты. Если

они оказываются не теми, кого мы ищем, – отправляемся дальше по маршруту, к SGR 1806-20.

– Рискованно. – Юрий недовольно качнул головой. – Это или оставлять корабль на орбите без присмотра или спускаться на нём. И то, и то одинаково опасно.

– Второй вариант – разделиться. Кристина, Сергей и Роланд отправляются знакомиться с местными. Остальные летят к магнетару. Независимо от того, чем заканчивается наше исследование, мы возвращаемся к планете в установленный срок. – Константин сделал паузу, затем медленно и чётко проговорил. – Земля предлагает нам определиться самим, так как мы в любом случае владеем более полной информацией. Прошу голосовать.

– Разделиться.

– Разделиться.

Кристина и Мухаммед высказались первыми, почти одновременно. И тут же ревниво посмотрели друг на друга. Костя незаметно усмехнулся: кажется, обычный спор «от нечего делать» начал приобретать черты соревнования.

– Я бы отправилась вместе. Нам могут понадобиться все имеющиеся мозги.

– Разделимся. Так будет быстрее.

– Я ... – Роланд явно не ожидал, что ему вообще придётся принимать какие-то решения, причём так быстро. – Наверное, лучше держаться вместе. Мало ли что.

Костя посмотрел на Власова – единственного не высказав-

шегося члена экипажа.

– Я за то, чтобы разделиться.

– Хорошо. Мой голос ничего не решает, но будет честным сказать, что я голосовал бы за разделение. Кристина, Сергей и Роланд, вы вылетаете через два часа. Собирайтесь обдуманно: места на околопланетном челноке хватает, но вам, вполне возможно, придётся собрать на планете какие-то образцы. Главой группы назначается Сергей. Все свободны.

Пока группа собирала личные вещи, которые могут пригодиться во время высадки на планету, остальные готовили к спуску челнок «Дружба». Запасы продовольствия, скафандры, лекарства, приборы и реактивы... Каждый из остающихся на корабле чувствовал себя так, словно провожает близкого человека в кругосветное путешествие в дотелеграфную эпоху. И стремился сделать всё от него зависящее, чтобы путешествие оказалось хотя бы не трагическим.

Так что, когда спустя два часа группа контактёров принесла в отсек личные вещи, произошёл небольшой конфуз – челнок оказался перегружен.

Пришлось срочно убирать половину продовольствия и часть научных приборов.

Наконец подготовка к высадке закончилась. Последнее, что контактёрам оставалось сделать – занять свои места и отстыковаться от «Вестника».

Они втроем стояли у люка, не в силах ни закрыть его, ни попрощаться.

С другой стороны люка стояли остающиеся на «Вестнике» четверо космонавтов. Они знали, что нужно что-то сказать, пожелать удачи, возможно. Но тоже не могли.

– Передайте Земле, что мы постараемся их не подвести. – Кристина улыбнулась, и нажала на кнопку задривания люка. Но, пока люк ещё двигался, они успели услышать смех командира:

– Сами передадите: у вас такая же «мышь»³, как и на корабле!

Через полупрозрачные стены рубки было прекрасно видно, как «Дружба» отсоединяется от «Вестника» и набирает разгон, двигаясь к безымянной планете. На фоне гигантского тёмного диска планеты серебристая капля челнока выглядела хрупкой и совершенно беззащитной, словно детская иг-

³ Мышью все поголовно космонавты ОСР называют штатный корабельный передатчик, в официальных документах именуемый Передатчик Информации на Квантовой Запутанности (ПИКЗ). Так уж вышло, что создатели передатчика использовали для опытного образца серый пирамидальный корпус, на котором – без всякой задней мысли! – разместили три светодиода, примерно совпавших с расположением глаз и носа на мышьиной голове. Первый же сторонний наблюдатель, увидевший передатчик, не удержался от вопроса: «И что эта мышка нам пропищит?». Так и повелось. Причём название настолько прижилось, что прошло с передатчиком все стадии тестирования и утверждения, и только перед финальной сертификацией создатели, сообразившие, что числиться во всех документах создателями мыши смешно только первые полгода, придумали «на скорую руку» название ПИКЗ. Естественно, о том, как на самом деле называется «мышь», знают от силы три сотрудника сертификационного бюро, непосредственно занимавшиеся передатчиком.

рушка.

– Раз уж у нас больше нет Аэлиты, предлагаю установить круглосуточную вахту на время подлёта «Дружбы» к Безымянной. Я буду дежурить первым. – Не дождавшись возражений, Юрий Валерьевич устроился в кресле второго пилота. Но, прежде чем подключиться к нейроинтерфейсу, укоризненно поглядел на командира. – Константин, я понимаю, вы чувствуете себя ответственным за наши жизни, но вам стоило бы поспать. Самый лучший стимулятор не заменит здорового сна, вы знаете. Я разбужу вас, как появится новая информация. Мухаммед, вы можете пока что не отвлекаться на графики. Я послежу, пока буду подключён.

Костя не стал отрицать очевидное. Людмила тоже покинула рубку, сообщив остальным, что волноваться предпочитает в кухонном отсеке с кофе и мороженым.

Мухаммед не хотел спать, есть, и вообще покидать рубку. По крайней мере, до тех пор, пока внезапная пустота, образовавшаяся в сердце после отстыковки «Дружбы», не затянется привычкой. Так что он устроился в капитанском кресле, положил на колени форменную фуражку, расстегнул верхнюю часть куртки, и принялся наблюдать. На таких расстояниях «Дружба» не должна была становиться ощутимо меньше, но Мухаммеду казалось, что она уже слишком мала, и уменьшится ещё и ещё, слишком маленькая и беззащитная, чтобы не быть поглощённой холодным и безжалостным космосом.

В отличие от остальных членов экипажа он не любил космос с его чуждыми цветами, с его молчанием, на поверку оказывающимся неслышимой какофонией странных шумов, с его неведомыми пространствами, которые могли скрывать в себе ещё больше чуждого и странного. Если Костя и Власов космосом жили, Роланд и Кристина – мечтали, а Сергей и Людочка его исследовали, то Мухаммед просто выполнял свою работу. Работу, для которой как нельзя лучше подходили его реакция, эмоциональная устойчивость и некоторая холодность, не позволившая ему к тридцати семи годам обзавестись ни женой, ни детьми.

Чтобы занять мозг чем-то, отличающимся от беспокойства, Муха принялся думать о новом плане экспедиции. Шесть дней должен был продлиться полёт, и все шесть дней «Вестник» будет оставаться на месте, а в отсеке управления кораблём будет дежурить хотя бы один человек. Раньше наблюдала бы ещё и Аэлита, сняв с человека необходимость отслеживать интерференцию, космические лучи, спектральные графики и прочие чистые данные, не являющиеся ещё информацией в привычном смысле этого слова.

А теперь? Да, каждый из них обучен читать и интерпретировать всю информацию, которую могут предоставить многочисленные датчики и службы корабля. Но что с того? Мозг-то один.

Время шло. Покидать рубку всё ещё не хотелось, но скука уже начала протягивать свои жадные тощие лапки к его

разуму. Юрий Валерьевич оставался погружённым в машинные недра, и, создавая видимость собеседника, Мухаммед принялся запрашивать самые разные данные, которые только могли прийти ему в голову. Получив один из ответов, он долго неверяще смотрел на экран, затем кинулся тормозить Юрия. Подобный вывод человека из подключения к нейроинтерфейсу считался неоптимальным, но выбора не было – на Люду Муха почему-то не надеялся, а будить Костю попросту не хотелось.

К счастью, всё обошлось: Юрий Валерьевич вынырнул из недр машины целым и невредимым. И очень внимательно выслушал сбивчивый рассказ космонавта. Затем запросил ещё раз те же данные, внимательно изучил их, и от души пожал руку Мухаммеду.

– Знаете, чтобы вами ни руководило, когда вы запрашивали данные об электрической активности и предполагаемом составе аппаратов, кружащихся вокруг планеты, этому чему-то следует отлить памятник в бронзе. Ну надо же... Сходите, разбудите Константина, если вас не затруднит. И позовите Людочку. Новую информацию следует обсудить всем коллективом.

– То есть, сигналы нам посылали что-то вроде орбитальной станции? – Константин в третий раз перечитывал данные, свидетельствующие о том, что из восьми аппаратов, вращающихся у Безымянной, семь имеют форму непра-

вильных многоугольников и проявляют только лишь слабую электрическую активность, похожую на свойственную человеческому мозгу. Также два из них не менее одного раза выделяли в пространство неизвестные вещества температурой свыше 100 C^0 , предположительно имеющие в своём составе углерод в той или иной модификации. Восьмой же, намного более крупный, имеет форму, близкую к сферической. И излучает во всех диапазонах примерно с той же интенсивностью, как, например, «Терешкова».

– Я думаю, да. И обратите внимание на траектории «многоугольников» – почти уверен, что они вращаются вокруг сферы. Это точно орбитальная станция со спутниками-сателлитами или что-то очень на неё похожее. – Власов довольно улыбнулся, и на сей раз улыбка затронула и тонкие губы, и зелёно-золотистые глаза, и даже первые морщинки вокруг них.

– Это не делает планету обитаемой, Юрий Валерьевич. – Людмила, скрестившая руки на груди и буквально выплёвывающая слова, воплощала собой дух противоречия. – Заметьте: наш корабельный компьютер делает всё тоже самое, что и «многоугольники». Генерирует определённое электрическое поле, выделяет в окружающую среду тепло. Разве что алмазов не выделяет.

– Ты имеешь в виду, что... – Костя не успел продолжить – его перебил до крайности удивлённый, можно даже сказать, ошарашенный, Мухаммед.

– Что мы встретились здесь с другими инопланетянами?

«Дружба» – компактная версия «Вестника», лишённая термоядерного реактора, «динамки», «распутывателя» и таких неважных, но приятных мелочей, как земная одежда (исключительно разноцветные комбинезоны из специальной ткани), библиотека и картины на стенах отсеков, целеустремлённо двигалась к Безымянной. Свои 250 км/с она набрала за первый час полёта, и теперь движение челнока практически не ощущалось – казалось, что «Дружба» зависла между двумя огромными шарами, медленно обменивающимися между собой размером.

Первый час «контактёры толпились в рубке – уменьшенной копии рубки «Вестника» – возле огромного экрана, транслирующего происходящее перед передней частью челнока. Потом, сообразив, что Безымянная никак не утоляет внезапную лёгкую тоску по «Вестнику», а переключать камеры опасно, Роланд и Кристина разошлись исследовать «Дружбу», оставив временного капитана – Сергея – присматривать за данными о состоянии корабля и окружающем пространстве.

Впрочем, долго исследовать «Дружбу» было сложно: технический отсек, спальный, многофункциональная лаборатория, хозяйственное помещение и стартовая площадка зондов и батискафов. Не больше, но и не меньше, чем нужно, чтобы пару месяцев провести на исследуемой планете, не завися

особо от главного корабля.

Так что Кристина довольно быстро устроилась в кухонном отсеке со стаканом сока и исчерканными листами, на которых она пыталась примерно предположить, какими фонемами может обладать язык существ типа Змея.

Роланд, который через восемь часов должен был сменить Сергея, отправился спать – будучи единственным членом экипажа, от познаний которого не зависела успешность контакта, он чуть в меньшей степени ощущал свалившийся на них груз ответственности.

– Криста, хочешь узнать что-то интересное?

Мышь ожила точно в тот момент, когда девушка начала всерьёз рассматривать вариант использования Змеями не-сонорной коммуникации типа электрических или магнитных волн. Точнее, не-сонорной эта коммуникация считалась бы любым существом, использующим звуковые волны.

Что-то интересное узнать хотелось, а мышь снова замолчала – Сергей явно намекал на то, что для удовлетворения любопытства придётся прийти в рубку. С сожалением отставив увлёкшие её схемы, Кристина двинулась в рубку, на всякий случай прихватив с собой ещё одну герметичную упаковку с соком для Сергея.

– И ради чего я оторвалась от увлекательнейше-бредовых размышлений? – С засунутым за ухо карандашом Кристина до такой степени напоминала карикатурного «зелёного человечка» с большими глазами, маленьким ртом и антенна-

ми, что Сергей не удержался от хохота. – Чего смешного я сказала? На, вдруг пить захочется.

– Ничего. Прости, Кристи. Полчаса назад «Вестник» вышел на связь, просят приглядеться к аппаратам, которые кружат вокруг Безымянной. Муха решил интереса ради запросить данные на них, и выходит, что там чуть ли не орбитальная станция с сателлитами. Или, как вариант, ещё один исследовательский корабль. – Сергей тепло улыбнулся Кристине, принимая сок.

– Ещё один что? – Кристина с новым интересом взглянула на экран. – Хочешь сказать, что вон та круглая штука – орбитальная станция или корабль? А четыре штуки вокруг неё – сателлиты? А если круглая штука – корабль, тогда что такое четыре штуки вокруг неё?

– Семь. Семь штук. Не знаю. – Поправляя Кристину, Сергей непроизвольно поднял взгляд к экрану и осёкся: теперь возле сферы было видно только четыре «многоугольника». – И куда ещё три подевались? Может быть, ушли на теневую сторону и нам их не видно? Как же Аэлиты не хватает. – Он подвигал очки, поудобнее устраивая их на носу. – После... а, ты уже.

Кристина действительно уже устроилась в соседнем кресле, слегка повернув его в сторону экрана. Несколько минут ничего не происходило, и она рискнула продолжить разговор. Не отводя, однако, глаз от окружённой многоугольниками сферы.

– Мне становится жаль, что до высадки так много времени. Знаешь, я иногда задумываюсь: почему тот, первый, Змей был на Венере без скафандра?

– Ты же видела отчёты о Безымянной. Если это действительно их родная планета, то венерианский ад вполне может казаться им чем-то вроде элитного курорта. Но мне тоже хотелось бы уже увидеть, какие формы жизни могла родить эта безумная планета.

– Несколько часов назад мы всерьёз тосковали по «Вестнику» и беспокоились об оставшихся там товарищах. А теперь мечтаем как можно быстрее оказаться на Безымянной и начать её исследовать. Мы точно не моральные уроды?

– Мы совершенно обычные люди, Кристи. И именно поэтому неизведанное манит нас сильнее, чем грусть.

Сергей подмигнул девушке и вернулся к экрану состояния челнока.

Спустя четырнадцать часов после начала миссии, через четыре часа после того, как Роланд сменил Сергея в рубке, и спустя пять часов после того, как отправилась спать Кристина, на «Дружбе» зазвучал сигнал тревоги.

Полусонная Кристина влетела в рубку в одном носке, с всклокоченными волосами, в наискось застёгнутом розовом рабочем комбинезоне, левая штанина которого заканчивалась в районе колена. Следом вбежал Сергей – без единого намёка на недавний сон на лице, в аккуратно застёгнутой и

расправленной форме.

Заметно нервничающий Рыцарь с непривычно нахмуренными бровями махнул рукой в сторону иллюминатора.

– Нас что-то засасывает. Или притягивает. Вторую минуту уже идём с постоянным ускорением в 5 км\с.

– Чёрт!

Все трое, не сговариваясь, столпились возле экрана, на котором отражалось положение «Дружбы» относительно Безымянной. Сейчас их когда-то плавный полёт походил на безостановочное падение.

– Тормоза включил?

– Включил. Бессмысленно.

– Свяжись с «Вестником», доложи. – Сергей с головой погрузился в нейроинтерфейс, сканируя состояние всех жизненно важных узлов корабля.

Кристина отошла в сторону, не желая попадаться командиру на глаза в таком домашнем виде, и краем глаза следила за растущей скоростью. Страшно не было – почему-то огромное ускорение никак не отразилось ни на ощущениях находящихся внутри челнока людей, ни на звуках работы механизмов. Если не смотреть в иллюминатор, то и незаметно, что скорость уже не 250 км\с, а все 1200.

Из мыши доносился голос Кости, допрашивающего Рыцаря о состоянии команды (Кристина показала два больших пальца, демонстрируя, что с её самочувствием всё отлично) и челнока (Сергей, ожидая подобных вопросов, держал на

экране текущую сводку).

Выждав минуту, Кристина снова взглянула на показатель скорости, и, пригнувшись, двинулась к Рыцарю. Оказавшись возле него, она дёрнула Роланда за руку и выразительно кивнула на экран.

– Подожди, я сейчас посмотрю, с какой скоростью мы сейчас движемся. – Роланд взглянул на табло и, вне себя от радости, сжал плечо Кристины. – Костя, скорость стабилизировалась! Уже две минуты – 1200, и не прибавляется!

– Получается, через шестнадцать часов будете на месте. – В голосе командира впервые прорезалась обеспокоенность. – Следите. Будут изменения – доложите. И отправьте информацию на Землю.

«Вестник» отключился, оставив «Дружбу» в одиночестве.

От атмосферы радостного возбуждения и желания как можно скорее приступить к делу, не осталось и следа. Переодевшаяся Кристина, Сергей и Роланд сидели в рубке и напряжённо следили за тем, как Безымянная растёт, занимая всё пространство иллюминаторов. Вместе с ней росли и «станция» и вращающиеся вокруг неё четыре «многоугольника», напоминающие каких-то плоских морских пятиконечных звёзд. На приличном расстоянии от них кружили неожиданные, не замеченные раньше, создания: неуклюжие структуры, сильно вытянутые по горизонтали, и прихотливо изогнутые по вертикали, они почему-то двигались по странным, хаотичным орбитам, хотя не имели ничего явно похо-

жего на двигатели. Космонавты так и не поняли, являются они аппаратами, живыми существами или чем-то средним. Впрочем, откровенно говоря, никто и не задумывался серьёзно над этим вопросом: нахождение на неуправляемом челноке, с бешеной скоростью летящем к неизведанной планете, стимулировало отнюдь не любопытство.

К тринадцатому часу челнок подошёл практически вплотную к тёмно-серой сфере предполагаемой станции или чужого корабля. Команда заняла заранее обговоренные места: Рыцарь – у экрана состояния, Сергей – погрузившись в нейроинтерфейс, Криста – возле иллюминатора. Каждый из них держал в уме два возможных сценария контакта, и был готов исполнить свою роль при развитии любого из них.

Конечно, в том случае, если неуправляемая «Дружба» не столкнётся ни со «станцией», ни с окружающими её спутниками, ни с неизвестной плотности существами.

Пока что траектория была обнадеживающей: челнок должен был пройти ровно посередине между сферой и орбитой, по которой вокруг неё вращались многоугольники. Справа от «Дружбы» остались бы и два неопознанных аппарата: самый длинный, очень похожий на спираль ДНК, и короткий и сплюснутый, смахивающий на толстый дырявый блинчик.

Но кто может гарантировать, что направление, в котором тянет «Дружбу», не изменится в последний момент?

Сначала всё шло хорошо: «Дружба» вошла в зазор в точности так, как предсказывал навигатор. Космонавты, избе-

жавшие возможного столкновения со «станцией», дружно напрягли внимание, пытаясь как можно лучше разглядеть сферу и плавающие вокруг неё аппараты, автоматика корабля на пределе возможностей фиксировала всё, происходящее вокруг.

На своей нынешней безумной скорости «Дружба» должна была пройти станцию за какие-то доли секунды. Но сначала челнок замедлился. А потом и вовсе резко остановился.

Кристина с Роландом, не сообразившие как-то зафиксировать своё положение, разлетелись в разные стороны от своих наблюдательных пунктов. На месте остался лишь Сергей, надёжно пристёгнутый к креслу перед нейроинтерфейсом.

Тут же включился сенсор касания – датчик, оповещающий экипаж обо всех незапланированных прикосновениях к корпусу корабля. И Сергей воскликнул голосом «Дружбы», от неожиданности продублировав свои слова на всех экранах:

– Нас пытаются сожрать!

Кристина, почти не пострадавшая от торможения – только рассекшая лоб о край панели, да изрядно ударившаяся рукой о неё же – бросилась к экрану состояния и вызвала проекцию, чтобы и лежащему у стены Роланду, сильно ударившемуся спиной о стену рубки, было видно, что происходит.

Челнок стоял на месте, разом потерявший всю свою безумную скорость, а две неопознанные субстанции, похожие на блинчик и спираль ДНК, прижимались серебристы-

ми телами к его обшивке. Точки соприкосновения корабля и аборигенов горели на проекции красным – так сенсор отмечал локализацию и характер касаний. Ниже проекции бежала строка непонятных ни Роланду, ни Кристине цифр.

– И притяжение пропало, и двигатели вырубил. – Роланд растерянно посмотрел на Кристину. – Запускать или ждать, пока нас отпустят?

– Я откуда знаю?!

Челнок вздрогнул, и натужно двинулся вперёд, к планете, таща за собой не собирающихся отлепиться тварей. Сергей принял решение сам, сообразив, что у Роланда возникла какая-то заминка. И тут же система оповещения челнока холодно сообщила:

– Роланд, включай антилёд! Одной моей головы недостаточно!

Спокойная сосредоточенность Сергея слегка отрезвила паникующего пилота. Хлопнув себя по лбу, Роланд ввёл короткую команду на экране состояния. Проекция окрасилась оранжевым – включилась защита от льдов пояса астероидов, окутывающее челнок плазменное поле атомарной толщины. Через две секунды Рыцарь с видимым сожалением ввёл отменяющую команду.

– Дальше нельзя, рискованно.

Впрочем, и двух секунд оказалось достаточно. Длинная тварь, видимо, пострадала сильнее – она отпустила корабль, и снова неподвижно зависла в пространстве. Вторая тварь

оказалась настойчивее – она больше не облепляла челнок, но краем всё ещё касалась его. Причём ещё и умудрялась упорно двигаться к иллюминатору.

Челнок снова начал ускоряться, не обращая внимания на прилепившегося аборигена, но до прежних показателей скорости не дошёл – остановился примерно на 500 километрах в секунду. Роланд ввёл ещё одну команду, и в верхней части корабля что-то защёлкало и засвистело.

– Механизм инерционного торможения. Парашют, короче. На тот случай, если бы отказала тормозная система гироскопов. Сейчас Сергей его скорректирует под условия на планете, и сядем, как пёрышко.

– А с этим что делать?! – Кристина ткнула тонким пальчиком в неведомое создание, явно не собирающееся отлепляться от челнока.

– Не знаю. Сядем – вызовем «Вестника» и Землю, посоветуемся. Я бы не стал его трогать, кто знает, чем оно может быть.

Существо отцепилось от челнока в двухстах километрах над опалесцирующей молочно-белой поверхностью, густым слоем укрывающей весь видимый мир. Космонавты думали, что оно поднимется обратно в космос, но «блин» остался парить в том же месте, в котором отцепился. Сейчас, в непривычном голубоватом свете, он казался совершенно несимпатичным близким родственником земных привидений.

– Я задал курс на облёт планеты по экватору. Ускорение

небольшое, может быть, двигатели и справятся. Посмотрим, может быть где-то есть пейзаж поразнообразнее. Да и место для посадки лучше бы выбрать нам, а не неведомым зверушкам. – Сергей отключился от нейроинтерфейса и принялся массировать виски. – Если ничего не найдём, выберем место произвольно. Хотя я, честно говоря, всё сильнее согласен с Людочкой – вряд ли тут есть что-то, что мы в принципе способны принять за разумную жизнь. Вернуться бы, исследовать сферу. Быть может, там найдётся что-то интересное.

– Ты так говоришь, словно мы можем пройти мимо какого-то разумного существа и не узнать в нём собрата! – Кристина хотела продолжить, но остановилась под насмешливым взглядом Сергея.

– Насекомое не может воспринять человека за разумное существо исключительно из-за несовпадения масштабов. Некоторые люди отрицают наличие разума у собак, например, потому что считают, что ни одно разумное существо не станет при знакомстве приближать лицо к гениталиям сородича. Рыба, живущая в глубинных впадинах Мирового океана, яро отрицала бы наличие разума у мелководных сородичей, будь у неё такая возможность, естественно. Мне продолжать?

– Не нужно. Я поняла твою мысль.

– Это очень интересно, но почему ты думаешь, что внутри той сферы может быть кто-то живой и умный? Нам ведь они не помогли.

Сначала Сергей решил, что Роланд таким образом пошутил. Но, взглянув в открытое и искренне заинтересованное лицо напарника, понял – не шутит. Действительно думает, что, будь внутри сферы разумные создания, они обязательно помогли бы движущейся не по своей воле «Дружбе». Но развеять фата-моргану Роланда не успел.

Сигнал тревоги – такой же, как и при первом нападении существ – ударил по ушам космонавтов. Иллюминатор полностью скрыли бледно-голубые призрачные тела аборигенов. Выяснить, сколько их, на сей раз не представлялось возможным – и иллюминатор, и камеры оказались скрыты плотным слоем неизвестной материи.

Тревога взывала ещё раз – двигатели снова отключились, но теперь корабль продолжал падать под действием силы тяжести Безымянной.

Сергей бросился к нейроинтерфесу, подключился, попытался запустить хоть какой-то двигатель – безуспешно. Гироскопы, двигающие корабль благодаря инерционным взаимодействиям на атомарном уровне, вращались вхолостую – то ли поблизости не было вообще ничего, с чем они могли бы взаимодействовать, то ли существа как-то влияли на базовые основы мироздания.

Роланд попытался снова запустить плазменный барьер, но экран выдал строку цифр, призванную продемонстрировать космонавту, что температура обшивки корабля слишком высока и создание плазменной оболочки повредит, в первую

очередь, самой «Дружбе».

Кристина бросилась к иллюминатору, ударила по нему, надеясь, что вибрации отпугнут тварей. И поначалу казалось, что это выход: в месте удара наметилось какое-то шевеление. Но и только. Даже когда Рыцарь и Сергей присоединились к Кристине и принялись осыпать стекло градом ударов, нападающие только лениво шевелились, перемещаясь поближе к месту удара.

Челнок продолжал падать.

Тревога продолжала звучать.

Связь с «Вестником» была потеряна.

«Вестник» напряжённо ждал, не сводя датчиков со стремительно несущейся сквозь космос «Дружбы».

Ждала Людочка, выпившая за две трети земных суток кофе столько же, сколько обычно выпивала за неделю.

Ждал Юрий, предпочитающий глушить тревогу размышлениями о том, что за загадочное вещество на Безымянной оказалось запутанным с корабельной моделью мозга, и прав ли он, предполагая, что личность Аэлиты может сейчас находиться именно в этом веществе.

Ждал Муха, всё ещё немного гордый тем, что додумался, пусть и случайно, изучить «аппараты» с той стороны, с которой их до сих пор не изучали.

Ждал Константин, предпочитающий даже спать в кресле первого пилота на тот случай, если обстановка изменится.

В тот момент, когда «Дружба» впервые была атакована неизвестными существами, Константин, подключённый к нейроинтерфейсу, отчитывался перед Возвышенским и Добронравовым о ходе путешествия. И, отправляя пакеты данных на Землю, он совершенно случайно заметил странные цифры с датчика, передающего на «Вестник» информацию о состоянии внешней оболочки «Дружбы».

– Вячеслав Артемьевич, прогоните, пожалуйста, этот пакет через вашего искусственного помощника. У меня такое ощущение, что я неверно интерпретирую данные.

Добронравов запустил помощника, указал на требующие интерпретации данные, и все трое замолчали, ожидая результата.

– Я бы сказал, что от поверхности, состояние которой описано в переданных мне данных, кто-то или что-то откалывает микроскопические кусочки материи. – Помощник Добронравова, сфинкс с лицом древней старухи, озвучил свои выводы оскорбительно беспристрастно. Впрочем, он ведь не знал и не мог не знать, что они значат для экипажа «Дружбы».

– Я отключаюсь. Кто-то жуёт «Дружбу»!

Константин уже хотел было выйти из нейропространства, но властное «Стойте» Добронравова остановило его мысль в последний момент.

– Полковник Усиков, прежде чем вы уйдёте помогать товарищам, я хотел бы, чтобы вы поняли нечто очень важное.

Постройка и оснащение корабля, подобного вашему, требует суммы, примерно равной годовому бюджету всего африканского континента. Как бы нам ни хотелось построить ещё один – на данный момент это невозможно. Но ваше путешествие ускорило космическую гонку, сократив наше временное преимущество перед конкурентами с лет до месяцев, а то и дней. Это означает, что ваша миссия должна завершиться успешно. Вы меня понимаете? Я всей душой верю и надеюсь, что с группой контактёров не произойдёт ничего фатального. Но, независимо от того, чем закончится чрезвычайная ситуация – вы не полетите к Безымянной планете на выручку. Вы немедленно отправитесь дальше, к магнетару SGR 1806-20, и попытаетесь всё-таки обнаружить создателей «Объекта 1». И вы не станете рисковать успехом миссии ради спасения жизни членов команды. Вы меня поняли?

– Но ведь там, возможно, корабль...

– Возможно. – Тон Добронравова не оставлял сомнений: решение принято, и оспаривать его бессмысленно. – Вы меня поняли, полковник?

– Так точно.

– Идите.

Когда Константин вынырнул из недр нейроинтерфейса, всё уже было кончено: плазменное облако временно отпугнуло нападающих, двигатели включились, и «Дружба» размеренно спускалась к поверхности Безымянной.

– Костенька, может, последуем за ними? – Людмила,

непривычно бледная и неулыбчивая, с неприкрытым ужасом в глазах рассматривала те же данные, которые интерпретировал искусственный помощник Добронравова.

– Мы не можем. Неизвестно, как на нас среагирует то, что повредило «Дружбу». Неизвестно, какое ускорение получим мы, подойдя к планете. Слишком много факторов, которые мы не можем спрогнозировать. – Косте очень хотелось отвернуться и не видеть, как лицо Люды покидает последняя надежда. Но этого он, как командир корабля, позволить себе не мог. И, глядя в заледеневшие голубые глаза, он чуть строже, чем следовало, отдал приказ. – Мухаммед, включай двигатели. Курс на SGR 1806-20.

– Но там же Сергей, Кристина и Роланд! Как вы можете! Как вы все можете?! – Людмила отошла на шаг, словно Костя на её глазах принялся превращаться в Грегора Замзу.

– Людмила, поверь, если бы я имел право отдать такой приказ, я бы его уже отдал. Но на карту поставлено слишком многое. Мы должны целыми и невредимыми долететь до Змеиной звезды. Мы должны найти создателей «Объекта 1». Безымянная же опасна, и мы не можем быть уверены, что оправданно рискнём «Вестником». Понимаешь?

Людмила явно собиралась возразить, но почему-то передумала. Лишь поджала губы, одарила Константина злым взглядом и вылетела из рубки, чуть не сбив по дороге Власова, осторожно несущего перед собой большую чашку кофе.

–И почему же Людмила перекинулась в свою злобную

ипостась? – Власов приподнял брови, обозначив лёгкое недоумение. – Надеюсь, она не собиралась сшибить меня с ног, оставив Констю без кофе?

– «Дружбу» попытались пожевать. Земля отдала приказ продолжать путешествие к магнетару. Люда не согласна. – Константин благодарно кивнул, схватил подставленный под руку кофе, сделал несколько больших глотков, но не почувствовал никакого вкуса и отставил кружку на маленький столик для бумаг, перенесённый из библиотеки специально ради того, чтобы было, куда поставить чашку чая или кофе.

– Там «Дружбу» снова жуют.

Услышав лишённый всяческих интонаций голос Мухаммеда, Юрий и Костя одновременно обернулись к экрану. В строке, описывающей состояние челнока, быстро-быстро бежали цифры, означающие, что от «Дружбы» снова откалывают мелкие частицы материи. Цифры строчкой ниже оповещали, что двигатели «Дружбы» работают вхолостую, не в состоянии правильно взаимодействовать с пространством.

В самом худшем для экипажа, но и самом реалистичном варианте это означало, что медленно разрушающаяся «Дружба» летит к Безымянной, управляемая исключительно силой притяжения планеты.

А потом цифры пропали. Связь с «Дружкой» была потеряна». Под перекрестьем взглядов Юрия и Мухаммеда, Константин коротко повторил:

– Мухаммед, курс на Змеиную.

Затем залпом допил кофе и аккуратно поставил кружку на место. Юрий Валерьевич сочувственно посмотрел на Костю, не замечая того, что потирает правое ухо, там, где должна была бы быть мочка.

Земля, Москва

Костя отключился, и столешница со встроенным проекционным экраном сдвинулась в сторону и встала вертикально. Из недр «стола» плавно поднялась новая – со стоящими на ней двумя высокими кружками серого туманного⁴ стекла. И небольшой кабинет, в который Добронравов предпочитал приглашать людей, разговору с которыми чёткое следование субординации скорее мешало, наполнился густым кофейно-малиновым запахом.

– Вячеслав Артемьевич, вы уверены? – Возвышенский кивком поблагодарил председателя за свой любимый малиновый чай, но кружку брать не торопился.

– В чём?

Когда Добронравов разговаривал таким тоном, собеседники обычно переставали задавать вопросы и вообще вспоминать о том, что у них есть какое-то собственное мнение. Но Возвышенский был слишком далёк от Земли, чтобы обращать внимание на такие мелочи.

– В приказе насчёт «Дружбы». «Вестник» лучше оснащён технически, думаю, они смогут хотя бы забрать экипаж с Безымянной.

⁴ Стекло, во внутренний слой которого нагнетают газ или жидкость так, чтобы создавалось впечатление, что предмет целиком состоит из тумана, облаков, воды, и т.д.

– Думаете или уверены? Сейчас потенциальные человеческие потери – три человека. Вы готовы превратить их в семь? – Добронравов отпил кофе и бесшумно поставил кружку обратно на столик.

– Но... Мы могли бы произвести расчёты, попытаться минимизировать риск.

Добронравов отодвинул тяжёлую тёмно-зелёную штору, открыл окно и закурил, стряхивая пепел медленными и плавными движениями.

– Алексей Петрович, вы можете назвать мне хотя бы точные сроки? Не говоря уж о гарантии того, что эти расчёты действительно будут работать в условиях, весьма далёких от тех, о которых вам вообще было известно? Я прекрасно помню, что, пользуясь технологией магнитно-квантового перемещения, мы, тем не менее, понятия не имеем, как работает существенная её половина. Вы уверены, что, имея только теоретические модели происходящего у Безымянной, сможете правильно определить, почему «Дружба» внезапно начала ускоряться? Или разобраться, что за чудовища летают у её поверхности, ориентируясь только на то, что они жрут металл в микроскопических дозах? – Профессор молчал, и Добронравов, докурив, мягко закрыл окно. – Вы не можете. И никто не сможет. И, заметьте, я молчу о материальном и политическом аспектах происходящего. Самое лучшее, что мы можем сделать в сложившейся ситуации – верить в наших ребят и ждать их возвращения.

Возразить было нечего, и Алексей Петрович сделал несколько глотков чая, желая перебить эфемерное, но такое сильное и горькое послевкусие.

– Позвольте вопрос не по теме? – Возвышенный предпочёл бы уйти, но следовало дожждаться материалов о недавнем запуске «Ириды», миссии Штатов к Альфе Центавра, – председатель хотел получить экспертное мнение о продемонстрированных технологиях.

– Спрашивайте. – Вячеслав Артемьевич бросил вопросительный взгляд на помощника, возвышающегося над рабочим столом у дальней стены, затем еле заметно нахмурился. – Доклад всё равно запаздывает, можно и поговорить.

– У вас ведь в каждом рабочем кабинете подобные столики, связанные с кухней? – Дождавшись кивка, Алексей Петрович продолжил. – Неужели ювелирно проложить ходы сквозь стены Кремля действительно было проще, чем нанять штат официантов? Или дело в безопасности?

– Не в безопасности. Ненавижу, когда мне подают еду и убирают за мной. – Увидев недоумение на лице профессора, Добронравов внезапно улыбнулся. – Алексей Петрович, вы помните, какую задачу сейчас решает ЛИИС⁵?

– Ну да, удешевляют кухонных и уборочных исксов настолько, насколько это возможно. Как и предусмотрено вектором развития робототехники на ближайшие три года. Вы подаёте пример?

⁵ Ленинградский Институт Искусственных Существ

– Не совсем. – Добронравов щёлкнул пальцем по стеклу, глядя, как серый туман колеблется в стенке кружки. – Как же объяснить, за один-то раз? Вот смотрите: приготовить еду, это искусство. Подобрать блюда, подходящие под вкус конкретного человека, расширив его картину мира – тоже. Создать в доме уют, починить или отреставрировать что-то, украсить дом к празднику – всё это достойно, всё это – некий акт творения, что ли. Но подача еды, но уборка... – председатель выразительно скривился. – Приучить людей к ответственности можно и другими способами. Бесспорно, раньше – когда мы не могли создать достаточно дешёвого помощника, самостоятельно собирающего девяносто восемь процентов домашней пыли – и этот труд был достоин человека. Но сейчас-то зачем?

– Тогда я не очень понимаю, почему вы лично зарубили проект Никольского. – Добронравов приподнял бровь, и Алексей Петрович напомнил. – Тот автономный робот-домоправитель. Гуманоидный, с возможностью настройки функций и внешнего облика.

– А, этот. Слишком похож на человека. Нехорошо это. – Увидев, что профессор допил свой чай, Вячеслав Артемьевич вернул на место проекционный экран. – Не желаете партию в сёги, раз уж наш докладчик задерживается?

– С удовольствием. – Над экраном замерцали снабжённые стрелками слоны, кони и золотые слитки, и Возвышенский наморщил лоб. – В этот раз первый ход за вами.

SGR 1806-20

Оставив позади злосчастное «Мю Стрельца», «Вестник» величественно двигался сквозь свет и шторм.

Светом был полон видимый человеческим глазом мир. Сияли несколько исполинских ослепительно голубых шаров, из-за и на фоне которых красные сверхгиганты казались чем-то наподобие баскетбольных мячиков; неярко светился сгусток «первоматерии» – слитые воедино зародыши множества новых звёзд.

В мире же невидимом бушевал шторм: летящие с сумасшедшей скоростью частицы, покидающие породившие их звёзды; излучение от радиотуманности, порождённой звездой, о блеске и размере которой человечество могло уже только догадываться; импульсы от «Змеиной звезды», истинную природу которой человечеству предстояло определить совсем скоро.

Увы, зритель, которые мог и должен был оценить величие скопления C1 1806-20 и рассказать о нём землянам, снова разжигая начавшую тухнуть мечту о космосе, остался далеко позади, в объятиях странной, невозможной, безымянной планеты. А у оставшейся на «Вестнике» части экипажа были и другие – не факт, что более важные, но совершенно точно более срочные – задачи.

Мужчины обсудили случившееся с «Дружбой» спустя несколько часов после того, как Костя отдал приказ двигаться к «Звезде». Они как раз оказались в рубке втроём: страдающий над максимально удобным графиком дежурств Костя, погружённый в недра машинного интеллекта Власов и Муха, заканчивающий свою вахту. Именно он, откинувшись в кресле и не спуская взгляда с новых становящихся всё ближе звёзд, спросил:

– Как думаете, выживут?

– Надеюсь. Но было бы лучше, если бы там оказался кто-то из нас. – Костя, кажется, даже обрадовался завязавшемуся разговору и формальной причине ненадолго оторваться от графика.

– Роланду не доверяешь?

– Доверяю. Но он молодой и быстро ступается перед Серёгиным авторитетом. А он снайпер по характеру, не командир. Тем более, я сам назначил Серёгу временным командиром. Не имея в виду подобной ситуации, мы ведь ожидали контакта, но... – Костя задумчиво постучал пальцами по расчерченной ровными квадратами нейроимпульсной панели.

– Сергей справится. – Костя и Муха, не ожидавшие, что Юрий Валерьевич вообще слышит их, одновременно обернулись к конструктору. И не успел ни один из них открыть рот, чтобы задать Власову вопрос, занимавший команду ничуть не меньше, чем судьба «Дружбы», как он сокрушённо

покачал головой. – Не вышло. Я ещё буду искать, но лучше смиритесь – Аэлита не вернётся. А вот «Дружба», если их не размазало по планете и не сожрут слишком быстро те неведомые твари, – вполне.

И, кажется, даже пугающе-величественное пространство вокруг корабля стало после этих слов чуточку... дружелюбнее.

Постепенно полёт сквозь созвездие Стрельца становился столь же рутинным, как и обычные рейсы в пределах Солнечной системы. Константин с Мухаммедом по двенадцать часов неотлучно дежурили в рубке, и были неимоверно благодарны Власову, специально подстроившему свой график бодрствования так, чтобы иметь возможность подкармливать пилотов в те моменты, когда «завтрак» был уже давно, «ужин» будет ещё не скоро, а напарник ещё спит. Мухаммед, правда, первые пару раз отчаянно отнекивался, изрядно смущённый тем, что настолько превосходящий его по возрасту и статусу человек приносит ему поесть, но Костя предложил считать, что Власов делает это ради успеха всей миссии, а не ради самого Мухаммеда. Это помогло.

Людмила, у которой не было непосредственных обязанностей вне чрезвычайной ситуации или исследований, не показывалась в рубке, перемещаясь исключительно между кухней и собственной каютой – благо, «хитрецы» космонавтов прекрасно умели подключаться к Эльдorado⁶ и воспроизво-

⁶ Расхожее название корабельных хранилищ оцифрованных книг, фильмов,

дить любой объект из него. Впрочем, не показывалась она на глаза и в кухне, и в «коридорах». На четвёртый день Костя почти попросил Власова проверить, как там Людмила, но передумал, ограничившись настройкой камер в кухонном отсеке – теперь, зафиксировав лицо Людочки, они передавали сообщение на панель состояния корабля.

– Кто-нибудь знает что именно случилось с Кузнечиком в Облаке Оорта? Столько раз слышал о том, что там что-то произошло и испортило ему карьеру, а что – так и не понял.

На четвёртые сутки Мухаммед, очевидно соскучившийся по более содержательным разговорам, чем краткие отчёты в конце дежурства, сменившись, наскоро отужинал бутербродами и прессованными фруктово-ореховыми батончиками, чаще называемыми космонавтами кроличьим пайком (желания готовить что-то более сложное у экипажа «Вестника» в последнее время не появлялось). И вернулся в рубку.

– Шутишь? – Костя не повернулся, не желая выпускать из виду ни космос, ни данные о состоянии корабля, но даже его плечи выглядели крайне удивлёнными. – Эта история уже четвёртый год с языков не слезает.

– У вас, в военном флоте. Я четыре года в гражданском летал, в основном народ между Землёй и астероидными базами катал, пару лет назад получил младшего лейтенанта и перешёл в научно-исследовательский флот. Я и не собирал-

ся, да Свиридов-младший сказал, что мою реакцию жалко на астероидниках гробить. И приглашения сюда уж никак не ожидал.

– Я своего назначения тоже не ожидал. А Валёк в девяностом в облаке Оорта инопланетный корабль уничтожил. – Выдержав несколько секунд паузы, за которые Муха успел как следует усомниться в собственном здравомыслии и удостоиться серьёзного кивка от Власова, Костя продолжил. – Ну как корабль... Валёк испытывал первый прототип ФаВ-1.

– Межпланетный истребитель. Окончательно принят на вооружение в две тысячи девяносто первом. Маленький, вёрткий, разгоняется до четырёхсот километров в секунду. – Увидев, что Мухаммед совершенно не понимает, о каком таком фаве идёт речь, а Костя не очень уверен, стоит ли подробнее описывать корабль, Власов счёл нужным вмешаться. – Прости, что перебил, но в разработке покрытия ФаВ я тоже участвовал, не сдержался.

– Спасибо. Я был не уверен, какая у него максимальная скорость. – Костя немного повернул кресло, так, чтобы краем глаза отслеживать происходящее снаружи «Вестника», но и не сидеть совсем уж спиной к собеседникам. – Задача у Валентина была простая – выйти в заданную точку, дожждаться «пустой» астероид-цель, выполнить несколько манёвров и, поразив цель, «отступить» к Земле. И всё было бы хорошо, если бы у него одновременно не сбились навигатор и парочка сканеров. ФаВ изначально вышел не в тот квадрат, в ко-

тором должен был оказаться – по инструкции в этом случае требуется немедленно вернуться на Землю, ну или на станцию, с которой стартовал. Но Валёк, к сожалению, слишком хороший лётчик, и он решил, что доберётся в нужный квадрат самостоятельно.

– Дела... – Муха поёжился, явственно представив, что сказал бы ему его непосредственный начальник на подобное самоуправство. И не поверил своим ушам, услышав невесёлый смешок Кости.

– Это ещё ничего, за это ему бы максимум очередное звание на год задержали. И то для острастки. Там более, что он без проблем добрался руками в нужный квадрат и даже нашёл выработанный астероид, на который перед уходом работники нужных маячков навешали. А вот потом начались серьёзные проблемы: сканеры ФаВа показали парой секунд левее нечто, что с высокой степенью достоверности можно было идентифицировать как неизвестное техническое приспособление, иначе – чужой корабль или что-то похожее. Ну и Валёк, не раздумывая, атаковал его своим НИХом⁷.

– А на самом деле?

– К счастью, это был лишь осколок аммиачного льда, хоть

⁷ Нейтронный Излучатель Хиральных Частиц – основное оружие космического флота ОСР, создаёт направленный поток частиц, затрудняющий модификацию пространства для пузыря Алькубьерре и, одновременно, делающий невозможным движение гироскопов. Часть космонавтов, называя его «Них», подразумевает латинское «нихиль», ничто. Другая часть имеет в виду более известное, но менее цензурное определение.

и крупный. Даже не астероид с полезными ископаемыми. Но мог быть и какой-то новый корабль цветастеньких⁸. Или не цветастеньких. В общем, отстранять Валентина от пилотирования дураков не нашлось, он действительно один из лучших лётчиков. Но и подпускать его к принятию более-менее серьёзных решений никто не будет.

– И как Кузнечика ещё в Везунчика не переименовали? Учудить такое и лишиться всего лишь определённого типа назначений... – Мухаммед экспрессивно всплеснул руками. – А с осколком льда что стало?

– Мстить не пришёл, в страшных снах не является. Видимо, по-прежнему болтается где-то на задворках облака Оорта. Или погиб смертью храбрых при встрече с более крупным обитателем Облака, чего не знаю, того не знаю. Что ему какой-то хитрый поток частиц сделает?

– Кузнецову крупно повезло, что Вячеслав Артемьевич куда гуманнее предшественников. Вернее, может позволить себе быть гуманнее, чем предшественники. – Власов наконец окончательно присоединился к разговору, свернув проекцию, заполненную длинными и малопонятными пилотам формулами. – Я сам Иванковского толком и не застал, а вот наставник рассказывал, как сильно прежний председатель не любил разгильдяйство такого рода. Валентин бы не только за панель управления больше не сел – даже пассажиром бы на гражданский рейс не попал.

⁸ Жаргонное название жителей США и некоторых европейских стран.

– Ну так время другое. Спокойное. – Костя ехидно про-
бормотал что-то вроде «угу-угу», и Муха поправился. – Ну,
не совсем, но уж точно спокойнее, чем пятидесятые и Неслу-
чившаяся Война. Иванковский же тогда матобеспечением
оборонного сектора заведовал, должен был насмотреться на
раздолбаев и их жизни... – Мухаммед осёкся, сообразив, что
спорит с безмерно уважаемым им старшим товарищем, но
всё же, после паузы, тихо закончил, – ...деятельность.

– Насмотрелся, но личные счёты к разгильдиям у него ещё
до Неслучившейся возникли. Костя, вам старшие товарищи
в космическом университете не рассказывали о том, почему
в вузовской столовой запрещены любые морепродукты и да-
же рыба не в почёте?

Изрядно удивлённый Костя покачал головой.

– Удивительно. Ну да ладно. – Власов поправил сползшую
с плеча лямку комбинезона – на сей раз, разнообразия ра-
ди, серого, – и вытянул скрещенные ноги, откинувшись на
спинку кресла. – В начале сороковых основным вектором
для естественных наук был поиск разумной жизни на Земле.

Юрий Валерьевич прервался, сообразив, что для того,
чем занимались тогда многие биологи ОСР, нужно подо-
брать какое-то другое описание, и Костя не выдержал:

– Что, до такой степени в человечестве разочаровались?

– Согласитесь, у них были причины. – Власов ехидно
усмехнулся. – На самом деле, нечеловеческий разум искали
тогда с вполне конкретной целью: кто-то предположил, что,

коль уж имеющие четыре конечности обитатели суши не могут до конца понять Змеев, возможно, это удастся обитателям водной стихии. Дельфинам или же осьминогам. Ленинградские учёные занимались осьминогами, курировал исследования как раз таки Иванковский, он тогда года три как получил право собственные проекты вести. До того, что у любых земных организмов со Змеями будет исчезающе мало общих черт, обе группы додумались быстро. Но ленинградцы, не помню уже, кто старшим в группе был, предположили, что осьминогам можно легко устроить принудительную эволюцию – достаточно лишь изменить самкам ген, отвечающий за потерю аппетита после спаивания, ну и добавить какие-то системы привязанности к потомству вроде тех, что есть у животных. А это, как понимаете, готовая раса подводных помощников, легко работающих на больших глубинах. Иванковский заинтересовался, выбил разрешение продолжать работу и несколько лет только ими и занимался, даже, говорят, частные уроки генетики и биоинформатики брал. Чуть ли не ассистировал. И вот, какое-то из поколений осьминогов наконец показало хороший прогресс относительно диких сородичей. Результаты работы должны были показать на конференции, проходившей, Костя, как раз-таки в нашем с вами университете. – Власов задумчиво сжал между большим и указательным пальцами неровный край уха. – Доклад был крайне неуспешен – подопытный «кролик» не демонстрировал ни одного из приобретённых умений и в целом

был отвратительно похож на своих диких сородичей. Исследователей ещё более-менее поняли: кто из нас не загорался, увлечённый перспективной идеей? Там и в пищевой институт пойдёшь избушкам-на-курьих-ножках корм подбирать. А вот Иванковскому досталось: чуть ли не в намеренной растрате денег и времени обвинили. К счастью, разбирательство отложили на следующий день. В тот же вечер в честь открытия конференции устроили торжественный ужин, одним из главных блюд на котором должен был стать огромный фаршированный осьминог. Иванковский и исследователи сначала не собирались появляться на людях, после такого-то позора, но в последний момент передумали. И, как вы думаете, кого они увидели в центре стола?

Выдержав буквально гоголевскую паузу, Юрий Валерьевич с выражением продолжил:

– Осьминога, точь в точь похожего на того, который так бездарно выступил днём на конференции. Потом были ДНК-тесты, долгое разбирательство, в итоге выяснили, что по кошмарному стечению обстоятельств во дворе университета одновременно стояли два резервуара с осьминогами: с обычным, съедобным, и с обученным, этически несъедобным. Выяснить, имело место разгильдяйство грузчиков или намеренное вредительство, так и не удалось. А некоторые участники того ужина узнали, каково это, когда твоя еда умнее тебя. Ибо к приходу учёных их подопечный уже лишился нескольких щупалец.

– Но они ведь закончили эксперимент? У меня как-то была девчонка, учившаяся на морского биолога, рассказывала, что их специально учат взаимодействовать с особо умными осьминогами.

Мухаммед был так заинтересован рассказом, что даже забыл про особо уважительный тон, которым обычно разговаривал с Власовым. Подметивший это Константин мысленно усмехнулся: если так пойдёт, то к концу миссии Муха, чего доброго, даже обратится к Юрию Валерьевичу на «ты».

– Закончили. Не могу ручаться, но вроде как некоторых особей даже отселили в тщательно огороженное место в каком-то из океанов. Но, не спустись тогда хотя бы один человек из группы к ужину... – Власов печально опустил глаза, словно предлагая собеседникам самим представить, сколь многое потерял бы мир в этом случае.

Чем ближе «Вестник» подходил к точке, помеченной на звёздных картах как SGR 1806-20, тем чаще и пристальнее земляне всматривались в озарённую огнями бездну космоса, одновременно и желая, и не желая, чтобы кто-то посмотрел оттуда в ответ. Ибо, если бы выяснилось, что «Змеинная Звезда», всего лишь магнетар, то «Вестник», скорее всего, вернулся бы к Безымянной, на помощь «Дружбе».

Одна лишь Людмила не участвовала в горячих обсуждениях и совместных бдениях в рубке, по-прежнему игнорируя остальных членов экипажа.

Именно поэтому, когда до магнетара оставалось не более суток пути, Константин приказал экипажу собраться в отсеке управления. Он был уверен, что проигнорировать прямой приказ Люда не рискнёт, а разрешить противоречия внутри команды следовало до того, как «Вестник» окажется внутри потенциально опасной зоны.

И Люда его не проигнорировала. Но, явившись в рубку точь в точь в назначенное время, замерла справа от двери, неестественно выпрямив спину и сложив руки на груди. Вынужденные встать рядом с ней Юрий Валерьевич и Муха выглядели то ли конвоирами, сопровождающими знатную несломленную пленницу, то ли верными воинами, готовыми защищать свою госпожу до последней капли крови. Косте же, расслабленно прислонившемуся к блокам панелей управления, в этой воистину кинематографичной сцене однозначно отводилась роль типичного космического злодея.

– Друзья, через двадцать шесть часов и сорок минут мы подойдём к промежуточной цели нашего пути. – Константин заметил выразительную гримасу Люды, но не счёл нужным останавливаться. Разговор следовало попытаться довести хотя бы до какого-нибудь итога. – Возможно, она станет и конечной, возможно – окажется лишь небольшой остановкой, которая подскажет нам дальнейшее направление. Но в любом случае мы должны подойти к «Змеиной звезде» единой командой, готовой выполнить миссию, возложенную на нас Землёй. Я собрал вас здесь потому, что сейчас мы не го-

товы выполнять хоть сколько-нибудь сложные задачи. И не будем готовы до тех пор, пока не обсудим всё, произошедшее возле Безымянной. Прошу, высказывайтесь.

– Убийцы! Ты и Добронравов. А мы все – пособники. – Людмила лишь немного повысила голос, но из уст хохотушки, заражавшей хорошим настроением всю команду, эти слова звучали словно полноценный крик.

– Каждый из нас знал, на что идёт. Каждый подписал соответствующие бумаги. И потом, что бы ты предложила? Спуститься вслед за «Дружбой»? Так мы не знаем, что заставило челнок разогнаться до тысячи двухсот километров в секунду, и какую скорость это придало бы «Вестнику»... – Юрий осёкся, увидев, что Людмила закрыла уши руками и отчаянно качает головой.

– Нам не следовало бросать вызов космосу до того, пока мы не поймём всё, с чем мы могли бы тут встретиться! Не следовало! А теперь из-за человеческого самомнения Рыцарь, Кристи и Серёжа погибли! Понимаете?! Погибли, погибли, по-гиб-ли!!

– Людочка, – Костя подошёл поближе, протянул руку, желая погладить рыдающую женщину по плечу, но она отскочила, словно не рука коллеги тянулась к ней, а мохнатая лапа какого-то монстра.

– Не трожь меня, слышишь! – Людмила вскочила, уже открыла рот, что высказать что-то ещё. Но отчаянно взмахнула рукой и пулей вылетела из рубки, чуть не сбив по дороге

заступившего ей дорогу Мухаммеда.

– Дела... – Мухаммед, с трудом удержавшийся от более эмоциональной реакции на слова Люды, похлопал командира по плечу. – Костик, я уверен, она так не думает. Просто как-то нехорошо на душе, что ли. Понятно, что приказ был, и резоны понятны, но всё-таки... вроде и наших нельзя подвести, а вроде... Кристина, Роланд и Серёга, они ведь тоже наши. А она ещё и к приказам не привыкшая.

– Люда успокоится. Перед полётом всех проверяли психологи, собирали команду, хотя бы в первом приближении уравнивающую друг друга по психотипам. Если мы столкнёмся с действительно серьёзной проблемой, она подключится. А до того предлагаю оставить её наедине с горем. Всё равно ни от кого из нас она не примет утешения.

Костя молча кивнул, признавая правоту Власова. А Мухаммед, глубоко вздохнув, вдруг скороговоркой выпалил:

– Вы-думаете-что-они-по-прежнему-живы?

Юрий Валерьевич хотел было напомнить, в прошлый раз речь шла о том, что контактёры выживут в том случае, если приземление «Дружбы» будет хотя бы не очень жёстким, ибо на столкновение с планетой на таких скоростях челнок совершенно не рассчитан. Но вместо этого со всей доступной убедительностью произнёс:

– Думаю, это возможно. Кто знает, как на этой странной планете работают привычные нам законы.

Согласно расчётам, «Вестник» должен был выйти на линию прямой видимости с SGR 1806-20 за двадцать часов до максимального сближения с ним.

За полчаса до этого Константин перепроверил все датчики, всю записывающую аппаратуру – вообще всё, что могло хоть как-то пригодиться для фиксации происходящего. Даже запас бумаги и карандашей. Затем подключился к нейроинтерфейсу и приготовился оперативно отправлять данные на Землю – Власову, с его огромными познаниями, объективно было полезнее наблюдать магнетар собственными глазами.

Время шло. Постепенно «шторм» стихал – на всех направленных вперёд датчиках, что бы они ни регистрировали, воцарялась прямая линия. Даже вездесущее реликтовое излучение испарилось, оставив вместо себя пустоту и полнейшую тишину в эфире. Только «распутыватель», в фоновом режиме отслеживающий наличие подходящих псевдо-гиперонов, стабильно сигнализировал о наличии подходящих для перемещения частиц. Погружённому в недра машины Константину казалось, что нет в мире больше ничего – лишь пустота и оглушающая тишина. Это длилось буквально несколько секунд, а затем несколько датчиков, регистрирующих всё, что относится к магнитному полю, ожили. Их показания выглядели в точности так, как и предполагали земные учёные: в семи миллионах километров перед «Вестником» находился крайне намагниченный объект, периодически испускающий относительно слабые импульсы.

Впрочем, общей тишины это не нарушало, скорее, наоборот, подчёркивало. И Константин почти уже вернулся в существование, когда кто-то послал в машину запрос, требуя предоставить интерпретацию данных с датчиков.

Костя удивился: с его точки зрения интерпретировать их мог бы и школьник, но запрос выполнил. Следующий сигнал вырвал его из блаженного безвременья и практически вернул в тело. Ибо сигнал гласил: «Командир, не страдай фигнёй! Его. Мы. Не видим!».

Костя просканировал пространство ещё раз. Тишина, нарушаемая только плавными импульсами огромного магнитного поля. Проверил состояние датчиков: всё в норме, ни единого повреждения. Запросил свежие данные. И, наконец, отключился от машины, чтобы своими глазами увидеть, что происходит.

Юрий и Муха стояли у прозрачной стенки рубки и, судя по характерным звукам и движениям, снимали пространство перед кораблём простой фотохимической камерой, взятой на борт на случай работы в совсем уж нестандартных условиях. Рядом с ними лежали небольшие оптический и радиотелескоп, до того без дела пылившиеся в одном из технических отсеков. На телескопах лежали три «хитреца», проекционная камера и допотопная видеокамера, способная только записывать видео и создавать недолгие двухмерные проекции. Видимо, космонавты принесли сюда всё, что умело хоть как-то фиксировать происходящее.

Не веря своим глазам, Костя подошёл поближе: перед кораблём действительно ничего не было.

Ничего похожего на магнетар, который должен был бы тут находиться согласно существующим до девяностого года теориям. Точнее, Костя видел отдалённые звёзды и туманности, в которых, возможно, хотя бы один магнетар и нашёлся бы. Но именно что отдалённые. Никакой бешено вращающейся сферы диаметром двадцать километров на расстоянии прямой видимости перед кораблём.

И ничего, что можно было счесть творением крайне развитой расы, созданным, чтобы обеспечивать источник мощного и направленного магнитного поля, как предполагала группа Ройской. И как косвенно свидетельствовали показания корабельной аппаратуры.

И, откровенно говоря, Костя был бы очень рад, если бы список странностей этого места включал в себя только то, чего там не нашлось. Но кое-что в непосредственной близости от корабля всё-таки было, и это что-то заставило бывалого лётчика, командира космического корабля, разинуть от удивления рот, словно сельский мальчишка начала прошлого века при виде «форда» или «плимута».

Впереди, между хорошо видимым ярким скоплением М 18, именуемым особо романтически настроенными личностями «Чёрный лебедь», – слева, и не менее ярким М 23, чудом обошедшимся без дополнительных наименований, – справа; неярко светясь малиновым светом; висел объект, ко-

торому совершенно нечего было делать за тысячи световых лет от Земли.

– Чайник? Рассела? – Заканчивал фразу Костя, склонившись над панелью управления, – следовало немедленно остановить гироскопы и включить компенсаторные двигатели, позволяющие «Вестнику» висеть на одном месте, не дрейфуя под напором космического ветра. Двигаться дальше, не имея даже предположений о том, с чем они встретились, было бы самоубийством.

– Не, оптический обман. Но похож, зараза. Правда, Юрий Валерьевич почему-то говорит, что лучше бы тут на самом деле фарфоровый чайник летал.

Сам Власов никак не прокомментировал возвращение командира из недр машинного разума, продолжая щёлкать кнопкой камеры.

Костя с силой протёр глаза и внимательнее всмотрелся в то, что сначала показалось ему чайником: сплюснутый в верхней части круг, похожий на корпус, полускрытый им ещё один круг, границу которого вполне можно было принять за ручку, овальная тень справа – словно короткий круглый носик.

– Главное слово во всём этом – летал. – Юрий положил камеру и повернулся спиной к аномалии. – Мухаммед, вы за свою карьеру лётчика-космонавта много в космосе видели абсолютно неподвижных объектов? За исключением тех, которым приходилось прилагать множество усилий, чтобы

такowymi оставаться.

– Нет. Наверное. Может быть, эта штука нематериальна? Вроде отражения чего-нибудь?

– Маловероятно. Очень, очень маловероятно. – Власов поднял с пола моментальное фото, сделанное им с последнего снимка старинной камерой. Фото, словно глумясь, в точности повторяло то, что космонавты видели сквозь прозрачную оболочку «Вестника». – Именно поэтому я предпочёл бы, чтобы тут что-нибудь летало: чайник, огромный город с кучей драгоценных камней в основании, исполинский ясель, на крайний случай. Но летало и вообще вело себя так, как положено нормальному физическому объекту!

Получив сообщение с фотографиями видимого космоса и информацией с датчиков, Земля приказала оставаться на месте и в ближайшие два часа, пока на Земле собирается масштабное про-совещание, попытаться всё-таки выяснить, что за чертовщина происходит в этой части космоса.

SGR 1806-20/Земля, Москва

– Мыть «Вестника» не будем. Он чистый, и даже разводов на обшивке не должно быть.

Костя и Юрий с готовностью расхохотались нехитрой шутке Мухи. Людмила, без лишних вопросов явившаяся в рубку едва услышав слова «чрезвычайная ситуация», осталась бесстрастной, словно мраморная статуя.

– Шутки шутками, а проверить физическое состояние аппаратуры нужно. И на чистоту тоже. Вы с Юрием этим и займётесь. Людмила, на вас – дежурство в рубке и возможная связь с Землёй. Если произойдёт что-то, требующее срочной отправки сообщения – вызовете Власова. – Костя нахмурился: распределение обязанностей получалось совершенно не оптимальным, но единственно возможным. – Я, на всякий случай, выйду в космос, оценю состояние наружной аппаратуры. На выполнение работ у нас, получается, всего лишь полтора часа, так что в темпе, но без спешки.

Покинув рубку, Юрий и Мухаммед сразу же нырнули направо, в длинный технический отсек. Костя же, мимоходом убедившись, что с двигателем и реактором всё в порядке, пролетел сквозь корабль, к ангарам и стартовым площадкам – готовиться к выходу в открытый космос.

Скафандры – все восемь, оставшихся на «Вестнике», – стояли там, где им и было положено: в нише у главного люка,

забранной сейчас прозрачной перегородкой.

– Усиков.

Несколько мгновений система анализировала тембр голоса и смысл сказанного, затем сложный волокнистый материал, чрезвычайно устойчивый к повреждениям изнутри, но легко поддающийся ударам снаружи (если знать, куда бить, конечно), ушёл вниз. Костя вытащил основной свой скафандр – ярко-красный, не сковывающий движений, увенчанный прозрачной сферой шлема, похожий и непохожий на те скафандры, в которых группа Ульянова когда-то ступила на Венеру.

Поверхностно осмотреть смотреть корабль можно было и без лишнего оборудования: запаса воздуха во внутренних «лёгких», спрятанных между внутренней и внешней мембранами хватило бы часа на полтора, тем более, активно двигаться он не собирался. Но осторожность победила. Так что, кроме «крыльев» – небольшого гироскоп-материального двигателя, крепящегося к плечам скафандра, – Костя вынул из ниши и похожую на бронежилет универсальную систему жизнеобеспечения, надевающуюся под скафандр. И сразу вложил запасной картридж в «карман» на животе.

Оставалось только подключить к себе трубку жизнеобеспечения, сдвинув лоскут искусственной кожи у основания шеи, натянуть скафандр и, запрограммировав люк закрыться спустя тридцать секунд после открытия, шагнуть в пустоту.

Почему-то Косте казалось, что выход в космос здесь, в тысячах световых лет от Солнца, будет чем-то отличаться от сотен таких же выходов на орбитах Земли, Юпитера и Титана. Примерно так же, как отличается погружение в солёную морскую воду у берега и хотя бы в километре от него. Но, прислушавшись к своим ощущениям, он честно признался сам себе, что настоящей, заметной, разницы нет. И здесь, и дома космос ощущался совершенно одинаково.

Первым делом он взглянул вперёд, в глубине души надеясь, что аномалии закончатся хотя бы на отсутствии очевидного источника магнитных волн. Увы, «чайник» оставался на месте, и сейчас его чужеродность была даже заметнее, чем при наблюдении из корабля. Костя отвернулся: аномалию, конечно же, придётся проверять, и проверять, подобравшись к ней как можно ближе. Но это произойдёт только после того, как лучшие умы ОСР спроецируются в одном месте и как следует обсудят всё, что нашёл и не нашёл «Вестник».

Усилием воли заставив себя не обращать внимание на сияющие вокруг звёзды, полковник Усиков прикинул, откуда будет удобнее начать осмотр корабля, и принялся за работу.

Изредка сверяясь со схемой расположения внешних частей оборудования, Константин плывал вокруг «Вестника», рассматривая, запуская тестовые программы, отслеживая целостность и надёжность кабелей, связующих приборы друг с другом и кораблём. Тишина, поселившаяся в нём после последнего подключения к нейроинтерфейсу, продолжалась и

здесь – в слабом свечении дальних звёзд впереди корабля, в отблесках гигантов позади него. И окончательно изгнать её не смогла даже требующая максимальной концентрации проверка оборудования.

Наконец, убедившись, что всё работает нормально, Костя завис перед «Вестником», лицом к космосу. Сейчас, после часа работы, эта бесконечность, одновременно и пустая и заполненная, начала казаться ему практически такой же родной и близкой, как земные пейзажи. Даже звёзды стали очень похожи на огоньки фар, отражённые в мокром после дождя шоссе.

– И что, стоило всё это шести провальных попыток остепениться? – Этот вопрос Константин задавал себе каждый раз, когда во время выходов в открытый космос оставалось немного времени, чтобы, включив «крылья», просто повисеть в пространстве, растворяясь в многоцветной космической «пустоте». Он точно знал, что, как только хоть немного засомневается в ответе, то сразу же подаст прошение о переходе в инструкторы. – Стоило. Но Вальку с женой всё-таки очень повезло.

За двадцать минут до начала про-совещания Костя, Мухаммед и Людочка снова собрались в рубке. Как и следовало ожидать, серьёзных неполадок на «Вестнике» не обнаружилось. Не считать же таковыми глюк одного из корабель-

ных «хитрецов», где-то подцепившего нсп⁹ искса-уборщика и теперь жалобно сообщающего, что не может перестроить нейронную систему в связи с отсутствием оной. (Рассказывая об этом, Муха философски заметил, что на борту «Вестника» теперь есть ещё и первое в мире устройство, имеющее исключительно человеческую проблему.)

Власов остался в библиотеке, из которой собирался подключиться к про-совещанию, не занимая ни место пилота, ни место стрелка – странности последних дней требовали проявить разумную осторожность. Не то, чтобы он всерьёз опасался нападения... Но позади всё-таки осталась неизвестная конструкция на орбите Безымянной, да и сама ненормальная планета по-прежнему не могла быть признана необитаемой.

Местом проведения про-совещания назначили кабинет Возвышенского в «Террариуме» – большинство участников совещания сейчас находились на Уральской станции. К тому же, невероятно одарённая, возможно даже гениальная, Ройская так и не смогла подружиться с нейро-системами. Что накладывало определённые ограничения на совещания, в которых её участие было обязательным.

Когда Власов «проявился» в кабинете, все уже были на

⁹ Нсп (нейро-схематическая программа) – пакет информации, предназначенный для исксов, имеющих переменное подобие нервной системы, задаёт расположение и параметры работы «нейронов».

месте. И реально присутствующие Возвышенский, Ройская и незнакомый худощавый блондин с правильными, но совершенно незапоминающимися чертами лица. И спроецированная в кресло напротив Юрия личная помощница председателя – Ольга Русак, привычно прячущая себя за поистине попугайской расцветки юбочным костюмом и иссиня-чёрными волосами, существующими словно бы отдельно от золотистого загара и больших карих глаз.

– Добрый вечер собравшимся. – На сей раз голос Арины не дрожал – она уже начала привыкать и к собственному статусу, и к необходимости разговоров с облечёнными властью собеседниками. – Ольга Никитична, Юрий Валерьевич, позвольте представить – мой сотрудник, кандидат физико-математических наук, Родион Зубов.

Блондин дёрнулся, собираясь вскочить с кресла и пойти пожимать руки новым знакомым, но вовремя сообразил, что и Юрий и Ольга несколько нематериальны, и ограничился вежливой улыбкой. Власов улыбнулся в ответ.

– Да, человечеству пора всё-таки утвердить какой-то протокол общения проекций. – Ольга кивнула, приветствуя собравшихся. – Полковник, мы все внимательно ознакомились с отчётами с «Вестника», но они, как я понимаю, не отражают ваше личное мнение?

– Насколько это вообще возможно. Я сам придерживаюсь мнения, что аномалия, получившая рабочее название «чайник», и есть тот объект, который мы ищем. Хотя должен при-

знать, что я ожидал увидеть что-то другое, что-то, что можно было бы назвать космическим хабом. Огромную такую высокотехнологичную постройку, которая генерирует стационарное магнитное поле, чтобы корабли могли не носить на себе ещё и «динамку». И, конечно, целую кучу разных кораблей, управляемых разнообразными пилотами.

– Не только лишь вы. – Арина смешно вытянула губы трубочкой, обдумывая предположение Власова. – Хотя, если честно, изначально я предполагала что-то одиночное. Что-то, что просто генерирует поле нужной мощности.

– Вот слишком наивно с нашей стороны предполагать, что Змеи, до сих пор малопонятные для нас, организуют настолько понятную и логичную для людей штуку, как космический хаб.

– Родион, хочу заметить, что до сих пор определённая степень понимания между нашими расами присутствовала – иначе мы бы вообще никогда не разобрались в их технологиях.

– Товарищи учёные... – Ольга ловко вклинилась в разговор в тот момент, когда Возвышенский прервался на вдох, а Зубов не сообразил ещё, какой контраргумент привести. – Я осознаю необходимость понять Змеев, но, согласитесь, с той информацией, которой мы владеем, это сделать невозможно. Давайте вернёмся к обсуждению аномалии, в которую угодил «Вестник». Юрий Валерьевич, почему вы считаете, что обнаружили искомое?

– Изначальное предположение доктора Ройской гласило: «Змеи вполне могут построить что-то, генерирующее постоянное магнитное поле, достаточно мощное, чтобы на время нейтрализовать или ослабить до приемлемых значений «барьер». Нам известны координаты таких мест – мы называем их магнетарами и считаем подвидом нейтронных звёзд. Следовательно, нужно выбрать самый мощный из них и лететь к нему». Ну так мы, в общем-то, и нашли то, что искали: объект, вероятно, генерирующий магнитное поле огромной силы. По крайней мере, аппаратура считает, что оно распространяется с той же стороны, в которой и находится «чайник». Ну а что до того, что мы ожидали увидеть что-то другое, так Змеи и не обязаны соответствовать нашим ожиданиям. Однако, учитывая полную неподвижность объекта и странные его характеристики, я совершенно не уверен в том, что, исследовав его, мы найдём дорогу к материнской планете Змеев. Или что-то, что даст нам больше сведений об их цивилизации.

– Даже если вы просто найдёте генератор, миссия уже будет оправдана. ОСР совершенно не повредит удобная и совершенно бесплатная точка для создания исследовательских баз в созвездии Стрельца. Опять же, она может стать отправной точкой для дальнейших поисков Змеев. – Ольга нахмурилась, тут же приобретя сходство с веерным попугаем, и резко обернулась к скрестившему руки на груди Родиону. – Товарищ Зубов, я прекрасно понимаю ваше недовольство

моими приземлёнными размышлениями, но поймите и вы меня – мы должны думать в том числе о том, чтобы прекрасные порывы души имели соответствующее материальное обеспечение.

– Что? – Несколько мгновений Родион соображал, из-за чего помощница председателя обратилась к нему, затем покачал головой. – Я понимаю, что, если с неба падают космические корабли, то это не подарок богов, а человеческие недоработки. Меня смущает другое: на «Объекте 1» генератор магнитного поля был вполне простой и понятный. Настолько, причём, понятный, что мы с лёгкостью повторили его сами того не желая. В сопроводительной документации говорилось о том, что конструкторы не ожидали, что повторится эффект, который наблюдал Леонов. Значит, наш генератор оказался очень похож на образец. Ну и зачем бы они строили стационарный генератор как-то по-другому?

– Время. Возможно, что это технологии разных поколений. Возможности: «Объект 1», скорее всего, построен на родной планете Змеев, а вот «чайник» вполне может оказаться каким-то дальним форпостом цивилизации. Мы ведь даже не уверены, что они – жители нашей галактики. – Возвышенный развёл руками, словно демонстрируя, что версий разной степени достоверности может быть великое множество. – Я, например, вообще не стал бы делать какие-то выводы сейчас, имея столь отрывочные и скудные данные. Юрий Валерьевич, как вы считаете, насколько опасно приближение

к «чайнику»?

– Явной опасности нет. Во всяком случае, мы не сталкивались ни с чем, что можно было бы считать таковой.

– Тогда предлагаю «Вестнику» медленно двигаться в сторону «чайника». Когда пройдёте три четверти расстояния – тормозите и приступайте к всесторонним исследованиям. Кажется, у вас должна быть парочка пилотируемых дронов для исследования астероидов – они прекрасно подойдут и для исследования аномалии. Возражения? – Арина медленно покачала головой. Родион, казалось, хотел ещё высказаться, но передумал, повторив жест руководительницы.

– Хорошо. Юрий Валерьевич, вы сможете устно передать командиру наше решение, или есть необходимость пригласить полковника Усикова сюда? – Ольга облегчённо улыбнулась – прийти к разумному решению удалось быстрее, чем она опасалась.

– Не нужно. Константин не счёл разумным отвлекаться от управления «Вестником» в нынешних обстоятельствах, и уполномочил меня и участвовать в совещании, и озвучить его результаты.

– Хорошо. Тогда давайте подытожим наш разговор.

– К конкретным выводам не пришли – недостаточно данных. Решено пройти три четверти расстояния на ста километрах в секунду, затем по обстоятельствам: или двое космонавтов подходят поближе к аномалии на астероидном дроне,

или исследуем с борта «Вестника». Зависит от того, что мы там увидим.

– Известно, что. Алису, Шляпника и Мышь. – На сей раз шутке улыбнулась даже Людмила, и Костя мысленно порадовался тому, что команда снова состоит из четырёх готовых работать космонавтов. – Три четверти расстояния до «чайника» мы пройдем за пятнадцать часов. Значит, в ближайшие семь часов отдыхают Юрий и Мухаммед, мы с Людмилой дежури́м. Потом семь часов нам на отдых. И, если понадобится вылет на дроне, то им занимаемся мы с Людмилой.

– Тебе разумнее остаться на корабле. – То, насколько Муха недоволен решением Константина было заметно даже из-под неизменной фуражки. – Ты командир.

– Именно поэтому я пойду на дрон. Если там произойдет какая-то внештатная ситуация, я приму решение быстрее. – «Тем более, Власов должен остаться на корабле – на тот случай, если что-то выйдет из строя теперь, когда у нас нет Аэлиты. А в случае какой-то внештатной ситуации, подразумевающей убийство или пленение разумных, ты, Мухаммед, с Людой не справишься.»

– Я понял.

Костя ненадолго задумался, догадался ли Муха до истинной подоплёки его решения, но счёл это неважным. Не пришлось отдавать приказ, и отлично.

Чем ближе «Вестник» подходил к аномалии, тем более на-

сыщенное и напряжённое магнитное поле регистрировалось вокруг. При этом ни один предмет из тех, которые должны были среагировать на его наличие, не вёл себя так, как ожидалось.

«Вестник» остановился, когда до аномалии осталось чуть меньше двух миллионов километров. Отсюда «чайник» уже ничем не напоминал свой фарфоровый земной прототип: неподвижная бело-голубая сфера, за которой виднелась тёмная дуга, которую, видимо, космонавты и приняли за «ручку». Овал, похожий на короткий носик, отсутствовал – космонавты дружно решили, что это было какое-то оптическое искажение.

– И что же ты такое?

Оставив пилотов в рубке разглядывать и фотографировать аномалию, Власов и Людмила переместились в технический отсек: всесторонне изучать странную замену магнетару. Первым делом они сняли показания со всех приборов, регистрирующих магнитное поле. Подключаться к нейроинтерфейсу не понадобилось – эти данные что Власов, что Люда легко могли интерпретировать самостоятельно. И всё-таки в первый момент они решили, что где-то допущена ошибка.

Ибо, согласно приборам, вокруг корабля лежало огромное магнитное поле, обладающее совершенно невероятными, невообразимыми характеристиками. Его чувствовали даже вполне тривиальные земные тесламетры, моментально сообщающие о невозможности верно отобразить результат

наблюдений. Достоверно измерить его другими способами тоже не получилось – с разной скоростью, но каждый из приборов сообщал о достижении верхней границы измерений.

При этом ни одно изделие из тех, которые непременно должны были отреагировать на столь огромный источник магнетизма, так и не выдало ожидаемой реакции.

– И источник поля – не наша непонятная сфера. – Людмила прикрыла уставшие глаза – хоть человечество и пользовалось последние сто лет весьма продвинутыми и безопасными экранами, но полностью сгладить последствия нескольких часов напряжённой работы было не под силу никакой технике.

– Не уверен, что у этого поля вообще есть источник. И ещё сильнее не уверен, в том, что оно магнитное. – Юрий с силой прижал руки к лицу. – Такое ощущение, что мы имеем дело с проявлениями гига-, а то и терамира. И, естественно, не в состоянии толком зарегистрировать его проявления.

– Но тесламетры его фиксируют. Значит оно, как минимум, включает в себя электромагнитное поле. И почему металлы не реагируют?

– Не знаю. Попроси Костю выбросить парочку металлических болванок из технологического люка. Быть может, дело в «Вестнике» или каком-то из его компонентов. А мы пока что аномалией займёмся.

Люде очень хотелось высказаться, что выбрасывание болванок за пределы корабля – крайне идиотская форма про-

ведения эксперимента, но она сочла за лучшее промолчать. Ибо Юрий совершенно точно поинтересовался бы, есть ли у неё идеи получше. А идей получше не было.

Если Константин и удивился новаторским методам познания, то никак этого не продемонстрировал. Просто кивнул, поставил на стол две кружки кофе, о которых исследователи почему-то не сообразили попросить, и, взяв болванки, покинул отсек.

– Мы с Мухой привязали к выданным болванкам двадцатиметровые фалы и метали их в разные стороны. Каждый раз они двигались в полном соответствии с полученным импульсом. Всё. А что должно было получиться?

Костя вернулся к исследователям спустя полтора часа после того, как первая болванка вылетела в космос. И обнаружил Власова и Людмилу пребывающими в ещё более глубокой задумчивости, чем до того.

– А мы не знаем. В идеале, они должны были как-то отреагировать на окружающее нас поле. Вы с Мухаммедом покидали пределы корабля? – Юрий медленно потянулся, разминая затёкшие мышцы спины.

– Да, Муха недалеко отходил, принайтованным и в облегчённом скафандре. Мы решили проверить, что будет, если железку не кидать, а просто отпустить подальше от корабля.

– И что получилось?

– А ничего. Пролетела, сколько фала хватило. Летела в

том направлении, в котором и должна была. Нас никуда не тянуло.

– Что же, отсутствие результата – тоже результат. – Юрий невесело улыбнулся.

– У нас тоже ничего полезного. – Люда, непривычно ровно сидящая у «умника», ответила на незаданный вопрос Константина. – Мы обнаружили, что аномалия ничего не излучает, только отражает падающее на неё излучение. Ну и посчитали её примерный размер. Пока всё. Можно ещё выяснить, отражает ли она только видимую часть спектра, или ещё какие-то, но вряд ли это приблизит нас к пониманию того, что она из себя представляет.

– Я понял. Тогда, Людмила, мы с вами быстро перекусываем готовым пайком, чтобы на шесть часов хватило, и отправляемся исследовать аномалию вблизи. Не вижу смысла ждать.

Пилотируемый астероидный дрон – небольшой шар, снабжённый несколькими бурами, тепловой пушкой и буксиром, позволяющим ему передвигать небольшие астероиды, легко отсоединился от «Вестника». Костя, по непонятной ему самому до конца причине, сразу включил программу полностью ручного пилотирования, и теперь потихоньку набирал скорость: двадцать километров в секунду, тридцать, сорок... Что-то странное он ощутил, удалившись от «Вестника» на пятьдесят мегаметров, набрав уже приличные сто километ-

ров в секунду.

Спроси кто в тот момент, что именно заставило его спешно сбросить скорость до тридцати километров, и Костя совершенно честно развёл бы руками. Ему, опытному лётчику, хватило небольших, толком неосознаваемых изменений в движении дрона, чтобы принять единственно правильное решение. А меньше, чем через десять секунд после торможения, дрон внезапно замер, словно встретившись с какой-то невидимой преградой.

К счастью, и Костя, и Люда были пристёгнуты к креслам, все потенциально хрупкие вещи – намертво зафиксированы на своих местах, а дрон – рассчитан на экстренное торможение с сорока километров в секунду. Так что космонавты отделались лишь неприятными ощущениями от попытавшихся продолжить полёт внутренностей.

– Очень интересно. – Первым делом Костя проверил, способен ли дрон двигаться назад. И, обнаружив, что может, вернулся в точку, в которой двигатель стабильно поддерживал десять километров в секунду. – Есть идеи, что с нами случилось?

– Много. – Люда нахмурилась. – Начиная от того, что здесь нет тех частиц, за счёт которых двигаются гироскопы, заканчивая тем, что тут есть какая-то незаметная для нас материя, двигаться в которой мы не можем.

– Даже не знаю, которая мне нравится меньше. Свяжись с «Вестником», может, у них будут ещё какие-то предполо-

жения.

Людмила вызвала «Вестник» и быстро заговорила, описывая полёт, резкое торможение, и изменение окружающего их пространства. А Костя серьёзно задумался, привычно запустив руку в волосы. Можно было отметить это место, вернуться на корабль, обвесить дрон разнообразнейшей аппаратурой... И это они сделают в любом случае. Но сейчас, коль уж он находится здесь и имеет под рукой отличный буксир с длинным и прочным фалом, можно было попробовать получить немного больше информации.

– Люда, я сейчас надену полный скафандр, прикреплюсь к буксировочному тросу и аккуратно полечу вперёд. Твоя задача – контролировать моё нахождение в космосе и быть готовой затянуть меня на корабль, если что-то пойдёт не так. Условный знак для спасения в случае пропажи связи – я прикладываю руку к макушке шлема. Если я начинаю вести себя, по твоему мнению, неадекватно, вытаскивай сразу, не дожидаясь связи или сигнала.

Побледневшая, но заметно собранная Людмила могла только кивать. И Костя от души понадеялся, что не переоценивает сейчас напарницу.

Покинув дрон, Костя включил двигатель и осторожно двинулся вперёд. Что ж, одна версия уже опровергнута: если бы здесь не было частиц, обеспечивающих движение гироскопов, то и «крылья» тоже стояли бы. Но они двигались, значит, оставалось проверить вариант с незаметной матери-

ей. Его расчёт был прост: если вокруг лежит некий барьер из сверхсжатой материи, то барьер этот не пропустит и его. Но, так как Костя в любом случае будет двигаться медленнее дрона, есть шанс что это произойдёт чуть дальше: врезаться в барьер человеку на скорости 5 километров в час и кораблю на скорости пять километров в секунду – есть разница?

В пределах двухсот километров никаких аномалий не обнаружилось, и Константин, вытянувший уже две трети фала, хотел было возвращаться. Но решил на всякий случай отойти на полную длину фала.

Он не успел ощутить момент, когда пространство вокруг изменилось. Это было похоже на движение в постепенно сгущающемся газе или чём-то подобном: плотность пустоты вокруг увеличивалась настолько незаметно, что, не будь скафандры столь чувствительными и повторяющими контуры тела, Константин бы заметил что-то только после того, как вообще не смог бы двигаться.

Тем не менее, пространство не становилось похожим ни на жидкость, ни на желе, ни на что угодно, до этого момента виденное или прочувствованное Костей. Просто двигаться становилось труднее, скорость потихоньку терялась, и всё. И это при том, что двигатель продолжал работать! Но никакого тебе сопротивления окружающей среды, никакого ощущения раздвигающейся материи.

Вытянув фал до конца, Костя оказался в точке, в которой, чтобы сделать хотя бы один шаг вперёд, приходило прила-

гать ещё и серьёзное мышечное усилие. Безумно хотелось отстегнуть фал и продолжить движение вперёд, к тайне, но потакать самоубийственным желаниям Константин Усиков не привык. Сделав несколько упражнений и запомнив мельчайшие оттенки ощущений, он нажал на кнопку сматывания фала.

– Всё-таки барьер? Получается, мы нашли то самое поле, задающее форму пространства, предположенное Ройской? – Мухаммед, от души хлопнул по плечу Власова, не зная, как ещё выразить всё своё восхищение земными учёными вообще и Юрием, как их полноценным представителем.

– К сожалению. – Власов украдкой потёр плечо, почувствовавшее дружеский хлопок чуть сильнее, чем хотелось бы. – Вы ведь понимаете, что это означает для нас, верно?

– Дальше мы никуда не летим. Я не смогу включить и остановить двигатели в пределах трёх секунд. И ты, Муха, не сможешь. Точнее, может и сможем, но такое следует проверять на полигонах, когда цена ошибки – не «Вестник» со всеми нами и призрачной возможностью спасти «Дружбу». И задать кораблю протокол, который гарантировано учтёт все показатели и не приведёт к катастрофе, мы тоже не можем. Только Аэлита, быть может, смогла бы.

– И что теперь делать? – Впервые со дня аварии «Дружбы» космонавты не услышали ни единой обвиняющей нотки в голосе Людочки.

– Сообщить на Землю, авось они до чего-то додумаются. И подумать, как бы сделать фал подлиннее. Возможно, успеем ещё раз исследовать поле, пока Земля будет совещаться.

Работа закипела. За те пятнадцать часов, которые на Земле совещались талантливейшие учёные, астероидный дрон с Власовым, Костей и дополнительной аппаратурой на борту ещё раз слетал к «барьеру». Впрочем, ничего нового не произошло: тесламетры любых конфигураций очень быстро доходили до предельных значений и всё. Ни с какой другой измерительной аппаратурой поле взаимодействовать не желало.

На исходе пятнадцатого часа все космонавты физически находились внутри «Вестника».

Юрий Валерьевич, бывший в тот момент дежурным, привычно размышлял о том, что же случилось с Аэлитой. Ибо мысли о поле и аномалии уже вызывали только глухое раздражение.

Мухаммед и Людмила спали в своих каютах, утомлённые умственной и физической работой.

Костя же был приглашён на камерное совещание к Добронову и Возвышенскому. Как и в тот день, когда «Дружбу» начали жевать неведомые обитатели Безымянной, обошлись без проекций: Костя участвовал в разговорах благодаря динамике нейроинтерфейса в кабинете Возвышенского.

– Значит, существование поля Ройской можно считать подтверждённым. – Вячеслав Артемьевич прикрыл глаза.

Костя попытался понять, доволен ли председатель промежуточным результатом экспедиции, но не смог. Лицо пожилого уже мужчины отражало лишь вселенское спокойствие.

– Думаю, что так. – Возвышенский соединил пальцы домиком. – И размышления Георгиевой о том, что найденный вами объект весьма похож на Безымянную в части неподвижности и отсутствия излучения, тоже весьма интересны. – Он замолчал, очевидно, ожидая какой-то реакции от председателя. Но Добронравов молчал, и Алексей Петрович тихо кашлянул. – Вячеслав Артемьевич, вы приняли решение?

– Да. – Добронравов открыл глаза, и Косте показалось, что председатель чем-то искренне обрадован. Впрочем, отблеск радости исчез так быстро, что космонавт засомневался, не почудилось ли ему. – Не так давно наши аналитики вновь попытались понять, что и почему могло произойти с «Дружбой». На сей раз анализ учёл то, что все наши корабли похожи на «Объект 1». И выдал совершенно новые результаты. Возможно, Змеи установили на Безымянной какое-то устройство, притягивающее их корабли. Что-то вроде маяка и системы ускоренного приземления в одном флаконе. Так что «Дружба», скорее всего, цела. Не очень ясно, почему пропала связь, но это вполне могло произойти по каким-то неизвестным нам, но вполне мирным причинам. Вы, полковник, вернётесь к Безымянной. И постараетесь осторожно, не рискуя кораблём, подобраться как можно ближе к планете.

Если всё пройдёт успешно, то вы вместе с экипажем «Дружбы» вернётесь к той аномалии, которую исследуете сейчас. Если нет... – Добронравов прервался – видимо, отпил кофе. Затем спокойно закончил. – Решение о том, что вы будете делать, в случае, если спасательная операция окажется безуспешной, я приму позднее. Удачи, полковник.

Костя сдержанно поблагодарил Вячеслава Артемьевича и, последовательно покидая нейро-системы «Террариума», уже обдумывал, как преподнесёт прекрасную новость Людке, Мухе и Юрию.

Ему оставалось лишь окончательно отключиться от корабельного нейроинтерфейса, когда три самых слабых тесламетра вышли из строя, не справившись с перешедшим в активное состояние полем.

Когда Юрий Валерьевич осознал, что некая непреодолимая сила несёт «Вестника» напрямик на барьер, включать двигатели было уже поздно. И он сделал то единственное, что успевал – активировал «распутыватель».

Безымянная

Падение замедлилось, но точно узнать, на какой высоте и с какой скоростью они летят, экипаж «Дружбы» не мог – большая часть датчиков вышла из строя, сообщив о перегрузке, спустя считанные мгновения после того, как неизвестные чудовища облепили корабль.

Оставалось только ждать.

– Как думаете, нас спасут? – Кристина лихорадочно чёркала что-то на бумаге, благо, освещение корабля не пострадало при нападении.

– Дед не отдаст такой приказ сейчас. Только после того, как «Вестник» выполнит все поставленные перед ним задачи. И то не факт. – Роланд, на удивление спокойный, пытался реанимировать ГМД. Получалось пока что-то не очень.

– Дед? – Кристина так удивилась, что у тяжеловесного, похожего на памятник самому себе, председателя, может быть такой внук, что переспросила до того, как подумала о том, что, возможно, об этом знали все более внимательные к людям члены команды. То есть, просто все. Но, украдкой глянув на вскинувшего бровь Сергея, она облегчённо вздохнула: информация о родственных связях Рыцаря оказалась в новинку не только для неё.

– Добронравов. Отец моей матери. Мы сейчас не так часто общаемся, служба, но я всё равно неплохо его знаю. Нам

нужно или выкарабкиваться самим или готовиться провести тут много-много времени.

Роланд был удивительно спокоен, словно именно так и должен был бы поступить абсолютно любой человек на месте Добронравова. Кристина тихо хмыкнула – в её картину мира дедушка, сознательно оставляющий внука в экстремальной ситуации, вписывался не очень хорошо. Но спорить не стала, вновь склонившись над бумагой.

– Как вы думаете, может запустить «сжиматель»? Мы, конечно, очень близко от планеты, но, в конце концов, на нас напали.

– Попробуй. – Сергей, спокойно сидевший всё это время в кресле второго пилота, пожал плечами. – Даже если аборигены потом разорвут нас за причинение вреда какой-нибудь тотемной штуке, это не сильно отличается от перспективы быть расплюснутыми или утопленными.

Роланд забегал пальцами по экрану, удовлетворённо кивнул, увидев сигнал о запуске двигателя. И тут же досадливо ударил кулаком по колену: двигатель выключился, проработав меньше секунды.

– А тварей побольше стало. И откуда они берутся? – Сергей указал рукой на иллюминатор. Если до этого между голубоватыми телами всё же оставались промежутки, то теперь весь иллюминатор был равномерно покрыт материей.

– Или твари стали больше. Если бы это были новые, они были бы сверху, и мы бы это заметили.

Роланд и Сергей кивнули, соглашаясь с рассуждениями Кристины.

– Сергей, могли они подрасти, отведав халявных электрических полей?

– Могли. Или не могли. Рыцарь, пойми меня правильно – я знаю о них не больше, чем ты. Сейчас, например, я очень надеюсь, что они замедлили нас достаточно для того, чтобы мы мягко вошли в местную воду. И ещё сильнее я надеюсь, что нашим спутникам эта «вода» не нравится.

– Мы вполне можем быть уже в «воде».

– Можем.

– Тревога выключилась. – Кристина удивлённо подняла голову к потолку, по которому больше не плясали отблески красных аварийных светильников.

– Я отключил. Какой от неё толк? – Сергей пожал плечами. – Судя по работающим датчикам, нас продолжают жевать. Часть датчиков, как я понимаю, уже или сожрали, или покусали до критических повреждений. Лучше не тратить лишнюю энергию, кто знает, выйдет ли из строя наш реактор.

– Как-то странно. – Кристина оторвалась от бумаги, заткнула за ухо карандаш. – Если бы они хотели прогрызть обшивку насквозь, они бы это уже сделали. Была бы одна большая дырка. Если они питаются материалами, похожими на то, из чего сделана обшивка, – тоже прогрызли бы. Было бы много маленьких дырок.

– К чему ты это говоришь? – Роланд, упорно пытающийся запустить хотя бы один двигатель, недовольно нахмурился. – Хочешь сказать, что все датчики почему-то вышли из строя и показывают то, чего нет? Так вон, гадин в иллюминаторе прекрасно видно.

– Рыцарь, ты не прав. Кристи, продолжай. – Сергей наоборот заинтересовался мыслями Кристины. Была в её словах некая смутно оформленная, но предположительно полезная идея.

– И ещё: чем они нас кусают? Мы бы видели, если бы они реально грызли иллюминатор.

– Согласно датчику состояния толщина нашей обшивки уменьшилась на две атомных единицы. Потому и не видим. Но, кстати, этого вполне достаточно, чтобы даже не рисковать выходом в атмосферу на мало-мальски приличной скорости.

– Я не оспариваю показатели датчиков. – Кристина мягко улыбнулась Роланду. – Я пытаюсь объяснить вам глупую и фантастическую идею: что если у них нет цели сожрать нас или наш корабль? Что если они нас изучают?

Мужчины переглянулись. Принципиальная разница между «они нас жрут» и «они нас изучают», конечно, существовала. Но как обернуть её себе на пользу?

– Быть может, ты права. Но тогда бы они от нас уже отстали. Зачем старательно собирать образцы одного и того же материала?

– А он не один и тот же. Мне Власов рассказывал, там какой-то хитрый металл, который они чуть ли не по атомам собирали, чтобы добиться правильного распределения нагрузок при работе «сжимателя». Там что-то около тридцати разных элементов задействовано в разных комбинациях. – Роланд наконец сменил недовольство на понимание.

– Таак. – Информация о строении обшивки корабля была для Сергея новой, но не удивительной. – Получается, если Криста права, они сами от нас не отстанут. А потом догрызутся таки до внутренних слоёв, там состав ещё интереснее...

– А мы никак не сможем сделать вокруг корабля какую-нибудь пустоту? Ну или несколько слоёв одинаковых атомов, а? Они поймут, что всё одинаковое, и отстанут. Я понимаю, это может затруднить нам взлёт, но как Роланд сказал, мы уже и так взлететь не сможем. Так хоть не сожрут.

– Есть запасы нескольких сжиженных газов, но тут слишком жарко для того, чтобы ими можно было эффективно облить «Дружбу». Есть ещё несколько металложидкостей, но большой баллон мы, наверное, не вытащим, а мелких не хватит... – Сергей прикрыл глаза, вспоминая, что ещё из корабельного хозяйства может быть использовано для обливания корабля.

– Есть система экстренного ремонта, её один чёрт запускать придётся. Она восстанавливает что-то около тридцати атомных толщин. Если Кристина права, то чудики ещё ка-

кое-то время нас пожуют, потом отстанут, поняв, что ничего нового не попадается. Но мы тогда останемся без всех сканеров, которым требуется непосредственный контакт со средой. Или отсутствие металлических помех.

– Если мы её не запустим, то останемся вообще без «Дружбы». Навигационная система и всё, что нужно для движения, не страдает?

– Если всё сработает так, как надо, то нет.

Сергей и Роланд обменялись понимающими взглядами, и дружно кинулись в технический отсек.

К счастью, система экстренного ремонта была цела, невредима и заправлена под горло. Рыцарь ввёл команду, запускающую старт ремонта, и облокотился о блестящий серебряный бок резервуара, наблюдая за тем, как на небольшом чёрно-белом экране появляются три модели внешней оболочки «Дружбы».

– Слушай, а если там атомы чуть ли не вручную подбирали, как они ремонтную жидкость сделали? – Сергей с неподдельным интересом следил за пиктограммами, отображающими распределение металла, наращивание давления и формирование электромагнитных полей, отвечающих за правильное распределение жидкости по корпусу.

– Увидишь Власова – спроси. Я как-то не вникал. – Роланд пожал плечами. – Я предпочитаю летать на космических кораблях, а не разрабатывать их.

– Так одно другому не мешает, взять хотя бы в пример

того же Власова.

– Ты сейчас как моя мамочка говоришь. Хотя у неё с Юрием Валерьевичем принципиальный философский конфликт: она – лирик, он – физик. – Роланд фыркнул. – Но, видишь ли, Власов не только учёный, он ещё и комитетчик. А это вообще другое дело, другой характер, ну и риск тоже другой. – Роланд выглядел чрезвычайно довольным – ему удалось ошарашить всегда невозмутимо-дружелюбного Сергея. – А чему ты так удивляешься? Правда думал, что нас бы кто-то отпустил без пригляда? Не, для полёта по системе вполне хватило бы того, что Костик, и Муха носим погоны. Но это же не по системе. Это ж дальше, дороже и важнее. К Центавре вообще пяток ЦРУшников полетели, если не ошибаюсь.

– Однако... Слушай, не сложно так жить? – Сергей, наверное, и сам бы не смог объяснить, что имеет в виду под словом «так», но Рыцарь его понял.

– Не очень. Я ж просто лётчик, особо никуда не влезаю. Так, что-то слышу, что-то вижу. Иногда от деда получаю на тему «ты должен быть примером, что людискажут». В экипаж сам попал, по-честному, отбор проходил. Самым сложным было объяснить им всем, что ни в какую политику они меня и калачом не заманят. – Послышался мелодичный звук, сообщающий о том, что ремонт обшивки закончен, и экран погас – система ушла в неактивное состояние. – Ну что, пошли, посмотрим, что у нас там получилось?

– Пошли. Только имей в виду – мы результат сразу не уви-

дим: «пожирателям» нужно сообразить, что ничего нового они не получат. Думаю, ещё с час посидеть придётся.

– Пожирателям?

– Их ведь нужно как-то называть, – Сергей глубоко вздохнул и проникновенно сказал, – вот бы хоть одного сюда, на опыты.

В рубке их ожидали целых два сюрприза. Во-первых, в центре рубки теперь возвышался бак с жидким азотом для хранения органических образцов, в котором, вяло трепыхаясь, «парило» одно из чудовищ. Вторым сюрпризом оказалась запыхавшаяся и покрытая красными пятнами Кристина, зачем-то соорудившая на голове странное подобие турбана из тонкого ночного комбинезона.

Впрочем, на нестандартный головной убор напарницы обратил внимание только Роланд, Сергей немедленно бросился к баку, присел возле него на корточки, буквально впившись взглядом в инопланетного гостя.

– Кристи, ты где его взяла? – Роланд с уважением относился к напарнице по полёту, но представить себе её, героически расшвыривающей чудищ возле корабля и берущей в плен одно из них, он не мог. – И почему ты в... турбанае?

На лице Кристины отразилось что-то такое, что Рыцарю немедленно захотелось отмотать время назад и не задавать последний вопрос. Подумаешь: добыла женщина инопланетянина, сделала себе новый головной убор в честь победы. Что тут странного?

– На голову шлёпнулось, из вентиляции, и кусок волос отъело. – Кристина шмыгнула носом, и Роланд с ужасом понял, что мелькнувшее на лице Кристины выражение было отнюдь не злостью, и напарница вот-вот расплачется. – Поэтому и в тюрбане, что стрижка у меня теперь авангардейшая, можно даже сказать, постмодернистская.

– Ты... молодец. Крутая женщина, круче Терешковой, Ковалевской и Николаевой! – Успокаивать любимых девушек, неудачно посетивших парикмахерскую, Роланд умел очень хорошо. Но с задачей успокоить напарницу-космонавта, волосы которой отгрызло неизвестное науке чудовище, он сталкивался впервые.

– Криста! Нахрена ты его вообще в азот засунула! – Сергей остался безукоризненно вежлив даже в то кошмарное утро, когда Аэлита по просьбе Людочки приготовила всем на завтрак полезнейшую кашу, лишённую сахара и вообще любых добавок, которые могли бы изменить вкус оной каши в лучшую сторону. Но вот утопления инопланетянина в азоте его вежливость не пережила.

– Знаешь, когда ты держишь в руках неведомую тварь из вентиляции, товарки которой сожрали несколько слоёв обшивки корабля, оно как-то не очень думаешь, куда её засовывать – руки бы уцелели!

Роланд философски отметил, что несправедливые претензии Сергея одно полезное дело всё-таки сделали: Кристина перестала плакать. Ну а с ругающимися девушками оно

как-то проще, чем с плачущими.

– Серёга, ты не прав. Его же надо было в какую-то однородную среду засунуть, которую оно не сожрёт. Я тоже ничего, кроме жидкого азота, не могу придумать. А что, сдохло?

– Скорее всего. За бортом-то температуры за две сотни градусов.

– Так мы первого из них вообще в космосе подцепили! А там уж точно прохладнее будет! – Разозлённая нотациями от Сергея, Кристина сорвала с головы «тюбан». – Эта тварь, вообще-то, мне на голову из вентиляции упала! Я ещё подумать должна была, в каких условиях его хранить лучше?! Пойди и сам поймай!

Сергей повернулся в сторону Кристины и с трудом сдержался от смеха, глядя на взъерошенную девушку.

– Ну прости, прости. Не подумал. Представляешь, я как раз шёл и Рыцарю говорил, что хорошо бы хоть одного аборигена для экспериментов заполучить, а тут такой подарок. Совсем о вежливости забыл.

– Живи. – Кристина попыталась снова намотать комбинезон на голову, но быстро разочаровалась в этой идее. – Ну как эта тварь умудрилась меня так обгрызть, что и двух одинаковых прядей нету? И вообще: как мироздание допустило существование целой планеты камикири?

– Планеты кого? – Сергей вернулся к любованию баком, так что поддерживать разговор пришлось Роланду. Впрочем, ему действительно было интересно, что за новое прозвище

Кристина придумала местным аборигенам.

– Камикири. Представь себе богомола с ножницами на башке и лезвиями вместо клешней, который отстригает все волосы, до которых может добраться. Вот это камикири.

– Это ж где такой ужас обитает?

– Здесь! – Кристина вздохнула, вспомнив, что Рыцарь совершенно не виноват в том, что она потеряла любовно отращиваемые волосы. – Ёкай это, вроде японского демона. Ты лучше скажи: долго эти чудики ещё будут корабль жевать? Или не помогло?

– Их уже меньше. Вон, иллюминатор свободен. – Роланд задумчиво рассматривал парящее в азоте существо. – Но выходить я бы пока не стал.

– Почему?

– Потому что, если мы правы, то каждый из нас – новый источник образцов для них. Придётся делать или тонкое напыление металла на скафандры, что их немного поломают, или ждать, пока чудища разлетятся.

– Значит, подождём. Может, я хотя бы в первом приближении пойму, какими организмами заселена планета. – Сергей скомандовал иксу бака ехать обратно в лабораторию. – Чем же их всё-таки прерпарировать?

– А нам что делать? Помочь тебе с исследованиями? – Услышав предложение Рыцаря, Кристина заметно скривилась, но тут же постаралась натянуть на лицо маску безразличия. И Сергей, сначала собиравшийся в шутку предложить

соратникам вооружиться скальпелями и присоединиться к потрошению инопланетянина, резко передумал.

– Извините, ребята, но помощи в лаборатории от вас мало будет. Найдите себе какое-то полезное занятие, только корабль не покидайте. И пусть кто-то из вас остаётся в рубке, вдруг связь появится.

Поразмыслив несколько минут, Роланд устроился в кресле пилота и принялся настраивать «мышь» на запрос связи с Землёй через каждые пять минут. В конце концов, могли же эти странные существа как-то экранировать сигнал одним лишь своим присутствием? Роланд считал, что могли. Значит, стоило не ждать с моря погоды, а попробовать наладить связь самостоятельно.

– Думаешь, получится? – Кристина, уже вполне успокоившаяся, не выдержала на третьей бесплодной попытке отправить сообщение.

– Надеюсь. Мыша странно себя ведёт: создаёт сообщение, но потом заявляет, что не может осуществить отправку, так как отправлять нечего.

– Думаешь, они жрут не только корабли и волосы, но и информацию?

– Да кто ж его знает. Вот починить несколько самых распространённых поломок передатчика я могу. А понять, почему в нём нарисовалась ошибка, которую за двадцать лет ни один космонавт не увидел, – нет. Это как минимум к Власову, а ещё лучше – к оставшимся на Земле обитателям НИИ. –

Роланд щёлкнул пальцем корпус «мыши». – Пусть поработает пару часов, авось выйдет что.

Через полтора часа повторений сообщения «Земля, я Дружба, приём» обоюдное упорство Роланда и «мыши» было вознаграждено. И первое полученное сообщение представляло собой краткую, ёмкую и очень-очень радостную характеристику их появления в эфире.

– Серёга, давай к нам, связь появилась! – Роланд выключил внутрикорабельную связь, и практически обмяк в кресле. Сил, чтобы радоваться вместе с Кристиной, почему-то не было.

Сергей появился в рубке лишь парой секунд позже второго, куда более длинного и серьёзного сообщения с Земли. Сообщения, единственной хорошей новостью в котором было то, что оно вообще дошло до «Дружбы».

Для начала выяснилось, что Безымянная обладает явными временными аномалиями, ибо по времени Земли с момента потери связи с «Дружбой» прошло несколько дней. При том, что корабельные часы утверждали, что с момента входа в атмосферу Безымянной прошло всего лишь семь часов и восемнадцать минут.

Вторая новость была намного хуже: «Вестник» почти добрался до местонахождения магнетара, но обнаружил там лишь аномалию неизвестного происхождения, подойти вплотную к которой так и не смог из-за неизвестного барьера, предположительно – того самого поля Ройской. А

несколько часов назад «Вестник» и вовсе перестал выходить на связь.

«Дружбе» следовало произвести все возможные исследования на Безымянной и, после того, как командой будет принято решение о бессмысленности дальнейшего изучения планеты доступными способами, отправиться дальше – изучать объекты на орбите Безымянной, а потом и «Мю Стрельца». Ибо ни «динамки», ни «распутывателя» на «Дружбе не было.

Земля предполагала два варианта возвращения челнока домой: «Вестник» выйдет на связь и, выполнив свою часть миссии, вернётся за «Дружкой», или будет построен новый корабль, единственным предназначением которого будет эвакуация экипажа «Дружки» из созвездия Стрельца.

Третий и весьма реалистичный вариант «у экипажа «Дружки» заканчивается еда до того, как на Земле успевают построить корабль или «Вестник» выйдет на связь» в сообщении упомянут не был, как излишне очевидный.

– Роланд, ты можешь хотя бы примерно представить, за сколько времени смогут построить реплику «Вестника»? – Сергей поправил очки, обвёл серьёзным взглядом космонавтов. – Я надеюсь, все здесь присутствующие понимают, что мы не имеем права не дожидаться спасательной экспедиции? Но нам нужен план. И хотя бы примерно знать, сколько времени нужно продержаться.

– Ты не веришь, что «Вестник» вернётся? – Сергей ожидал, что Кристина будет плакать. И даже пожалел, что не захватил с собой какой-нибудь успокоительный препарат. Но женщина выглядела абсолютно спокойной, лишь судорожно крутила в пальцах тонкий золотистый карандаш, способный писать на любых поверхностях.

– Я верю, что они живы. И что они однажды вернутся домой. Но, Кристи, мы не имеем никакой возможности предположить, когда это произойдёт: завтра или через несколько лет. И строить какие-то планы, связанные с их возвращением, мы тоже не можем. Понимаешь?

Кристина молча кивнула.

– Чтобы вытащить нас отсюда, целый «Вестник» не нужен. – Роланд нахмурился, вспоминая детали плана эвакуации. – Достаточно большой сферы, такой же, как обшивка «Вестника», и установленных в неё второй части генератора магнитного поля и той штуки, которая частицы путает. Ну и человека, который совершит переход. Вот... Потом нам просто нужно будет долететь до сферы и влететь в неё.

– И сколько времени займёт постройка этой эвакуационной сферы?

– Обшивка – одна из самых дорогих частей «Вестника». Там и материалы не самые распространённые, и как-то очень сложно это всё сочетается. И «распутыватель» тоже не очень простой и дешёвый. – Роланд убито вздохнул. – Год, не меньше.

– Я понял. – Сергей прошёлся по рубке, мимоходом ободряюще погладил Кристину по плечу. – Я продолжу изучать нашего пленника и буду очень благодарен вам обоим, если мне не придётся далеко отходить от лаборатории, чтобы поест. И ещё я попрошу вас, пока я буду занят исследованиями, подсчитать количество пищи, которой мы располагаем. Как только подсчитаете – сразу же сообщите. Чем быстрее мы составим план питания, тем выше шанс дожидаться помощи.

По сравнению с просторным «Вестником», чтобы обойти который по кругу понадобилось бы никак не меньше трёх часов, «Дружба» казалась очень маленькой и очень тесной. Два гироскопа по бокам и компактный термоядерный реактор в нижней части челнока – так же, как в «Вестнике». В верхней части – технический отсек со скафандрами, батискафом, летучим дроном и «кротом» для подземных изысканий. В оставшееся, не такое уж большое, пространство уместили только спальный отсек, сейчас разделенный перегородками на три закутка с жёсткими подвесными гамаками; лабораторный отсек, большая часть оборудования которого предполагала исследование материальных образцов, склад и рубка управления.

Ничего удивительного в этом не было: «Дружбу» строили с расчётом на то, что космонавты проведут на борту не больше месяца-двух, совершая при этом постоянные вылазки на исследуемую планету, а то и живя на ней. Не зря же на складе

лежали несколько превосходных палаток, способных выдержать венерианскую жару и холод Нептуна. Вот только столкновения с всеядной флорофауной Безымянной они, скорее всего, не пережили бы.

Из рубки до склада Кристина и Роланд дошли за каких-то пять минут.

Впрочем, складом это компактное помещение называла только Кристина и только потому, что ей хотелось хотя бы словами добавить «Дружбе» объёма. На планах челнока здесь значился хозяйственный отсек – каморка размером два на два метра. Левая, светло-зелёная, стена каморки была заодно и дверью пищевой камеры, в которой при идеально рассчитанных влажности и температуре хранилась вся еда космонавтов. Правая – синяя – дверью очистительной камеры, которая, в зависимости от выбранного режима, могла очистить одежду или одного человека. Центральная же, прозрачная, являлась заодно стенкой испарительно-конденсационного аппарата, обеспечивающего разумное и многоцелевое использование воды.

– Так, и что у нас здесь есть?

Кристина опустила светло-зелёную дверь. С правой стороны, аккуратной стопкой, стояли непрозрачные контейнеры – девяносто дневных порций пищевого полнорационного концентрата. И рядом россыпь индивидуальных вкусовых добавок к нему. Скривившись, девушка поворошила кучку маленьких – не больше чайного – вакуумных пакетиков, но

пересчитывать не стала. Слева, не столь аккуратно, но упорядоченно, лежали запаянные пакеты с вакуумизированными и консервированными блюдами. Всего – девяносто штук, в каждом пакете – сбалансированный по вкусам и питательным веществам дневной рацион на одного космонавта.

– Девяносто концентратов и девяносто порционных пакетов. Запас на шестьдесят дней. – Кристина закрыла дверь, задумчиво обернулась к стоящему позади Роланду с «хитрецом» наготове. – Ты правда думал, что нам придётся что-то записывать?

– Надеялся.

– Хотите посмотреть на неорганическую органику?

Мирно завтракавшие половинной порцией пищевого концентрата Роланд и Кристина на всякий случай отставили тарелки и кружки и только тогда рискнули повернуться ко входу в кухонный отсек. Последний контакт Сергея с окружающим миром состоялся почти сутки назад, когда он, услышав результаты подсчёта еды, постановил пока что уполовинить порции и питаться по принципу: два раза – нормальная пища, один – концентрат. С тех пор Сергей практически идеально воплощал стереотип безумного учёного: дневал и ночевал в лаборатории; не глядя питался тем, что ему подсовывали обеспокоенные напарники; и только отмахивался на все задаваемые ему вопросы.

Так что Роланд и Кристина имели весьма веские основа-

ния ожидать, что биолог принесёт прямо на кухню отрезанный кусочек инопланетянина. К счастью, в его руках был всего лишь лист бумаги, полностью покрытый формулами и рисунками.

– Сегодня утром я всё-таки решил, что существо скорее мертво, чем живо, и постарался препарировать его. – Сергей забавно сморщил нос. – Насколько это слово можно использовать относительно к тому, что я оторвал от него кусочек, когда вынимал из бака с азотом. И знаете, что я увидел, когда поместил оторванный кусочек под микроскоп?

Кристина привычно сморщилась, едва услышав об инопланетянине. Но честно постаралась создать хотя бы видимость интереса – самоотверженные исследования Сергея того заслуживали. Роланд же протянул было руку к листу, но остановил её на полпути. И задумчиво проговорил:

– Неорганическую органику, мы поняли. Теперь объясни, пожалуйста, что это такое?

– Это пространственные структуры, аналогичные структурам белков, из которых состоят человеческие волосы. Но состоящие исключительно из протонов и электронов. Проще говоря, из изотопа водорода, находящегося в каком-то странном агрегатном состоянии. Если не ошибаюсь, будь это нормальная органика, передо мной на предметном стекле лежал бы прямой чёрный волос. Примерно как Кристинин.

– Тааак. – Роланд завладел-таки листиком и с минуту честно пытался понять записи Сергея. Затем грустно вздох-

нул и вернул лист обратно. – Получается, это создание подстригло Криту и скопировало её волосы?

– Может быть... Надо бы отловить ещё одного, не дать ему прикоснуться к волосам Кристины, целиком исследовать; и до конца исследовать того, который у нас уже есть. Тогда можно будет делать хоть сколько-нибудь достоверные выводы.

– Значит, надо идти и ловить. Очень даже укладывается в задачу «исследовать Безымянную всеми возможными способами». – Кристина порывисто встала, всем своим видом демонстрируя готовность идти на охоту за аборигенами.

– А если они разумные? – Рыцарь явно не испытывал такого же воодушевления, как Кристина, готовая прямо сейчас бежать и натягивать скафандр.

– А их сильно волновало то, что мы можем быть разумными?

– Я вообще не уверен, что им известна концепция разумности. – Сергей ещё раз пробежался взглядом по собственным записям. – Но Роланд прав. То, что мы не считаем их разумными, не гарантирует отсутствие у них какой-то формы разума, я уже говорил об этом тебе, Кристина. Предлагаю компромисс: вы идёте на вылазку, ищите, можно ли где-нибудь надёжно разместить камеры. На всякий случай берёте с собой какие-то вещи, которыми сможете отвлечь от себя внимание аборигенов. Я исследую оставшуюся часть нашего «гостя». Согласны?

– Я бы всё-таки поймала одного и притащила сюда. С чего, спрашивается, церемониться? Но если вы оба считаете, что нужно проявить милосердие, то я не стану спорить.

– Не милосердие. Элементарную осторожность.

К первому выходу на поверхность планеты Кристина и Роланд готовились, как к кругосветному пешему путешествию: надели и подключили системы жизнеобеспечения, положив в карман по три сменных картриджа; натянули скафандры; прицепили к плечам «крылья».

Они уже собирались выходить, когда в ангар влетел Сергей с решительным видом сжимающий в руках два поясных чехла для оружия.

– Я решил, что ситуация достаточно серьёзна, чтобы открыть сейф с личным оружием.

– Уверен? – Роланд не торопился, разглядывая узкий V-образный коричневый чехол, из которого под углом друг к другу торчали красная и синяя трубки. Кристина, особо не раздумывая, уже схватила свой комплект, и аккуратно крепила его к поясу скафандра.

– Уверен. И в вашем благоразумии тоже.

Роланд пожал плечами и принялся пристёгивать чехол – спорить с командиром, хоть и временным, он не привык.

Вооружённые, одетые в скафандры, с системами жизнеобеспечения и «крыльями», первые люди на Безымянной были полностью готовы выйти наружу. Но стоило им подойти к люку, как Сергей хлопнул себя по лбу.

– Лучше сразу опробуйте оружие – если и будут какие-то неожиданности, пусть они произойдут поблизости от корабля, так безопаснее.

Решив, что напутствия закончены, Кристина протянула руку к панели, управляющей открытием и закрытием люка. Но Сергей заговорил снова.

– И не забудьте: электроника и автоматика могут выйти из строя, иногда надёжнее использовать верёвки и оговоренные системы сигналов. – Сергей прервался, резким движением вдавил дужку очков в переносицу, так же резко убрал руку от лица. – Наши предки выживали так тысячелетиями. Не вижу причин, по которым мы должны отказаться от зарекомендовавших себя приёмов.

– Мы поняли. Мы будем осторожны.

Роланд открыл внутренний люк заранее, ещё на словах про предков. И, как только Сергей закончил речь, шагнул в шлюз, потянув за собой Кристину. Кажется, Сергей хотел сказать им ещё что-то, но поднявшаяся звуконепроницаемая чёрная стена отрезала от него исследователей раньше, чем временный командир успел открыть рот.

Несколько минут они просто стояли – ждали, пока искр создаст в шлюзе условия, сходные с внешними. На каком-нибудь Марсе они бы вышли сразу: с такой разницей в условиях скафандры, принцип работы которых человечество до сих пор понимало с пятого не десятое, справились бы за несколько секунд, не ставя под угрозу здоровье хозяина. Но безум-

ные условия Безымянной требовали настроить скафандр заранее.

Наконец давление и температура достигли нужных параметров, и Роланд с Кристиной приготовились ждать ещё несколько минут – пока лёгкое сжатие правой перчатки не даст понять, что подгонка завершена. Но сигнал поступил спустя какие-то доли секунд, заставив Кристину недоверчиво взглянуть на собственную руку.

– Странно. Не могли же наши скафандры одновременно выйти из строя. – Роланд нахмурился. – Так, я открываю внешний люк и пробую выйти. Ты стоишь как можно ближе к внутреннему и внимательно наблюдаешь. Если что – затягивай меня обратно в корабль и закрывай люк.

Роланд кинул Кристине край страховочного троса, и в два шага скрылся в медленно затягивающей пространство шлюза мутной молочно-белой дымке. Его напраница напряглась, сжимая в руках трос и готовясь, в случае появления опасности, немедленно вернуть Рыцаря на корабль. Минута, две, три... Всё было спокойно: трос был натянут так, как и должен был быть натянут при движущемся космонавте на том конце, в чувствительных динамиках раздавались мерные вдохи-выдохи Роланда.

Когда Кристине начало казаться, что она уже целую вечность стоит, вцепившись в трос и напряжённо вслушиваясь в дыхание напарника, в динамиках послышался спокойный голос Рыцаря.

– Всё нормально. Выходи. Медленно иди по тросу, я тебя жду. И не забудь закрыть люк.

Момент, когда под ногами закончился шлюз и началась Безымянная, Кристина заметила с трудом, и то исключительно потому, что загадочная поверхность планеты слегка пружинила под ногами. В остальном никаких отличий – клубы густого молочно-белого вещества, выглядящего, как туман, но ведущего себя, как... Кристина так и не смогла толково объяснить себе, на что похожи ощущения от нахождения в сверхкритическом CO_2 , как называла эту штуку Люда. Поэтому она вычленила для себя два её главных признака: абсолютную непрозрачность, из-за которой девушка никогда в жизни не смогла бы найти внешний замок люка, не запрограммируй она автоматическое закрытие, и способность немного затруднять движение. Размышления об остальных характеристиках «тумана» она оставила Сергею.

Трос закончился неожиданно: вот она ещё перебирает обеими руками прочное узловатое плетение, и сразу же рука, протянутая к следующей части троса, сталкивается с гладким материалом скафандра. Роланд схватил её за запястье, помогая удержать потерянное от неожиданности равновесие.

– Возьмёмся за руки, пройдем чуть вперёд, поищем площадку получше для тестирования оружия. Хотелось бы увидеть результат выстрела.

Взявшись за руки, первые инопланетяне на Безымянной медленно и осторожно шли вперёд. Несмотря на весьма

чувствительные динамики скафандров, они практически не слышали звуков окружающего мира – только едва уловимый шум шагов друг друга. Под ногами слегка пружинила невесть откуда взявшаяся поверхность: судя по всему, до границы углекислоты и водорода было ещё почти полтора метра, но почему-то и корабль и люди замерли именно здесь, не проваливаясь ниже. И эту загадку тоже нужно было разгадать.

– Рол, как мы тут должны искать место, в котором можно повесить камеры? Они же всё равно ничего не покажут. Мы прошли уже почти километр, и не нашли даже места, где можно было бы выстрелить, понимая, куда мы стреляем! – Кристина экспрессивно взмахнула рукой, описывая широкую дугу. – Да что стрелять, я собственную руку только до середины плеча вижу!

– Давай ещё чуть-чуть пройдем. Если ничего не изменится, то попробуем оружие в любом месте, стоя спиной к «Дружбе». Потом вернемся и втроем подумаем, как здесь что-то исследовать.

– Хорошо.

Кристина скривилась: эта планета угнетала её, снова заставляла чувствовать себя маленькой девочкой, потерявшей в холодном густом тумане и нашедшей там монстра. Тогда ей было шесть, и родители устроили поход, желая показать родные леса и горы Алтая приехавшему с побережья Печорского моря родственнику. Кристина уже не помнила

никаких обстоятельств того похода: ни погоды, ни еды, которую на костре готовили на ужин и доедали на завтрак, ни даже месяца, в который состоялся поход. Только леденящий ужас, охвативший её утром, когда из тумана к девчужке потянулись щупальца поистине лавкрафтианского чудовища.

Чудовище оказалось старым пнём с вывороченными корнями, поход закончился ко всеобщему удовольствию, пронеслись годы, люди и города, а страх остался. И теперь, шагая по безумной планете в тысячах световых лет от Земли, Кристина боялась, что в окружающем тумане снова покажутся изломанные корни-щупальца.

– Почему мы не попробуем взлететь и изучить те штуки на орбите? Там хотя бы нет этой дряни. Мы же даже не сможем сделать пробный выстрел, будучи уверены в том, что не попадём в местного жителя. – К третьему пройденному километру Кристина окончательно убедилась, что искать на этой планете место, в котором можно повесить камеры для наблюдения за аборигенами, можно примерно столько же времени, сколько ловить чёрную кошку в тёмной комнате. Причём, с тем же успехом.

– Потому, что мы не знаем, как работает то, что нас приземлило. – Роланд по привычке повернулся к спутнице, пытаясь понять, нужно ли продолжить объяснение. Но обнаружил только привычные уже клубы «тумана». – Вот смотри, Земля считает, что ускоренную посадку нам обеспечила какая-то машина Змеев, которая приняла нас за родственник

механизм. Если мы взлетим и сразу улетим подальше, то нас, скорее всего, отпустят – прилетели, выполнили задачу, улетели. Логично. А вот если мы будем болтаться на орбите, то есть шанс, что нас снова попытаются посадить, приняв за новый корабль. И будем мы болтаться вверх-вниз, вверх-вниз, и так до бесконечности. Потому выходить за пределы CO₂ ... ну, не запрещено, мало ли, какая надобность возникнет, но не рекомендовано.

Кристина тихо фыркнула, но замолчала, прекрасно понимая, что хочет спорить с Роландом не ради истины, но исключительно из собственного недовольства Безымянной.

Когда датчик расстояния показал, что космонавты прошли уже более трёх километров, Роланд остановился:

– Всё. Тут можно блуждать вечность! Прямо здесь оружие и опробуем. – Роланд отработанным движением плавно опустил руку к поясу и тут же согнул её в локте, уже с толстой синей трубкой ВБЭИМ¹⁰. Но, вместо того, чтобы выстрелить вперёд, опустил руку с оружием и растерянно повернулся к Кристине. – А как мы поймём, не стреляем ли в аборигена?

– Никак. А ты уверен, что ствол будет тут работать?

– Должен, вообще-то. Оружие разрабатывали, учитывая теоретические модели среды обитания Змеев.

Кристина обошла вокруг напарника, затем встала перед ним и проникновенно взглянула на Роланда сквозь прозрачный защитный экран шлема.

¹⁰ Временный блокиратор электрических импульсов мозга

– Рыцарь, ты тут хоть одного Змея видишь?

– Нет. Но это же не значит, что их тут вообще нет. И скафандры очень уж быстро приспособились к местным условиям. – Роланд вернул ВБЭИМ в чехол, достал «револьвер» – красную широкую трубку, бесшумно посылающую снаряды благодаря чередованию вакуума и областей высокого давления. Вставил в скрытый в корпусе барабан тускло светящуюся зелёным хрупкую капсулу с ядом, разрушающуюся в десяти метрах от ствола и разбрызгивающую на два метра вокруг мощный нейро-токсин. – Лучше из этого выстрелю для начала. Если Сергей прав – наши яды местным не повредят, а мы поймём, есть ли тут кто. Ну и светится снаряд, хоть траекторию увидим.

Нажать на гладкий восьмиугольный выступ, заменивший курок, оказалось сложно. Каждому, допущенному к потенциально смертельному оружию, первым делом в голову вбивается мысль: не стреляй, если есть малейшая возможность попасть в тех, в кого не хотелось бы попадать. Роланд не хотел попадать в аборигенов, даже предполагая, что яд не причинит им вреда.

Роланд никак не мог проверить, нет ли аборигенов на пути снаряда.

Роланд был обязан проверить, действует ли земное оружие на Безымянной. Теоретически, в один прекрасный момент от этого могла зависеть жизнь космонавтов.

Можно было бы предложить опробовать оружие Кристи-

не – в её сугубо гражданской головке, до последнего времени чуждой любого оружия, принцип «не уверен – не стреляй» ещё не успел намертво прижиться.

Но предложить девушке рискнуть жизнью или здоровьем вместо него? Роланд воочию представил деда с ремнём, за который тот немедленно схватился бы, едва узнав о том, какие недостойные мысли посетили внука.

И резко нажал на выступ, посылая вперёд тусклую зеленоватую точку.

– Ура, работает! А зачем пуля светится?

Кристина сосредоточенно подняла свой «револьвер», честно попыталась прицелиться, но быстро поняла, что целиться исключительно с помощью мышечной памяти всё равно не сможет. И просто протянула руку с оружием примерно в ту же сторону, куда и Роланд до этого. Снаряд разрушился сантиметрах в двадцати над предыдущим, также зависнув созвездием зелёных светящихся капель.

– На всякий случай. Мало ли, придётся быстро стереть токсин с цели. Значит, там никого нет. Можно пробовать ВБ-ЭИМ.

Роланд уже вернул в чехол «револьвер» и положил руку на «бима», когда Кристина задумчиво проговорила:

– Рол, я ни в коем случае не отговариваю тебя стрелять, но, кажется, мы нашли способ приманивать местных.

Кристина ткнула пальцем в парящие капли отравы. Прямо под ними из клубов «тумана» то ли поднимались, то ли

сотворялись маленькие бесформенные создания, отдалённо напоминающие смятые носовые платки. Одновременно хорошо видимые и в тоже время кажущиеся частью вездесущего тумана, они словно появились в ответ на раздражитель, вторгшийся в их привычный, неизменный мирок. Каждый новый абориген касался жидкости, и, замерев на несколько мгновений, принимался скользить вокруг неё.

Через пару минут первые из появившихся созданий стали терять интерес к каплям. Первые три «платочка» разлетелись в разные стороны и пропали из видимости землян, заинтересовавшись, видимо, осколками снаряда.

А вот четвёртый и пятый уверенно двинулись в сторону космонавтов.

– Идём отсюда. К кораблю.

Пяťась, Роланд и Кристина наблюдали, как мелкие аборигены скользят за ними, непостижимым образом видимые в углекислоте. Когда их стало больше десятка, а ближайший оказался не дальше двух метров от космонавтов, Роланд сжал руку напарницы.

– Бежим. Руки не отпускаем – эти чудики блокируют связь. Я дам Серёге сигнал, пусть подготовит люк к открытию.

– Стой. Кинь им ещё одну капсулу с ядом, может быть, они на неё отвлекутся и дадут нам фору?

Роланд вытащил зеленоватую капсулу и, не задумываясь, швырнул её в сторону платочков тем же привычным жестом,

которым земляне щедро одаривают уток, голубей и прочую летающую братию.

– Земляне кормят инопланетных птичек. Холст, масло...

– Бежим!

Роланд крепко схватил хохочущую Кристину за запястье и потащил к кораблю.

Они бежали, крепко взявшись за руки, словно маленькие дети, к единственному доступному на этой странной планете убежищу.

И каждому из них в тот момент казалось, что он бежит домой.

Сергей ждал их возле корабля, вооружившись, почему-то, накопителем из мусорного фильтра, в котором задерживались органические отходы, подходящие для переработки во что-то полезное. Сейчас в нём застряли кости от вчерашнего обеденного цыплёнка по-индийски и кофейная гуща за последние три дня.

– Ты что делаешь?

Рыцарь и Кристина с трудом успели остановиться перед Сергеем. Если бы Роланд всё ещё не держал напарницу за руку, она, скорее всего, затормозила бы только с помощью корабля.

– Спасая вас и провожу научный эксперимент. Где аборигены?

– Надеюсь, где-нибудь очень-очень далеко. – Кристина скорчила гримасу, демонстрируя всё, что думает об обита-

телях Безымянной. – Хотела бы я знать, что их вообще при-
манило.

– Ты знаешь. Яд. – Чрезвычайно довольный Сергей сжал свободно рукой плечо девушки. – Всё получилось даже лучше, чем если бы мы развесили камеры.

– Ты какой-то слишком довольный для человека, коллег которого чуть не сожрали инопланетяне. – Кристина хотела продолжить ворчать, но в нескольких метрах перед ними появился первый «платочек», и Сергей замер, напомнив поэтессе древнего «Дискобола». Зачарованная внезапным сходством, она даже передумала спорить, подбирая ёмкое и красивое словесное описание.

– Уже троих видно. Но что-от они к нам не движутся. – Роланд, тоже замерший, но по совершенно другим причинам, еле шевельнул губами, забывая о том, что его голова находится в герметичном шлеме, и звук его голоса никак не может поколебать окружающее пространство.

– Вижу.

Сергей размахнулся и изо всех сил швырнул фильтр в сторону обитателей Безымянной. Роланд был уверен, что существа, над головами которых до того момента точно ничего не летало, испугаются и кинутся врассыпную. Но нет – чудики наоборот кинулись к фильтру, облепили его так тесно, что практически скрыли его и его содержимое от глаз космонавтов. Спустя несколько секунд к тем инопланетянам, которые появились в ответ на выстрелы, добавился ещё десяток со-

родичей, точно также поднявшихся-сотворившихся где-то в тумане под фильтром.

Ещё двое, помельче, проявились вокруг парящих в углекислоте крупниц молотых кофейных зёрен.

– Отлично. Покараульте их, я за инструментами.

Сергей поспешно скрылся внутри корабля, чуть не сбив по дороге Роланда.

– И что он делает? – Роланд, вовремя отодвинувшийся от впавшего в исследовательский раж напарника, задал вопрос в пустоту, совершенно забыв о том, что звук из их скафандров автоматически транслируется все в сети.

– Ловит инопланетян на кофе и куриные кости, что ещё. – Кристина фыркнула. – Серёг, мы не со зла, но это действительно очень смешно со стороны выглядит.

Сообразив, что Сергей слышал и его слова тоже, Рыцарь приготовился извиняться. Но появившийся из корабля биолог с кучей инструментов в руках явно не обратил никакого внимания на их подтрунивание.

Через пару часов что-то вроде загона, собранного из нескольких по-разному ориентированных электромагнитов, окружило двух ничего не подозревающих инопланетян, продолжающих висеть возле пятнышка кофейной гущи.

И только тогда Кристина, до того безмолвно принимавшая посильное участие в постройке загона, задумчиво и очень-очень серьёзно спросила:

– Ребята, а вы можете мне объяснить, почему эти твари

не появились, когда мы с Роландом вышли из корабля? Или они наши скафандры едят на завтрак, обед и ужин и в силу этого уже видеть не могут?

«Вестник»

Сознание вернулось не сразу. Сначала пришло ощущение: «У меня есть тело». Огромное, разветвлённое, заканчивающееся множеством чувствительных точек. Потом мелькнула мысль: но ведь моё тело было не таким. Меньше, плотнее, не столь чувствительным. И тут же, словно в ответ на воспоминание, приходит ощущение: слабое-слабое, словно отражение ощущения в мутном зеркале. Чьи-то руки трясут его, над ухом орёт чей-то голос, требуя очнуться. Он хочет говорить, и хочет так сильно, что уже не задумывается о том, каким образом это сделать. И из всех динамиков «Вестника» доносится холодный машинный голос, неведомым образом отражающий интонации говорящего.

– Что за чертовщина тут происходит?!

Юрий хорошо прочувствовал момент перехода сквозь барьер, но, попроси его кто-нибудь подробно описать это ощущение, вряд ли смог бы сказать что-то вразумительное. Больше всего это было похоже на исчезающе краткий и безумно страшный момент не-существования. Но, к счастью, лишь момент – почти сразу всё вернулось на круги своя. Вот только Костя, до того сидевший в кресле первого пилота, принялся заваливаться на бок.

Власов успел аккуратно подхватить его и, вытащив из

кресла, уложить на пол обмякшее тело. Глаза Константина были приоткрыты, но зрачки не реагировали ни на какие раздражители. Пульс прекрасно прощупывался и на шее, и на запястье и соответствовал нормальному; грудная клетка мерно поднималась и опускалась. Но в сознание командир корабля не приходил. Испробовав все формально одобренные средства, Юрий не выдержал и принялся трясти Константина за плечи как грушу, одновременно крича ему в ухо что-то однозначно ругательное. И каково же было его удивление, когда из динамиков раздался обезличенный, но совершенно точно принадлежащий Косте голос:

– Что за чертовщина тут происходит?

Происходящее, наверное, стоило бы сохранить в тайне от остальных членов экипажа. Хотя бы ненадолго, пока не станет понятно, что произошло, чтобы гарантировано не посеять панику. Но Костя с перепугу, не разобравшись в своих новых возможностях, задействовал всю корабельную систему оповещения. И Люда и Муха, удивлённые и напуганные, примчались в рубку буквально в течение трёх-пяти минут с того момента, как Константин осознал себя частью корабля.

И, естественно, обнаружили бессознательное тело командира, изобретательно ругающегося Юрия Валерьевича и – о, ужас! – удобно устроившуюся на боковой панели проекцию искусственного помощника, копирующую их командира вплоть до пуговиц на форменной куртке.

– Как это возможно? Что происходит? Я не понимаю. –

Люда бросилась к Косте, упала на колени, почти оттолкнув Власова, прижалась ухом к груди бессознательного товарища.

Мухаммед, решивший, что возле командира и без того слишком много народу, наклонился над пультом управления, вывел на панель координаты корабля. Затем, выругавшись сквозь зубы, вернул переднюю часть обшивки, почему-то ставшую непрозрачной к привычному виду. И тут же выругался ещё раз, глядя на непроглядную тьму за бортом корабля, не подсвеченную ни звёздами, ни туманностями, ни газо-пылевыми скоплениями.

Муха аккуратно помахал рукой проекции Константина – субординация требовала сначала доложить командиру о масштабе неприятностей, в которых оказался «Вестник». Но активно реанимирующая Константина Людочка попыталась перейти к непрямому массажу сердца, и динамик корабельной связи снова ожил.

– Хватит! Люда, если бы моё сознание можно было вернуть в тело с помощью искусственного дыхания ли ещё каких-то методов реанимации, ты бы это уже сделала. Нет необходимости усложнять ситуацию сломанными рёбрами. Юрий Валерьевич, вы, кажется, были рядом со мной. Вы можете объяснить, что именно произошло?

– Объяснить – нет, только лишь рассказать. Нас внезапно потащило вперёд, к барьеру. Насколько я успел увидеть – спонтанно появилось невероятно мощное магнитное по-

ле, которое, вопреки предыдущим измерениям, вступило во взаимодействие с «Вестником». Попытаться что-то противопоставить ему я уже не успевал, единственное, что пришло в голову – включить быстрый переход по первой подходящей связке запутанных частиц. И вот, мы здесь. Поверьте, друзья, знай я пятнадцать минут назад, к чему приведёт мой поступок, я бы, скорее всего, постарался придумать что-то иное. Но... – Удручённый Юрий, впервые со дня исчезновения Аэлиты позволивший себе продемонстрировать растерянность, и словно разом постаревший на несколько лет, развёл руками. – Я надеюсь только на то, что Земля что-нибудь придумает. Или, что ещё один переход вернёт Константина обратно в собственное сознание.

– Мы не будем рисковать. – Тон прозрачной фигурки в форме лётчика ОСР не допускал даже возможности пререканий. – До тех пор, пока не возникнет прямая необходимость совершить переход, мы не станем этого делать. Я остаюсь командиром корабля, более того, могу выполнять функции искусственного помощника. Для начала надо бы понять, где мы вообще находимся.

– Изо всех нас у вас, Костя, сейчас больше всего возможностей это выяснить. – Власов, казалось, вернулся к своему привычному спокойному, слегка насмешливому состоянию. – Со своей стороны скажу, что не успел тщательно изучить экран состояния, когда нас начало затягивать к барьеру.

Проекция Константина пропала, и Мухаммед впервые дал

волю эмоциям.

– Мы не можем оставить командира в таком состоянии! Давайте просто вернёмся, и всё! Мы же, как я понимаю, совершили именно то, что запланировали: задействовали квантовый переход в месте с наивысшей магнитной напряжённостью! И попали в никуда. – Мухаммед яростно ткнул пальцем в сторону прозрачной части обшивки «Вестника», за которой простиралась бесконечная тьма. – Так что нас тут вообще держит?!

– Муха, не нервничайте так. – Людочка нашла в себе силы улыбнуться. – Сейчас наш командир соберёт все необходимые данные, поймёт, где мы находимся, и нам расскажет. Может быть, мы ничего не видим по каким-то естественным причинам.

Юрий едва заметно покачал головой, но ничего не сказал. Он очень сильно сомневался в том, что вернуться будет так просто. Ибо никто не знал, какой именно квантовой парой воспользовался «Вестник» для перехода. По крайней мере, он никаких предпочтительных координат не задавал.

Желая ускорить невообразимо медленно тянущееся время, Мухаммед и Люда принялись сами собирать и интерпретировать данные с множества спектро-интерферо- и прочих –метров. Юрий Валерьевич же ушёл в свою каюту и попытался связаться с Землёй.

И потерпел полное фиаско. А потом ещё одно, и ещё... Сигнал просто отказывался покидать пределы «Вестника».

Когда его личный искусственный помощник, изолированный от основной корабельной системы, сообщил о внешнем запросе на создание проекции, Юрий чуть не расхохотался от радости. Увы, радость оказалась преждевременной – после полученного согласия на экране сооткнулся Костя.

– Мы находимся в месте, заполненном неизвестным нам веществом. Или же в пустоте. Проще говоря, здесь нет ничего – ни звёзд, ни планет, ни туманностей, никакого излучения... – Он удобно устроился на экране и постучал прозрачными пальцами по прозрачному же колену. – Хуже того, я не могу ни связаться с Землёй, ни найти то место, которое соответствовало бы в здешнем пространстве той точке, в которой мы активировали «распутыватель». Как вы считаете, насколько безопасно сейчас попытаться совершить магнито-гиперонный прыжок, используя корабельную установку?

– Откуда мне знать? Я до сего дня не сталкивался с местами, в которых ничего нет.

– Ну, не совсем ничего. – Костя взлохматил несуществующие волосы, соображая, как описать человеческим языком новый спектр собственных ощущений. – Тут есть немного одиночных частиц, предположительно протонов, которые, возможно, иногда взаимодействуют друг с другом. Говорю «возможно», потому что ни один из наших приборов такого взаимодействия ещё не засёк. Но я понимаю, что это не означает полного отсутствия взаимодействий, мы ведь тут не так долго и находимся.

– Можно попробовать включить «распутыватель», просто поискать подходящие гиперонные пары. – Юрий Валерьевич прикрыл глаза, размышляя. – Приборы ведь не регистрируют возмущений, подобных тем, какие были возле барьера?

– Нет.

– Тогда это безопасно. Но для начала я бы всё-таки подождал хотя бы двадцать четыре часа, собрал побольше данных – возможно, какие-то взаимодействия всё-таки происходят, но мы их пока не отследили. Да, Костя, а что насчёт реликтового излучения? Радио-диапазона?

– Ничего. – Заметив тень недоверия на лице Власова, Константин с нажимом повторил. – Совершенно ничего. Можете попробовать проверить физическое состояние датчиков, возможно, я не вижу какие-то скрытые поломки. Но, как вы помните, мы не так давно тщательно перепроверили весь «Вестник». Можно, конечно, предположить, что что-то повредилось во время вынужденного прыжка...

– Проверю. – Власов потёр изуродованное ухо. Но движение, которое раньше помогало собраться и начать логично рассуждать, теперь, в обстоятельствах, сходных с обстоятельствами, в которых он потерял мочку, только нервировало. – Давайте тогда возьмём перерыв в одни земные сутки, потом попробуем принять какое-то решение.

– Хорошо... – Константин прошёлся по экрану, затем неожиданно пожаловался. – Когда ноги-руки есть – как-то не замечаешь, насколько это здорово. А сейчас я обла-

даю практически неограниченными мыслительными способностями, но уже безумно скучаю по возможности хотя бы пройтись. Юрий Валерьевич, вы ведь имеете отношение к ведомству, без ведома которого в ОСР ничего не происходит...

Костя замялся, явно не уверенный, имеет ли право его собеседник продолжать разговор в подобном ключе.

– Как я и говорил. Это важно сейчас? – Власов кивнул, решив немного помочь командиру.

– Более чем. – Костя грустно усмехнулся. – Я хотел бы услышать, насколько реальной вы считаете постройку нового «Вестника» в ближайшие полгода. Я помню, вы говорили, что он стоил огромных денег... Но сейчас-то ситуация изменилась, с их точки зрения нас уже не существует.

– Совершенно нереальной. Года три, не меньше. Для постройки и оснащения «Вестника» в рекордные сроки страна напряглась так, что... – Юрий развёл руками. – Но я всё-таки не понимаю, к чему вы клоните.

– «Дружба». Представьте себе, что они выжили, но точно знают, что совокупных запасов еды на корабле хватит на два месяца, на год – если урезать рацион по максимуму. – Костя взлохматил волосы, решая, стоит ли рассказывать Власову о последнем распоряжении Добронравова. – Видите ли, Юрий, во время моего разговора с Землёй Вячеслав Артемьевич сказал, что аналитики построили новую модель возможной судьбы «Дружбы», учитывая похожесть наших ко-

раблей на корабли Змеев. И получили результат, допускающий выживание челнока. Что-то вроде змейской установки, помогающей их кораблям совершать посадку. Вот только до Земли «Дружба» без нас не долетит. Мы должны вернуться, Юра, просто обязаны.

Власов моча кивнул.

– Тогда раздай, пожалуйста, задания Людмиле и Мухе. Мне нужно ещё несколько часов, чтобы наладить собственное функционирование внутри машины. Как закончу – попробую собрать побольше информации об этом месте.

– Хорошо. Должен ли я рассказать остальным, что «Дружба», скорее всего, пережила посадку на Безымянную?

– Не стоит. Если мы выберемся отсюда, то я сам расскажу. Если же нет... – Костя невесело хмыкнул. – Еды у нас, конечно, больше, чем на «Дружке», но однажды она закончится, и тогда нам всем придётся туго. Всем будет проще уходить из жизни, не зная, что мы могли спасти «Дружку», дрейфуя «Вестник» подальше от барьера.

– Согласен. К тому же наше возвращение вполне может оказаться бесполезным для «Дружки».

– Почему?

Власов вздохнул: он долго думал, стоит или нет говорить Косте о ещё одной проблеме, неочевидной, но вполне реальной, сейчас, когда он ещё окончательно не оправился от потери тела. Но командир идиотом не был, и вполне мог догадаться самостоятельно.

– Время, Костя, время. Мы не сможем узнать, как нынешнее время соотносится с земным, до того, как вернёмся в нашу Вселенную. Но варианты, как ты понимаешь, могут быть самые разные. И большинство из них для «Дружбы» категорически неблагоприятны.

Юрий Валерьевич очень внимательно наблюдал за проекцией командира, но, увы, техника не передавала всех нюансов человеческой мимики. Лишь по затягивающейся паузе, да руке, отдельно от сознания треплющей прозрачную шелковую, было понятно – Константин пребывает в глубокой задумчивости.

– Здесь мы бессильны. А, значит, мы будем помнить об этой возможности, но действовать так, словно мы совершенно точно вернёмся в наше время. Иначе нам всем проще сразу выйти в открытый космос без скафандров.

Проекция пропала, оставив Юрия наедине с модным неоконструктивистским мебельным гарнитуром в сине-серебристых тонах, прячущим в недрах кубического журнального столика панель нейроинтерсфейса, и масляной копией «Покорителей Венеры»¹¹ Таира Салахова. Трое первых «венерианцев», Ульянов, Романова и Назаров, куда более строгие и резкие, чем в жизни, пронзительно смотрели вдаль с небольшого квадратного полотна в простой деревянной рамке. Пе-

¹¹ Такой картины у художника, естественно, не существует. Но мы считаем возможным предположить, что, произошли события нашей книги в реальности, человек, написавший в 1961 году картину «Тебе, человечество», не обошёл бы своим вниманием и высадку людей на Венере.

ред ними лежала первая ступенька корабельного трапа того времени, позади – брезжил тусклый венерианский рассвет. Власов знал, что, официальное мнение таково, что художник изобразил космонавтов перед возвращением домой. Но Юрию больше нравилось думать, что на картине запечатлён момент первого возвращения на корабль после нахождения Змея и базы, и основные открытия ещё впереди.

Привыкать к новому «телу» и новым возможностям было... сложно. Оказалось, что сети Аэлиты пронизывают весь корабль: личные каюты, технические отсеки, склады – ничто не могло укрыться от её всевидящего ока. Точнее, каждая из систем была сама по себе вполне автономна, но при появлении искусственного помощника переходила под его непосредственное управление.

Быть может, создание вроде Аэлиты, пусть и повторяющее человеческий мозг, но практически лишённое таких слабостей, как эмоции, чувства и воспоминания, неудобства и не чувствовало. А вот Косте первое время приходилось нелегко. Постоянный изматывающий «белый шум» из внутренней (температура и давление внутри корабля, качественный состав корабельной атмосферы, состояние приборов, начиная с чайника в кухонном отсеке и заканчивая «сжимателем») и внешней (спектрометры, телескопы различных конфигураций, датчики частиц и прочая, прочая, прочая) информации практически свёл Костю с ума уже в первые минуты су-

ществования в качестве корабельного искусственного интеллекта.

К счастью, он довольно быстро додумался оставить всю фоновую, постоянно работающую автоматику подключённой к каким-то совершенно отдалённым островкам сознания – так, чтобы своевременно узнавать о возможных проблемах, но не слышать её постоянно. Потом настал черёд систем не менее важных, но не так часто используемых. Их Костя оставил подключёнными к областям, которые назвал «средними» – шум оттуда было слышно лучше, чем шум из совсем отдалённых уголков, но хуже, чем самые важные или наиболее часто используемые.

Стало немного легче. Под конец Костя сообразил, что можно было бы задать каждой системе условия, при которых её становится «слышно», но решил заняться этим попозже. Работа обещала быть долгой и трудоёмкой, и тратить на неё время сейчас, когда корабль находился в неизвестном и, возможно, агрессивном пространстве, было глупо.

Крем сознания Костя чувствовал, как собравшиеся в рубке люди требуют от корабельных датчиков какую-то информацию, и лёгким умственным усилием отправлял её им, предварительно интерпретируя, в случае необходимости. Впрочем, эта мелка я и смешная возня интересовала его в меньшей степени: каким-то шестым чувством Константин понимал, что искать ответы на вопросы нужно не в попытках уловить хотя бы один след термоядерного синтеза или

реликтового излучения.

Но в чём?

Сутки на «Вестнике» кипела работа. Муха, Юрий и Людмила перепроверили всё: каждый, даже самый бесполезный, датчик, каждый экран, каждое соединение, каждый кабельный путь... Всё было в норме. Списать полное безмолвие, царящее в этом странном пространстве, на поломки земного оборудования не получилось.

– Ну что, включаем «распутыватель»? Юрий, как вы оцениваете возможные риски? – На сей раз Костя не стал тратить энергию на создание проекции, оставшись для команды «голосом из машины».

– Пока что наш самый большой риск – глобальное разочарование в собственных возможностях. – Осунувшийся Власов, которому, по вполне понятным причинам, досталось больше всех работы, с трудом сдержал зевоту. – Пилите, Костя. Пилите.

Мысленно усмехнувшись, Константин волевым усилием активировал поиск запутанных гиперонов.

– Ничего. По крайней мере, в ближайших пятидесяти километрах. Есть идея включить на полную мощность вообще все наши датчики, оставить включённым «распутыватель» и медленно двигаться в какую-нибудь сторону. Быть может, что-то и изменится.

– Может быть, пустим перед кораблём что-то помень-

ше? Батискаф какой-нибудь, например. – Мухаммеда явно не прельщала идея двигаться в неизвестном пространстве, рискуя сразу всем кораблём. – Или одного из «Наутилусов», той парочки воздушных автономных аппаратов, которые должны были производить первоначальную оценку атмосферы и тому подобного? Всё лучше, чем «Вестником» рисковать.

– Разумно. Идите, отдохните, и начнём работу.

Не сразу, не с лёгкостью, но трое человек мирно уснули в своих каютах. Константин снова остался один на один с «Вестником», своим новым телом. Тщательно изгнав из разума страх «а что будет, если меня не смогут вернуть в собственное тело», почему-то предпочитающий вылезать в моменты одиночества, Костя принялся за работу.

Создавая уникальные системы сигналов, каждая из которых должна была лаконично оповещать о состоянии связанного с ней узла, Константин так увлёкся, что совершенно не заметил, что к нему обращаются. Только после того, как сообщение пришло по линии обмена информацией «искусственный помощник – пользователь», Костя соизволил обратить внимание на происходящее в рубке.

– Командир, я хотела бы извиниться. – Людмила, просто-волосая, в длинном земном платье, сидела в кресле первого пилота, сжимая в руках кружку чая. – Я не должна была...

– Перестань, Людочка. – На сей раз Костя счёл необходи-

мым создать себе проекцию. – Если бы я имел право это сделать, я бы бросил в лицо Вячеславу Артемьевичу то же самое, что и ты мне. А потом точно так же извинялся бы. А ты всё-таки не военная, соблюдать субординацию до последнего не привыкла.

– И всё же прости.

Она выглядела настолько несчастной и потерянной, что Костя счёл за лучшее не продолжать бесполезный спор.

– Прощаю.

Она ушла, успокоенная, а Костя снова остался в постепенно становящемся привычным машинном одиночестве. Но теперь к одиночеству добавилось мерзкое ощущение, что как минимум один член экипажа уже попрощался с надеждой вернуть его человечность.

«Наутилус», снабжённый всеми запасными датчиками, нашедшимися на «Вестнике», уходил всё дальше от корабля, напряжённо вслушиваясь в окружающую тишину. Люди, собравшиеся в рубке, не менее напряжённо следили и за его полётом, и за экранами, отражающим состояние аппарата.

– В ограниченной области вокруг «Наутилуса» зарегистрировано движение «протонов». И несколько безмассовых частиц с ненулевой энергией. – Костя приподнял призрачную бровь, не полагаясь на способность механических голосовых связей передавать оттенки интонаций. – У меня в базе данных именно таких нет. Юрий, Людмила, что это может

быть? Они явно обладают какой-то энергией, но не имеют ни масс, ни зарядов.

– Гравитон.

– Гравитино!

Они переглянулись и рассмеялись.

– Что-то, связанное с гравитацией. В последнюю сотню лет мы непростительно увлеклись изучением чуждых артефактов и поисками их хозяев, и во многом забросили ответвления фундаментальной науки, которые не могли нам в этом помочь. Так что, Костя, мы с Юрой озвучили для вас только названия. Никаких подтверждённых сведений, стоящих за ними, у нас нет.

– Тем не менее, это могут быть только они. – Юрий облокотился на экран, забегал глазами по участкам, в которых описывались моменты появления неизвестных частиц. – Значит, «Наутилус» рождает вокруг себя гравитационные возмущения. Причём, видимо, и собственным вращением, и гироскопами. Интересно.

Не удержавшись, Люда тоже склонилась над экраном, немного оттеснив Власова. Мухаммед, не обладающий столь сильным стремлением к новым знаниям, повернулся к проекции Константина.

– И что делать будем?

– Дадим «Наутилусу» отойти подальше, и будем потихоньку двигаться за ним. Как бы то ни было, а выбираться отсюда нужно.

– И что ты хочешь найти «подальше»?

– Что-нибудь. – Костя пожал плечами. – Например, гиперон, запутанный хоть с чем-нибудь за пределами этой дыры.

Уже два земных дня они двигались сквозь невидимое и неосязаемое облако разреженного «ничто», которое никогда не станет чем-то. По крайней мере, Юрий и Людмила пришли к выводу, что даже при наличии сразу двух источников гравитационных возмущений, никаких новых процессов здесь не возникнет – слишком мало вещества. Впереди корабля, словно маячок рыбы-удильщика, плыл «Наутилус», за ним – сама рыба, «Вестник».

Утром третьего дня Людмила появилась на завтрак последней и заметно расстроенной. Получив порцию приготовленной Мухаммедом яичницы с овощами и кружку кофе с молоком, она поставила еду на стол и принялась с отсутствующим видомковыряться в тарелке с едой.

– Нам надо возвращаться. Чем скорее, тем лучше. – Она механически отпила кофе, подчёркнуто-спокойно поставила кружку на стол. – И я удивлена, почему вы двое этого ещё не понимаете.

– Да мы бы и рады, да гиперон как-то не попадается. – Мухаммед ожидал, что Юрий Валерьевич если не поддержит его шутку, то хоты бы отреагирует на неё. Но Власов почему-то выпал из реальности, едва услышал последнюю фразу Людочки.

– Мухаммед, вы ведь помните протокол «Вестника» на случай серьёзного заболевания или ранения одного из членов экспедиции? – Людмила отодвинула искромсанную яичницу и принялась гипнотизировать светло-коричневую жидкость, пахнущую корицей и шоколадом. – Сколько времени наша «капсула последнего шанса» может поддерживать жизнь в лишённом сознания теле?

– Не больше семидесяти... – Мухаммед осёкся, с ужасом повернулся к Власову. – Юрий Валерьевич, вы ведь поняли, о чём говорит Люда?

– Понял. – Конструктор поставил локти на стол, опёрся подбородком на переплетённые пальцы. – Признаться, я и забыл об этом печальном моменте. Люда, ты думаешь, без поддержки капсулы наш командир долго не протянет?

– Не знаю. Я ведь не врач и не биолог. Если использовать информацию из Эльдорадо, то регистрируемой мозговой активности недостаточно для самостоятельного поддержания жизни. – Она допила кофе и с силой воткнула кружку в приёмник печатно-гелевого искса. – Мы даже не можем предположить, что случится с разумом Константина, если его тело пострадает!

Ответить ей никто не успел. На стене-экране появилось изображение отзеркаленного кухонного отсека и Кости, опёршегося о стол. Возле командира стояла такая же порция завтрака, как и у остальных, рядом с тарелкой стояла кружка чёрного кофе.

– Вот, решил, что давно у нас не было совещаний «за обедом».— Костя широко улыбнулся, и сразу же посерьёзnel. – «Наутилус» надо убирать. Он нас только тормозит. Такими темпами мы состаримся и станем местными демиургами, так и не найдя ни один гиперон.

– А если опять барьер? Или что похуже? На потерпевшем крушение корабле домой не вернуться.

– Я перепроверил данные всех тесламетров – с того момента, как мы отошли от Безымянной, мощность поля понемногу увеличивалась. На какие-то цифры в районе десятого знака после запятой, но увеличивалось. Да, мы не заметили. Но тогда у нас и Аэлиты уже не было. Так что, Муха, опасности нет. Ещё возражения?

Космонавты молчали. Подождав ради приличия пару минут, Костя подытожил:

– Отлично. Значит, зонд возвращается на корабль прямо сейчас. – И исчез. Чтобы через пару минут буквально заорать по внутренней связи. – Все в рубку. Гиперон найден!

Когда космонавты столпились в рубке, на боковой панели сидела маленькая копия Роденовского «Мыслителя», одетая в форму пилота ОСР.

– Господа, найденный гиперон, подходящий для перемещения куда-то, находится где-то около нашего «Наутилуса». Будем рисковать зондом или поищем ещё?

– Для перемещения... куда-то?

– Хочу заметить, что ни Ройская, ни Возвышенский да-

же не представляли себе, что мы попадём в место подобное этому. Естественно, «распутыватель» точно задаёт координаты только в известной человечеству части Вселенной. – Читая Мухаммеду лекцию, Юрий успел просмотреть выданную «распутывателем» информацию, и даже что-то сообразить. По крайней мере, к концу фразы он выглядел куда более довольным, чем в её начале. – Друзья, я нас поздравляю: проблема поиска объектов для квантового перехода решена. Нужный квант находится в самом Наутилусе, но я не вижу необходимости рисковать зондом. Думаю, подобное повторится и с другими вещами с нашего корабля.

– Юрочка, вы гений! Что выкинем первым? – Окрылённая Людмила закрутила головой, разыскивая самую крупную и бесполезную вещь в рубке.

– Не там ищите. – Костя скривился, словно у него разом заныли все зубы, но продолжил. – Идите в музыкальную комнату и тащите на палубу все инструменты оттуда. Наденьте скафандры и ждите – я сообщу, как открою люк. Как зонд займёт место – по моей команде начнёте по одному инструменту выбрасывать.

– Не. Давайте что-то другое поищем? Инструменты, это как-то... – Мухаммед не нашёл нужного слова, но за него договорила Люда.

– Варварски. Что, на корабле ни одного менее полезного предмета? Да хоть те же стулья из кухонного отсека! Мухаммед, пойдёте, поищем внимательно. Не верю, что совсем

ничего нет.

Людочка и Мухаммед покинули рубку, по дороге обсуждая, где стоит искать какие-то совсем бесполезные вещи, а Юрий немного постоял, раздумывая, стоит ли начинать крайне щекотливый и неприятный разговор.

– Костик, ты отчаялся.

Прозрачная командирская фигурка сначала закрутила головой, затем, почти сразу, уныло кивнула.

– Я могу лишь сочувствовать тебе. Никто не предполагал, что что-то подобное может произойти, никто не разработал мер противодействия или хотя бы психологической поддержки. Но ты же понимаешь, что от твоего психического состояния зависят наши жизни? – Это было очень рискованно. Если бы Юрий ошибся в оценке характера полковника Усикова, то вполне мог бы оказаться на корабле, управляемом сумасшедшим практически всесильным существом, прямо в этот момент. Но других вариантов Власов так и не смог придумать.

– Каким образом? А, хотя, не отвечай. Понимаю. – Прозрачный Костя махнул рукой и внезапно растворился, оставив недоумевающего Юрия в одиночестве.

Власов постоял немного, надеясь, что командир вернётся. Затем пошёл искать Людочку и Муху. Он как раз вспомнил, что в кухонном отсеке было несколько замечательных пластиковых контейнеров, уже выполнивших своё основное предназначение.

Одетые в скафандры, земляне стояли на палубе в окружении весьма странного набора вещей: два огромных пластиковых контейнера из-под пищевых продуктов, три складных стула из кухонного отсека и жидкостный аккумулятор нового типа, который так и не удалось протестировать ещё в поясе астероидов. Пустышки, зуда и этак, как ехидно хмыкнула Люда. «Наутилус» уже занял положенное место в корабельных боксах, оставалось только дожидаться команды Константина.

– «Распутыватель включён». Открываю люк.

– С чего начнём? С пластика? – Мухаммед кровожадно оглядел их скромный скарб.

Дождавшись подтверждающих кивков напарников, он подтащил контейнер к люку и, едва огромная металлическая пластина отъехала на достаточное расстояние, запустил контейнер как можно дальше от корабля.

– Пусто. Давайте следующий.

Юрий подтащил второй контейнер поближе, и вместе с Мухой раскачал его, отправляя как можно дальше от корабля.

– Ребята, вы похожи на земных хулиганов, которые считают, что мусор не так заметен, если его выбросить подальше в траву. – Людочка звонко рассмеялась случайной ассоциации.

– Нет, Юрий Валерьевич, она ещё и дразнится!

Шуточная перепалка могла бы продлиться ещё долго, ес-

ли бы её не прервала включившая корабельная связь.

– Квант найден. В рубку, быстрее.

Поднявшись, они обнаружили нервно расхаживающего по экрану командира.

– Я запрограммировал включение «динамки» и скачок через пять минут. Отключите меня. Включите после того, как переместимся

Юрий кивнул, и сразу же отключил интерфейс искусственного помощника, не дожидаясь, пока остальные космонавты вслух зададутся вопросом, зачем выключать Костю.

Когда речь идёт о возвращении домой – а созвездие Стрельца, куда надеялись вернуться космонавты, казалось очень домашним и уютным по сравнению с этим странным пространством – время словно замирает. Вот и сейчас людям казалось, будто цифры обратного отсчёта на главном экране изменяются издевательски медленно, в несколько раз медленнее, чем должны бы.

Минута... тридцать секунд... они ждали, замерев. Юрию даже показалось, будто никто из них не дышит, опасаясь лишним движением помешать работе прибора.

Наконец, «распутыватель» подал сигнал о включении магнитного поля и последующем совершении квантового перехода.

И ничего не произошло.

Не веря ни одному своему ощущению, космонавты кинулись к «распутывателю», склонились над его экраном, и

практически синхронно разочарованно выдохнули: в описании неудачной попытки фигурировали те же ошибки, которые когда-то тормозили Арину Ройскую. Мощности созданного магнитного поля попросту не хватило, чтобы пробить барьер, о котором земляне теперь знали чуть больше, чем что он существует. Но недостаточно много, чтобы сделать из этого какие-то практические выводы.

– Бедная «Дружба». – Муха изо всех сил старался, чтобы стало заметно всего лишь разочарование, но не вышло – отчаяние всё равно вырвалось, заставило его до боли сжать руку в кулак.

– Бедные мы. – Людочка, не стесняясь, шмыгнула носом.

– Включите командира и даже не смейте отчаиваться. Я думать.

Подмигнув напарникам, Юрий размашистым шагом вылетел из рубки. Он не обманывал Муху и Люду напускной бодростью – смутная и расплывчатая идея у него действительно была. Идея эта частично основывалась на том, что невеликая плотность «протонов» совершенно не изменилась за те дни, которые «Вестник» провёл в это странном пространстве. Частично – на том, что сила, теоритически придающая пространству форму, хотя бы частично должна была быть связана с электромагнитной. А значит, и проявлять себя должна примерно также.

Не желая снова расстраивать напарников ложными надеждами, он провёл в собственной каюте несколько часов. И

только убедившись, что более стройной и логичной его теория всё равно не станет, отправился искать Люду и Муху.

Для обсуждения собрались в чудом избежавшей разорения музыкальной комнате – непроглядная чернота за пределами «Вестника» нервировала каждого из космонавтов. А необходимость круглосуточного присутствия пилота в отсеке управления пропала в тот момент, когда Костя занял место искусственного помощника.

– Излагайте. – Про проекции Константина было сложно сказать, удалось ли ему найти ту точку равновесия, которая удержала бы в пределах человеческой нормы разум, помещённый в абсолютно нечеловеческие условия.

– Нам нужно изменить курс. Для начала попробуем строго перпендикулярный тому, которым мы идём сейчас. Если я прав, то в какой-то момент плотность частиц начнёт существенно увеличиваться или уменьшаться. Нам нужна точка, в которой частиц не будет вовсе или будет ничтожно мало. Там напряжённость создающего барьер поля будет наименьшей.

– Думаешь, мы находимся внутри огромного магнита? – Задумавшись, Людмила впервые за несколько дней обратилась к Власову на «ты».

– Или же поля располагаются таким образом, что создают пространство, повторяющее структуру и свойства магнита...

Углубившись в спор, они не заметили, как растаяла проекция Кости и как Муха покинул музыкальную комнату.

Не сговариваясь, пилоты оказались в рубке. Впрочем, когда до неё добрался Мухаммед, прозрачный командир уже ждал его на боковом экране.

– Направо или налево?

– А разницы? – Мухаммед тяжело опустился в кресло второго пилота.

– Тогда направо. Во славу земного фольклора. – Костя шевельнул рукой, и корабль принялся плавно разворачиваться.

– Зачем рукой шевелишь? Аэлита так не делала.

Вопрос застал Костю врасплох – до того момента он даже не подозревал, что, управляя кораблём, делает те же жесты, которые используются в нейроимпульсной панели управления.

– По привычке. Вроде как я всё ещё человек.

– А кто ты ещё? Человек и есть. Понятно, что Юрий Валерьевич – мозг, но всё знать не может, и вытащить тебя не в состоянии. Вернёмся домой – там ребята разберутся, как тебя обратно в тело припаять. – Муха нахмурился, соображая что-то, затем просиял. – Костик, а ты в курсе, что ты рецепт бессмертия изобрёл?

Не рассматривавший проблему с такого ракурса, Константин сперва даже не понял, о чём речь.

– Я? Изобрёл рецепт бессмертия?

– Ну да. Понятно, что когда ты молодой и здоровый, хочется жить в своём теле. А всяким тяжёлым инвалидам и ста-

рикам, им киборгом нормально будет. Всё лучше, чем разваливаться по кусочкам. Я бы точно не отказался.

Наконец вся практическая польза случившегося дошла и до Кости.

– А ведь ты прав, Муха. Может, конечно, оказаться, что обязательно нужен переход через барьер. Но ведь, если мы вернёмся, если Власов прав, то и это будет отработано.

– Ты веди на всякий случай что-то типа дневников. Типа «захотел пожрать, приготовил себе пару электронов в ароматном соусе».

Пилоты громко расхохотались. Они уже практически продолжили составление возможного дневника Кости, но в рубку вошли Людмила и Юрий, в чьём присутствии это было никак невозможно.

То, что с направлением Костя всё-таки ошибся, выяснилось только через три дня. Когда Юрий, мелком осмотрев очередной отчёт о плотности материи и её взаимодействии с кораблём, задумчиво сказал:

– А ведь через много-много лет вокруг нас могла бы получиться звезда. Жаль только, что мы бы этого уже не увидели.

– Протонов же слишком мало. Вы сами говорили.

Костя, после недавнего разговора с Мухаммедом практически пришедший в себя, беззвучно хрюкнул в прозрачную руку. Муха, впервые осмелившийся возразить Юрию, выглядел так, словно сам не очень понимал, как осмелился что-

то сказать.

– Было мало, теперь достаточно. Понятно, что я в принципе прав, и нам нужно двигаться в противоположном направлении, но это уже частности. Только вообразите себе, парни: вокруг нас сейчас вращаются миллиарды частиц. Если бы они умели думать, в их маленькой Вселенной мы были бы неосмыслимо большим источником тепла и движения, намного более сакральным, чем Солнце для наших далёких предков. Некоторые привели в движение мы непосредственно, некоторые – получили импульс от тех, первых. Некоторые из них движутся по траекториям, схожим с планетными, некоторые – по более прихотливым и сложным орбитам. Возможно даже, там уже родились нейтроны и – совсем маловероятно, конечно, – ядра дейтерия и гелия. Думали ли вы когда-нибудь, что станете той силой, которая, пусть даже только в теории, сможет запустить вселенский маятник творения?

Чтобы найти точку, в которой плотность вещества равна нулю, «Вестнику» понадобилось восемь земных дней. За это время Юрий Валерьевич и Людмила успели несколько раз разругаться в пух и прах, строя предположения, куда корабль выкинет на сей раз; Муха под руководством Кости принялся изучать азы игры на гитаре, ну а сам Костя почти привык воспринимать своё состояние, как некий невероятно важный эксперимент по достижению человечеством бессмертия. Ему всё ещё было безумно тяжело и страшно

чувствовать себя неким вездесущим и бесформенным существом, но наличие какой-то, пусть даже призрачной, цели, ощутимо облегчало бремя подобного бытия.

А в медкапсуле появился журнал наблюдений, в котором Люда тайком фиксировала изменения жизненных показателей Костиного организма, отдельно отмечая всевозможные колебания, которые могли бы быть связаны с действиями самого Кости. Ибо понять, насколько сильно состояние личности командира связано с состоянием его тела, можно было или так, или затребовав у капсулы нужный отчёт. С отчётом, конечно, было бы проще. Но и Юрий и Люда очень надеялись, что сам Константин ещё не сообразил, насколько хрупка его жизнь на самом деле, и сообщать ему об этом, запрашивая отчёт, совершенно не собирались.

– Пустота. Что будем выкидывать на сей раз? – Власов, последние несколько часов не спускавший глаз с экранов, успел сделать правильный вывод на несколько мгновений раньше, чем даже Костя.

– Контейнеров же больше нет? Можно было бы пожертвовать парочкой яблок, символизма ради. – Людмила мечтательно улыбнулась.

– Еду не трогаем. Мы не знаем, куда нас вышвырнет отсюда. – Бесплотный голос в динамиках почему-то замолчал. Потом продолжил, причём все космонавты отчётливо услышали смущение в интонациях командира. – У нас есть несколько небольших зондов – килограммов по семьсот каж-

дый. Думаю, одни из них можно было бы использовать следующим образом: найти нужный гиперон на чём-нибудь совсем мелком и бесполезном вроде листа бумаги, запрограммировать зонд доставить бумагу на нужное расстояние от корабля, а затем отправиться в точку с максимальной плотностью вещества – нам она известна. И вращаться там, пока энергии хватит.

Космонавтам понадобилось несколько секунд на то, чтобы осмыслить предложение командира, затем Людочка захлопала в ладоши, а Мухаммед рассмеялся. Перспектива продолжить творение отдельно взятой Вселенной выглядела очень заманчиво.

– Командир, я против. Мы точно не знаем, как именно наличие тут серьёзного и очень долгого источника энергии скажется на свойствах здешнего пространства. Рисковать уничтожением или искажением собственной Вселенной ради создания новой я бы не стал. В конце концов, мы просто не доживём до того чудного момента, когда тут появится кто-нибудь, способный возносить нам хвалу и петь «Осанна».

– Вы правы. Тогда начинайте выкидывать стулья.

Нужный квант обнаружился уже в третьем стуле, так что теперь количество мебели в кухонном отсеке в точности соответствовало количеству космонавтов, способных на ней сидеть.

Они снова собрались в рубке, отключили Константина и долго-долго ждали, пока закончатся пять минут отложенного

старта.

И на этот раз гиперонный переход сработал как надо.

Безымянная

– Надо вас как-то назвать. Может быть, ничтожествами?

Роланд, который уже три часа дежурил перед экраном, транслирующим происходящее в загончике, принялся разговаривать со своими «подопечными» исключительно от скуки. Аборигены далёкой и неизвестной планеты, живущей по каким-то собственным вариациям фундаментальных законов мироздания, представлялись ему ну совершенно не такими. Где, спрашивается, обилие плоти, когтей и зубов? Где чудовищные традиции и обычаи, от которых надо срочно отучить не осознающих собственной жестокости созданий? Где хотя бы мудрые и высокодуховные создания, шагнувшие так далеко по пути собственного развития, что больше не нуждаются в физических телах? Нет их. Только два прозрачных «платочка», жадно бросившиеся на первую порцию кофейной гущи, помедленнее – на вторую, и презрительно проигнорировавшие третью. Не инопланетяне, а оскорбление какое-то.

– Что значит имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови её, хоть нет. – Кристина плюхнулась на пол рядом с Роландом. – Короче, Шекспир бы с тобой не согласился. Достали?

– Сил моих нет. Серёга бы хоть разрешил чем-нибудь новым в них кинуть, всё веселее было бы.

– Судя по радостным крикам, которые я слышала, про-

ходя мимо технического отсека, они с Землёй наконец-таки придумали, как сделать подходящий для них контейнер внутри корабля. Скоро ловить пойдём.

– Да что их там ловить? Кинул чем-нибудь сложносоставным – подлетели. Они же даже своих вытащить не пытаются!

– Как говорит Сергей: «На таких уровнях организации материи об осознанной взаимопомощи речь не идёт».

– Глаза б мои этот уровень не видели. Где хотя бы Змеи?

– Быть может, там же, где сейчас «Вестник». – Кристина прикрыла глаза. – Надеюсь, с ребятами всё хорошо, где бы они сейчас не были.

– В общем, ты как хочешь, а я иду к Сергею и связываться с Землёй, если понадобится! «Вестник» пропал неизвестно где, у нас еды не больше, чем на несколько месяцев, а мы тут прохлаждаемся, ждём, пока станет понятно, как функционируют чудики, которых мы тут нашли! Непростительная трата времени!

– Иди, я покараулю. Если отпустят – я с тобой.

Долго спорить не понадобилось. Выслушав все аргументы Роланда, Сергей кивнул, предложил попробовать использовать для передвижения компактный батискаф, и попросил быть осторожнее.

Первым делом Роланд полчаса покружил на батискафе над «Дружбой» – он был совершенно не уверен в том, что неведомая приземляющая установка не отреагирует на объ-

ект, движущийся в пяти километрах над «землёй». И в том, как машина, предназначенная для подводных исследований, будет вести себя в странных условиях Безымянной. К счастью батискаф не пришлось даже перенастраивать – он легко плыл сквозь такую же густую углекислотную туманную «жидкость», как и та, что окружала корабль, и давал вполне приличные тридцать километров в час. Роланд даже ухитрился частично решить проблему видимости, прикрутив к передней части батискафа три мощных прожектора. Теперь с пяти километров вполне можно было разглядеть очертания человеческой фигуры.

Так что земляне отправлялись исследовать Безымянную в самом приподнятом расположении духа, всерьёз надеясь разгадать хотя бы одну из загадок планеты. И даже лёгкое чувство голода, ставшее уже почти привычным за последние несколько дней, не сильно омрачало их настроение.

И снова Сергей, преувеличенно прямой и почти не отнимающий руку от переносицы, стоял перед одетыми в скафандры спутниками, отправляя их исследовать чуждую и опасную планету.

– Попробуйте найти новые скопления аборигенов. Если получится – понаблюдайте за ними, обязательно зафиксируйте. И попробуйте всё-таки понять, что находится под слоем углекислоты. Я думаю, можно будет попытаться вертикально зависнуть в километре от неё и включить все прожекторы. И пробы, попробуйте взять пробы. – Сергей нако-

нец-таки сдёрнул с носа многострадальные очки, покрутил их и надел обратно. – Ах, да. Я прошу вас, помните о парейдолии. Когда мозг достаточно устанет от одинакового окружения, он начнёт генерировать из окружающего пространства монстров, деревья, людей – на что у вас фантазии хватит. Не забывайте об этом, и обязательно проверяйте то, что вы видите.

Роланд и Кристина устроились в батискафе, помахали затянутыми в перчатки руками уже почти покинувшему ангар временному командиру, и батискаф выскользнул наружу, в белёсый туман Безымянной.

– С чего начнём? – Рыцарь ограничил скорость пятнадцатью километрами в час, высоту – двумя километрами, и, прежде чем задать курс, обернулся к напарнице.

– Прямо. Или направо.... – Кристина нахмурилась. – Лезет какая-то мысль в голову, а какая – не понятно. Я подумаю пока что, решай сам.

Роланд покладисто кивнул и, хорошенько поразмыслив, направил батискаф в сторону, прямо противоположную той, в которой они с Кристиной тестировали земное оружие. Потому как вдруг у местных всё-таки есть какие-никакие мозги, и они предупредили своих об открытой на них охоте?

– Рыцарь, а Рыцарь, а по какому принципу местные выбирают, что они будут кусать, а что – нет?

Роланд, загипнотизированный неизменными клубами подсвеченного тумана за бортом батискафа, дёрнулся, вы-

рванный вопросом Кристины из полумедитативного состояния.

– Ты о чём?

– Они накинулись на «Дружбу», но не трогают батискаф. Проигнорировали наш с тобой выход за пределы челнока, но кинулись на пулю и токсин из неё. И на куриные кости, и на кофе. И на мои волосы. – Кристина медленно провела пальцем по стеклу иллюминатора. – Можно было бы предположить, что их интересует только органика, но «Дружба» же не покрыта ничем органическим? Или я ошибаюсь?

– Не знаю. – С минуту Роланд честно пытался вспомнить, затем покачал головой. И щёлкнул пальцем корпус «мыши». – Серёга, ты можешь точно выяснить вещественный состав внешней оболочки «Дружбы»? Тут у Кристины возникла идея, что чудики жрут только органику. Ибо им не интересны скафандры и батискаф, но интересны «Дружба», пуля и яд из неё, мусор из фильтра и Крискины волосы.

– Хорошая идея, я попробую побыстрее уточнить составы.

Мышь пискнула, прерывая связь, а Кристина внезапно схватила руль батискафа и выкрутила его вправо:

– Поворачиваем! Там лес!

– Какой ещё лес?! – Рыцарь, как человек менее склонный к неумной игре воображения, удержался в ясном сознании дольше Кристины.

– Откуда ж я знаю, какой?! Подлетим поближе – узнаем.

Роланд внимательнее посмотрел в иллюминатор, затем, на

всякий случай, проверил данные сканеров. Никакого объекта, отличающегося от облаков углекислоты, в пределах ближайших десяти километров не было.

– Кристи, ты где его видишь? Сканеры показывают, что в той стороне километров десять точно ничего нет.

– Вот чёрт. – Кристина несколько раз моргнула, затем покачала головой. – Всё равно такое ощущение, что его вижу. И не вижу. Я была лучшего мнения о своём сознании.

Дальше летели веселее: через произвольные промежутки времени то Кристина, то Рыцарь видели нечто, совершенно точно не имеющее ни морального права, ни физической возможности появиться на Безымянной. Фигуры были разными: от огромных цветов и растений и невиданных животных у Кристины, до величественных пиков Тибета, японских пагод и гигантских боевых роботов у Роланда.

Довольно скоро исследователи привыкли к сменяющим друг друга картинам и даже с известным юмором обменивались пришедшими в голову образами.

– А я очертания Змея вижу. Воон там. – Кристина ткнула пальцем в сторону, которую они по аналогии с Землёй договорились именовать «северо-востоком».

– Прикольно. Я тоже.

Им понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, что это означает. И то, наученные горьким опытом, исследователи сначала затребовали максимально подробные данные со сканеров. И только удостоверившись в том, что в той точке

действительно есть что-то, принципиально отличающееся от осточертевшей углекислоты, позволили себе обрадоваться.

Змей стоял в клубах тумана, не шевелясь, не подавая никаких иных признаков жизни. Никакого теплового излучения вокруг него не было; электрических сигналов, подобных работающему человеческому мозгу, он тоже не распространял.

– Подождём. – Роланд остановил батискаф в полукилометре над Змеем, включил маскировочную программу, окрашивающую обшивку батискафа в цвет окружающей среды, и обе головные камеры. Затем приник к иллюминатору, пытаясь рассмотреть Змея своими глазами.

– Чего? – Кристина скептически хмыкнула, но тоже прижалась лбом к иллюминатору. – Пока он куда-нибудь уйдёт?

Но Змей никуда не ушёл. Более того – даже через час, когда людям уже казалось, что их лбы постепенно прирастают к прохладному стеклу иллюминатора, Змей не переменял позы и даже, кажется, ни разу не пошевелился.

– Мы не можем висеть тут вечно. Надо или лететь дальше, или спускаться и знакомиться. – Кристина откинула голову на кресло, помассировала напряжённые мышцы. – Говорю сразу: я – за знакомство.

Роланд ничего не сказал, но, отметив на карте положение Змея, отвёл батискаф почти на километр, и только там приземлил его. Падать с неба на голову поглощённому чем-то существу он счёл не подходящим началом знакомства.

– Будем запрашивать у Сергея разрешение на контакт? – Кристина была почти уверена в том, что ответит ей измученный «платочками» напарник. И Рыцарь её не разочаровал.

– Думаю, не обязательно. В конце концов, основная наша задача так и звучит: вступить в контакт с аборигенами Безымянной. Нас двоих, думаю, достаточно для контакта.

Кристина кивнула, целиком и полностью соглашаясь с Рыцарем. Кто его знает, что Сергей скажет на счёт контакта. А следить за ничем не делающими «платочками» так скучно, так отлично от того, чего они оба ждали от полёта.

Следуя протоколам возможного контакта, они взяли с собой «хитреца», запрограммированного на воспроизведение двух проекций: компьютерной модели катастрофы, произошедшей с «Объектом 1»; и венерианской инопланетной базы с лежащим у кораблей Змеем. Не забыли и небольшую коробочку, наполненную значимыми для Земли и её истории артефактами.

Выйдя наружу, Роланд деловито прошёлся вокруг батискафа. Затем легко вбежал внутрь, включил все прожекторы и вернулся к Кристине, оставив открытым люк.

– Мало ли, с навигаторами скафандров что-то случится. Так хоть мимо не пробежим.

Кристина кивнула, буквально впихнула Роланду в руки коробочку с «бусами» и, подпрыгивая, двинулась в направлении Змея. Рыцарь, чуть более сдержанный в своей радости, широко зашагал за напарницей.

Впрочем, довольно быстро они, вспомнив о здравом смысле и требованиях безопасности, сильно замедлили шаг. Теперь два неясных силуэта: тонкий и высокий Кристины и атлетически сложенный Роланда практически крались по Безымянной. У каждого из них на стекле шлема светилась стрелка – так навигационная система скафандров указывала направление, в котором следовало двигаться: нелишняя предосторожность в условиях практически нулевой видимости.

И чем ближе они подходили к Змею, тем страшнее становилось обоим. Стихли разговоры, улеглись мысли. А свободные руки нашли друг друга. Не потому, что напарники внезапно захотели стать друг для друга чем-то большим. Нет. Всего лишь естественное желание чувствовать поддержку собрата перед лицом чего-то неведомого, и потому страшно-го и грандиозного одновременно.

Земляне вышли к нему со спины, неожиданно увидев «Инопланетянина» в клубах тумана. Змей был почти таким, как на слайдах с Венеры: невысоким, покрытым длинными щупальцеобразными отростками, похожим на очень большую земную змею. Почему-то он стоял на хвосте, запрокинув к дальним и практически невидимым небесам четырёхглазую голову и все шесть основных щупалец.

К сожалению, Лазарева так и не смогла обнаружить в теле Змея ничего, что можно было бы уверенно счесть органами слуха или голосовым аппаратом. Ничего, кроме чувстви-

тельной боковой линии. И её последователи логично предположили, что коммуникация в среде Змеев осуществляется с помощью именно этого органа.

Серьёзных оппонентов у них не нашлось, так что в «контактного хитреца» была ещё и встроена запись с колебаниями, которые, по мнению «змеевистов», должны были как минимум привлечь внимание существа.

Роланд и Кристина переглянулись.

Кивнули друг другу.

И Кристина включила ту самую запись.

Едва первые колебания вырвались из «хитреца», как Змей ожил. Изогнувшись всем телом, он закружился вокруг своей оси в поисках источника сигнала. А, найдя его, принял горизонтальное положение и заскользил к незванным гостям.

Видя, что Змей с огромной скоростью приближается к ним и совершенно не собирается останавливаться, Кристина с ужасом вцепилась в руку Роланда. И выронила «хитреца», с нехорошим звуком ушедшего куда-то вглубь, за неизвестную пружинящую поверхность.

И тут же Змей остановился и снова принял вертикальное положение головой вверх.

– Очень интересно. – Роланд, пересиливая естественное отвращение к существу, настолько похожему на древнего врага небольших саванных обезьян, подошёл поближе к Змею. – Кристи, ты знаешь, я начинаю очень сильно сомневаться, что он хоть сколько-нибудь живой. То, что мы виде-

ли, было очень похоже на автозапуск.

– Ага. И что с того? «Хитрец»-то булькает где-то в неизвестных глубинах.

– Возьмём его с собой. Теперь Сергей точно не станет возмущаться, что мы рискуем навлечь на себя гнев его сородичей.

С первых же минут стало ясно, что задача «пронести Змея километр» решается совсем не так просто, как казалось. Роланд и Кристина, одетые в скафандры, компенсирующие колебания планетарного притяжения, успешно забыли о том, что находятся на планете звёздной массы. Здесь небольшое тело Змея, весящее на первый взгляд не больше двадцати килограммов, оказалось практически неподъёмным. Даже для двух молодых людей, физически прекрасно развитых. Даже с учётом того, что экзоскелетные элементы скафандров компенсировали до восьмидесяти процентов переносимого веса.

Так что возвращение от Змея к батискафу оказалось в несколько раз более долгим и намного более запоминающимся, чем дорога от батискафа к Змею. И, едва увидев вдалеке знакомые обтекаемые борта, почему-то одновременно напоминающие и акулу, и камбалу, космонавты с трудом удержались от радостных криков. И то – удержались только потому, что сил кричать уже и не было.

– И как мы этого в батискаф поднимем? И куда положим? – Кристина ткнула «хвост» Змея синим, плотно облегающим ногу, сапогом.

– Никак. Прикрепим ко дну, там есть, – Роланд наставительно поднял палец вверх и очень серьёзно проговорил, явно цитируя кого-то из конструкторов, – «крепления для особо крупных или биологически нестандартных грузов». Ему подойдут.

Наконец Змей оказался спелёнат широкими полимерными стропами и надёжно прикручен к шести квадратным скобам, одновременно служившими и опорами для батискафа и креплениями для нестандартных грузов.

Космонавты, вусмерть уставшие, но счастливые и гордые собой, поднялись в батискаф. Роланд, не снимая скафандра, кинулся к панели управления аппаратом, Кристина же принялась закрывать люк. И с гневным воплем отдёрула руку, на которую моментально намотался «платок», облюбовавший кнопку закрытия люка.

– Кристи, осторожно, они повсюду!

Роланд, сориентировавшийся намного быстрее, освободил из крепления более длинную трубку ВБЭИМ, подцепил ей «платок», прицепившийся к руке напарницы, и одним лёгким движением выкинул его прочь из батискафа.

Теперь космонавты по-новому взглянули на содержимое батискафа. Все – абсолютно все! – поверхности были заняты «платочками» самых разных форм и размеров. И добровольно освобождать аппарат от своего присутствия они совершенно не собирались.

– Может, захватим парочку? Там был маленький бак с азо-

том, как раз поместятся. Ты извини, но теперь я отказываюсь считать их сколько-нибудь заслуживающими сочувствия. – Кристина, уже предвкушавшая отдых и триумфальное возвращение на «Дружбу» со Змеем, тяжело вздохнула. Вместо отдыха теперь придётся выкидывать из батискафа захватчиков. А уж представлять, что Сергей и Земля скажут, узнав, как и почему «платочки» оказались внутри, – а в том, что они его узнают, Кристина не сомневалась, – было попросту страшно.

– Давай сначала выкинем их отсюда. – Даже за стеклом шлема Роланд выглядел крайне обеспокоенным.

Всего в батискафе оказалось больше пятидесяти «платочков». И их выдворение было поистине титаническим трудом, несмотря на автоматику скафандров, своевременно вводящую космонавтам коктейли из АТФ, кислорода и специального белка, связывающего и выводящего токсичные для клеток продукты обмена веществ.

Закончив, они без сил повалились на пол, мечтая только об одном – снять скафандры, поесть нормальной еды и заснуть.

– Рыцарь, как ты думаешь, они наш трофей не сожрут?

– Да даже если сожрут...

Не закончив фразу, Роланд буквально взвился с пола и кинулся к приборной панели.

Спустя пару секунд подскочила и Кристина.

«Платочки» провели в батискафе не менее полутора ча-

сов. Что из сложной аппаратуры они успели безвозвратно повредить, а что – просто немного «покусали»?

Связавшись с Сергеем, исследователи сообщили, что батискаф был ощутимо изувечен местными, выслушали всё, что временный глава группы счёл нужным им сообщить, и принялись ждать появления «Дружбы».

Просто так ждать было совестно – оба в полной мере осознали собственную вину в случившемся. Надеясь задобрить разозлённого товарища, Кристина и Роланд раскидали перед батискафом несколько листов бумаги – всё, что нашлось бесполезного на борту. Впрочем, «платочкам» хватило и этого. Космонавтам даже удалось заснять нечто вроде драки трёх самых агрессивных над испачканной карандашом частью листа.

Первый абориген, заметивший место, с выведенной летящим почерком Сергея формулой ментола, распластался над карандашными следами, заняв собой треть обычного листа писчей бумаги. И первые несколько минут его счастье было полным – никто из собратьев не претендовала на его открытие. Потом сразу два стремительно поднырнули под раскинутые «бока», видимо, желая тоже приобщиться к структурной формуле одного из любимейших веществ землян. Первый «платочек» такой наглости не оценил, и бешено заврашался, видимо, расталкивая захватчиков. Захватчики же, почему-то, невзирая на естественное отталкивание между их

наэлектризованными телами, пытались зайти сверху и снизу и прижаться к врагу.

Увы, досмотреть поединок Роланд и Кристина не успели – «Дружба» плавно опустилась поблизости, и «платочки» исчезли за взметнувшимися облаками углекислоты. Когда мир вернулся к прежнему состоянию, ни «платочков», ни бумаги уже не было.

– Тебе не кажется, что они уходят под землю? – Адекватных описаний для того слоя, на котором останавливались корабли и благодаря которому вообще можно было ходить, так и не придумалось. Потому Кристина по привычке называла его землёй.

– Возможно. Мы всё равно так и не поняли, почему они вообще существуют и что собой представляют.

Сидя в батискафе, они с опаской наблюдали за прибытием челнока. Вот «Дружба» выключила все двигатели, открылся люк и из него вылез Сергей. Увы, скафандры скрадывали многие индивидуальные движения космонавтов, так что догадаться, насколько сильно зол временный глава экспедиции, пока что не получалось.

– Если сразу пойдёт к Змею, значит, остыл.

– Хотелось бы верить. – Кристина по-детски скрестила пальцы и подпрыгнула от радости, когда Сергей, не сбавляя скорости, прошёл мимо люка батискафа и склонился над Змеем.

Починка батискафа заняла практически два земных дня. Можно было бы справиться и быстрее, но так уж вышло, что в основном починкой занимался Роланд, в самых сложных вопросах консультируемый специалистами с Земли. Ни Сергей, ни Кристина не обладали достаточной компетентностью, чтобы выполнять задачи сложнее, чем «подай, принеси, закрути». К тому же, Сергей решительно запретил Рыцарю, довольствующемуся половиной дневного рациона, излишне напрягаться. Единственным плюсом сложившейся ситуации было то, что Сергей не стал устраивать «разбор полётов», решив, что оба провинившихся уже наказаны достаточно.

– Всё время на Безымянной мы занимаемся тем, что, выхватывая наугад кусочки мозаики, пытаемся собрать цельную картинку. – Просмотрев видео с «дерущимися платочками», Сергей сначала впал в глубокую задумчивость, затем сказал, что план исследований необходимо обсудить заново и основательно. – У нас есть все данные о массе и строении планеты, но мы так и не понимаем даже, по чему мы ходим. У нас есть местные водородные образования, но мы так и не понимаем, как и почему они существуют, и откуда берутся. Наконец, у нас есть Змей, но о нём мы пока что не знаем вообще ничего. Предлагаю следующий вариант: вы снова отправляетесь исследовать планету на батискафе, отдельно обращая внимание на характеристики «поверхности». Если находите ещё одного Змея – просто фиксируете его место-

положение, с собой не тащите, для исследований хватит и этого. Времени на исследования вам четыре дня. В идеале у вас должна получиться карта Северного полушария Безымянной и хороший массив данных о строении «поверхности». Я останусь здесь: препарирую Змея и наблюдаю за «платочками». Надеюсь, когда мы сведём воедино все имеющиеся у нас данные, хоть что-то прояснится.

Роланд и Кристина ждали, что Сергей добавит что-то на счёт рискованных исследований и феерического головотяпства, но он промолчал. И ничьё доверие ни тот, ни другая не хотели оправдать столь отчаянно.

«Вестник»

Тоска по Солнцу известна каждому космонавту, хоть раз побывавшему дальше Марса. Конечно, Солнце видно и с Юпитера, и с Сатурна, но там оно уже слишком мало и совершенно не похоже на тот источник света и жизни, которым его привыкли видеть земляне.

Экипаж «Вестника» теперь точно знал, что тосковать можно не только по Солнцу, но и по звёздам в принципе. Потому, что для маленьких саванных обезьян, от которых люди ушли не столь далеко, как хотелось бы, вечное отсутствие света – худший кошмар из возможных, кошмар, прочно отложившийся в памяти миллионов поколений. И потому что, если звёзды есть, значит, ты находишься в понятном пространстве, многие законы которого тебе уже знакомы. И нет нужды каждую минуту преодолевать ещё и ужас перед неизвестностью.

«Вестник» выкинуло в центр какой-то планетной системы: сначала в иллюминаторе возник огромный бело-голубой шар, затем – когда Костя впервые за много дней сделал полупрозрачной всю переднюю часть корабля – ещё две планеты, движущиеся на приличном расстоянии от своей звезды. Обрадованные, даже счастливые, космонавты не удержались от радостных криков и аплодисментов. Это не было ни созвездием Стрельца, ни Солнечной системой, но в воображении

уоставших людей было к ним очень-очень близко.

– Господа, мы снова находимся в нормальной Вселенной. – Константин материализовался на экране, чуть более озабоченный, чем следовало бы. – Но это, скорее всего, не наша Вселенная. Температура реликтового излучения на три десятых ниже, чем должна быть. И связаться с Землёй по-прежнему невозможно.

– Какая прелесть. – С лица Людмилы моментально схлынули всякие краски. – Костя, пожалуйста, скажите, что у нас где-то есть бесконечный запас пищи, который даст нам достаточно времени, чтобы найти возможность вернуться домой!

– Не бесконечный, но на пару лет хватит. Надеюсь, успеем. Поиск метана на всех доступных планетах я уже запустил, программы по поиску органики тоже. Пока что предлагаю попытаться собрать как можно больше информации о возможном будущем.

Космонавты толком не успели приняться за работу, когда спектрограф коротко звякнул, оповещая об обнаружении планеты с неестественно высоким уровнем метана. Следом за ним заговорили и остальные приборы, рисуя портрет цивилизации, в полной мере освоившей практически все виды волн.

Ибо не существовало никаких других адекватных объяснений тому, что на одной и той же планете регистрируется наличие климата, допускающего существование орга-

нической жизни, высокий уровень метана, и акустические, гравитационные и электромагнитные волны, исходящие из нескольких источников.

– Друзья, а мы везучие: нас выкинуло практически к планете, на которой есть органика и какая-то крайне развитая цивилизация.

Костя создал проекцию системы, снабжённую краткими пояснениями. Теперь в центре рубки висит бело-голубой карлик, окружённый пятью планетами. Одну из них, самую дальнюю от здешнего Солнца, приборы сочли гелиевой – остатками белого карлика, давно потерявшего почти всю свою массу; ещё двоих обитательниц дальних орбит – стандартными холодными юпитерами. В одной астрономической единице от звезды обнаружилась так называемая рыхлая планета, больше похожая на газопылевое облако, каким-то гравитационным чудом до сих пор имеющее форму планеты. И пятая, планета-океан, ожидаемо вращающаяся в центре зоны обитаемости, – источник волн, метана и, судя по всему, множества искусственных аппаратов, роящихся вокруг остальных четырёх планет.

– Итак, ваши предложения: летим сразу к главной планете или изучаем остальные? На одном из юпитеров есть что-то вроде орбитального лифта к околопланетной станции, думаю, там что-то добывают. Лететь нам что туда, что туда... – Костя подсветил на проекции расстояния, – в общем-то, одинаково.

– Я бы начала с главной планеты. Меньше шансов, что нас сочтут за каких-то космических мародёров. – Людмила сморщила нос, недовольная самим предположением, что экипаж «Вестника» могут заподозрить в настолько неблагоприятном занятии.

– Согласен. – Юрий задумчиво изучал список сигналов, уловленных «Вестником» за те несколько минут, которые он находился в системе. – Кажется мне, друзья мои, что не всё здесь так просто, как хотелось бы. Но еда должна быть.

– Да ладно, Юрий Валерьевич, не пугайте заранее. Расскажите лучше, как планетная система вообще смогла притянуть к себе бывшую звезду?

– Изучим – узнаем. Как раз проверим несколько земных теорий. – Юрий подмигнул Мухаммеду, внезапно заинтересовавшемуся небесной механикой. – Знаете ли, до сего момента гелиевые планеты существовали исключительно в виде теоретических конструкций.

– Решено: идём прямо к Океану. Дней через восемь будем на месте. А там и домой доберёмся. – Прежде чем пропасть с экрана, Костя ободрительно улыбнулся команде. – И только подумайте: сколько новых знаний и возможностей мы принесём на Землю!

Убедившись в том, что Костя действительно «ушёл» из рубки и не собирается возвращаться, Людочка встала между Юрием и Мухой и тихо-тихо, почти шёпотом, обречённо произнесла:

– Мы не успеем до конца рекомендованного срока.

– Не успеем. – Власов кивнул. – Ты видишь какие-то другие варианты? Мухаммед, может быть ты их видишь?

Повисло тягостное молчание – возможностей гарантированно сохранить в целости физическую оболочку командира не видели ни Люда, ни Муха.

– Поэтому мы продолжим поддерживать жизнь в теле Кости так, словно бы он находился в коме. И надеяться, что длительное пребывание в капсуле не сотворит с ним ничего непоправимого. Ибо сейчас мы находимся именно в тех обстоятельствах, в которых от нас зависит только то, как мы их встретим.

Первые пару дней нахождения в новой системе всё было прекрасно. Воодушевление, охватившее вернувшихся в почти привычную среду людей, было настолько сильно, что, казалось, передалось и лишённым эмоций приборам – все обязательные исследования и эксперименты с первого раза получались хорошо и успешно, даже обычная корабельная еда, казалось, стала вкуснее.

Но что-то всё равно было неправильно. Отличалось от привычной атмосферы «Вестника» примерно так, как кофе с лишней ложечкой сахара от привычного напитка – едва уловимой ноткой, способной, тем не менее, испортить всё удовольствие от напитка. И дело было не в беспокойстве за судьбу Кости – оно за эти дни стало привычным, ожидаемой гор-

чинкой, если продолжать описывать атмосферу на корабле как чашку кофе. Людмила очень остро ощущала эту нотку и переживала, никак не способная понять, откуда она взялась.

Понимание пришло только на четвёртый день пребывания в системе, когда Люда застала в библиотеке Власова, очевидно, не ожидавшего, что кто-то побеспокоит его здесь. Юрий сидел за чертёжно-рисовательным нейроинтерфейсом, явно погрузившись с головой в какие-то расчёты. И вместо привычной вежливой улыбки было на его лице беспокойство, смешанное с малой толикой отчаяния.

– Юра, что тебе так сильно не нравится в этой системе? Ты думаешь, что местные обитатели могут оказаться агрессивными?

Сперва Людмила не хотела беспокоить Власова. Но проигнорировать беспокойство на лице человека, лучше всех на корабле знакомого с возможностями «Вестника» и законами космоса, было выше её сил.

– Могут оказаться, а могут и не оказаться. – Юрий отключился от нейроинтерфейса, помассировал виски. – Ты не пыталась найти какую-нибудь закономерность в сигналах, исходящих от искусственных аппаратов?

– Да там и искать не надо. Практически все направлены к Океану, и все безответны, даже если предположить, что ответа требует хотя бы каждый третий из них. Тебя это волнует?

– И что, смогла ты построить какую-то внятную теорию,

объясняющую молчание Океана? – Юрий проигнорировал обращённый к нему вопрос, и только в этот момент Людмила поняла, насколько на самом деле он озабочен.

– Думаю, это просто информационный мусор. Спутники, зонды и тому подобное, вышедшие из строя и оставленные на орбитах доживать свой век. Глупо, конечно, но, быть может, местные уже достигли такого технологического уровня, что орбиты ближайших планет им малоинтересны.

– Допустим. И что: все они вышли из строя, но сохранили работающие передатчики? Нет, с точки зрения теории вероятности вполне возможно, но... – Юрий развёл руками. – И вот ещё что: как ты думаешь, сколько лет этой системе?

– Ну... Бело-голубые звёзды в стадии карликов долго не живут. Так что вряд ли очень много. Ты считаешь, что это как-то связано с молчанием Океана? – Люде всё ещё казалось, что Юрий просто нагнетает обстановку, не разрешая себе верить в хороший исход.

– Нет. Я считаю, что эта планетная система куда старше, чем должна быть. Старше даже своей звезды, если верить нашим приборам.

– Ты считаешь, что планеты искусственные? Или образовались в другом месте, и их кто-то притащил сюда? А потом просто бросил? – Людмила практически кожей ощущала, как с каждым произнесённым словом повышается уровень чуши в сказанном. Но и не верить словам Власова не могла.

– Насчёт искусственных планет не думал. Давай сами просчитаем орбиты, потом попросим Костю просчитать, потом сравним с имеющимися данными.

Результаты расчётов сошлись с минимальными отклонениями: планетная система существовала именно в том виде, в каком и должна была.

– Господа учёные, а зачем я это всё сейчас пересчитывал? Вы сомневаетесь в реальности существования планеты? – Проекция Кости возникла в библиотеке именно в тот момент, когда Юрий Валерьевич и Люда судорожно перепроверяли собственные расчёты.

– Юрочка обнаружил, что планеты существенно старше собственной звезды. Пытаемся понять, как это возможно.

– Зачем? – В последнее время Костя хорошо приловчился добавлять эмоции к машинному голосу, так что его проекция практически не изменилась – только слегка подняла брови. – Доберёмся до Океана и спросим. Не сразу, конечно, как язык выучим... Или вы считаете, что они не станут с нами разговаривать?

– Я совсем не уверен в том, что нам будет, с кем разговаривать. – Юрий кратко пересказал свои подозрения насчёт странных безответных сигналов.

– Так... – Костя постучал прозрачными пальцами по столу. – Вы ведь понимаете, что нам обязательно нужно найти какую-нибудь высокоразвитую цивилизацию, умеющую перемещаться сквозь Вселенные? Пока что это единственный

способ вернуться домой, который я могу себе представить.

Юрий и Люда одновременно пожали плечами. Задать правильный вопрос и получить на него ответ – действительно было лучшим способом узнать, где находится их Вселенная и как в неё вернуться. Но факты по-прежнему оставались самой упрямой в мире вещью.

За день до сближения с планетой стало предельно очевидно: Юрий не зря подозревал, что с системой что-то не так. «Вестником» никто не заинтересовался. Не взлетел с Океана корабль, несущий на себе аборигенов, наделённых полномочиями встречать гостей. Не отошёл от одной из планет военный крейсер, обеспечивающий безопасность системы от неожиданных вторжений. Не поступило никакого направленного, пусть даже непереводаемого сигнала, свидетельствующего о попытках аборигенов связаться с экипажем «Вестника». Не произошло ровным счётом ничего из того, что должно было бы произойти, будь система действительно заселена разумными существами.

Конечно, оставался призрачный шанс, что местные мыслят принципиально не так, как люди, но такие инопланетяне оказались бы совершенно бесполезны для землян в деле возвращения домой. К тому же, чтобы не заинтересоваться вторгшимся в систему огромным инопланетным кораблём, им нужно было бы мыслить не просто не так, как люди. Но и не так, как собаки, тигры, дельфины, осьминоги, летучие

мышы... Не так, как большинство достаточно крупных земных животных и, соответственно, их возможные потомки.

Костя прекратил сближение с планетой на границе экзосферы и ближнекосмического вакуума – в нескольких сотнях километров над слоем редких белёсых облаков, между которыми изредка мелькали овальные голубоватые диски, металлически поблёскивающие в падающем на них свете.

Первым делом «Вестник» облетел Океан по экватору, тщательно сканируя атмосферу, облака, диски, изредка мелькающее в просвете облаков безграничное водное пространство. И с каждым пройденным километром, Костя – единственный бодрствующий человек на борту корабля – всё недовольнее хмурил брови, существующие исключительно в цифровом пространстве.

К тому моменту, когда пробило половина седьмого утра по земному времени, и команда собралась на завтрак, Костя уже отправил корабль облетать средние широты северного полушария, а сам ждал остальных на экране кухни, пририсовав себе чашку кофе.

– Мы уже полтора раза облетели Океан. Полностью просканировали атмосферу – по составу похоже на земную, но доли кислорода и углекислого газа больше. Нашли тридцать летающих, предположительно металлических, немонолитных дисков разной толщины. Причём летать эти диски почему-то предпочитают в верхних слоях атмосферы, там,

где уже начинается невесомость. И как вы думаете, что мы не нашли?

– Создателей дисков? – Вопрос задала Люда, в этот день свободная от дежурства по кухне. И методично взбивающий яйца для омлета Муха, и сосредоточенно нарезающий хлеб Власов, на мгновение замерли, ожидая ответа Константина.

– Создатели были бы «кто». Хотя их мы тоже не обнаружили. – Костя прошёлся по двумерной половине кухонного отсека. – В первую очередь я искал города, заводы – что угодно, что могло бы отправлять сигналы, которые мы принимаем. Потом я искал что угодно, в принципе похожее на место скученного проживания разумных созданий, и тоже бестолку. И здесь почти нет суши – я обнаружил только несколько небольших островов, не представляю, как на них могла бы развиваться цивилизация. Пока что я надеюсь, что здешний экваториальный пояс по какой-то причине не был заселён. Но, сами понимаете... – Костя развёл руками и поморщился, демонстрируя всё, что он сам думает о подобной возможности.

– Может быть, катастрофа? Таяние ледников, астероид... Люда замялась, вспоминая, какие ещё катастрофы могли бы так качественно уничтожить следы технического прогресса, но Муха оказался быстрее, продолжив перечисление.

– Огромный, покрытый щупальцами, галактический пожиратель с брандспойтом...

Нагло прерванная Люда не стала возмущаться, лишь нерв-

но хихикнула, видимо, представив себе описанное чудовище.

– В принципе, шансы у любого из ваших вариантов одинаковые. – Юрий невесело улыбнулся. – Откровенно говоря, мне уже даже мысли о том, что это может быть ловушка, в голову приходят. Константин, может быть, выпустим парочку наших автоматических амфибий? Пусть тщательнее изучат местные воды.

– А «Вестник» пока что ещё несколько раз планету облетит. Может, заметим что-то полезное. – Людочка прижалась щекой к сложенным в молитвенной позе рукам. – Костя, ты говорил что-то про предположительно металлические диски. Можем мы один взять на борт и попытаться исследовать?

– Не надо на борт. – В унисон возмутились Юрий и Муха, не дав Косте даже открыть рот. Затем Муха продолжил. – А вот исследовать его в естественной среде, мне кажется, стоило бы. Скафандр выдержит.

– Нет. Пока нет. Только если не останется других вариантов. – Костя покачал головой, отвечая на немое недовольство Мухаммеда. – Рискованно. Я не исключал бы того, что все местные жители находятся в этих дисках.

Первые фотографии с амфибий «Вестник» получил спустя четырнадцать часов после их вылета, когда, согласно стандартному расписанию, космонавты должны были, поужинав, заниматься личными делами и готовиться ко сну. Естественно, у каждого из трёх космонавтов личные дела

сводились к одному и тому же: попытаться понять, куда делись создатели роящегося в системе технологического великолепия. И, конечно же, подходили они к этому вопросу порозному: если Людочка и Юрий оккупировали библиотеку, строя самые невероятные модели, то Муха оставался в рубке, с Костей, разглядывая проносящиеся мимо облака и изредка огорчаясь, когда разыгравшееся воображение заставляло видеть на месте особо хитрого облака что-то новое, что-то предположительно полезное.

Фотографии с амфибий и «Наутилуса» сразу направлялись ко всем устройствам в сети «Вестника», так что Людочка и Юрий имели возможность полюбоваться новыми видами Океана одновременно с Костей и даже чуть раньше Мухаммеда. Неудивительно, что вся команда собралась в рубке ещё до того, как Костя решил: начинать совещание сейчас или оставить его на «утро». Ибо на фото и видео с Океана так и не обнаружилось ни одного объекта, который мог бы излучать то, что регистрировали приборы «Вестника». Больше всего небольшие клочки суши, хаотично разбросанные по бескрайнему океану, напоминали ожившую фантазию художника, изобразившего Девонский период Земли.

– Планета на восемьдесят пять процентов покрыта водой. Может быть, всё производство находится там? – Людмила сама не особо верила в то, о чём говорила... Но признать вслух, насколько велики их шансы навеки остаться в какой-то неведомой Вселенной, было выше её сил.

Юрий только поморщился, не желая даже комментировать эту идею. То, что в таком случае сигналы бы шли совершенно по-другому, понимали все присутствующие, не исключая и саму Людмилу.

– Давайте сузим круг поисков? Ну есть же какие-то места, откуда сигналов больше выходит, правильно? Значит, оно где-то находится. Может «Вестник» это выяснить?

В ответ на слова Мухи, Костя вывел карту источников уловленных сигналов, в глубине души недоумевая – почему они не сделали этого раньше?

Центров, испускающих наибольшее количество сигналов, оказалось два. Первый из них находился где-то возле местного Северного полюса и пока что не попадал в объективы зондов и «Вестника». Второй же, расположенный близко к экватору, уже не раз засветился на фотографиях Океана. Это были странные невысокие образования, то ли горы, то ли холмы, почти целиком занимающие один из крупных островов. В этих горах было всё: долины, уйма разнообразной растительности, следы жизнедеятельности относительно крупных животных... Не было только ничего, хоть немного похожего хотя бы на самую древнюю телеграфную вышку.

– Ну вот. Высадимся здесь, всё осмотрим, как следует. Может что-то и станет понятнее.

Власов и Люда оптимизма Мухи не разделяли, но вымученно улыбнулись, глядя на практически детский энтузиазм пилота.

– Завтра. Пока вы восемь часов поспите, я ещё раз проанализирую источники сигналов. И, если расхождений не будет, проверим этот остров.

Костины интонации не оставляли сомнения в том, что это – приказ, а не предложение высказывать свои мысли. Так что команде ничего не оставалось, кроме как разойтись по своим каютам, как бы им ни хотелось побыстрее прикоснуться к тайнам Океана.

Глубокой ночью, когда уснул даже Мухаммед, долго ходивший из угла в угол и не успокаивающийся даже от созерцания любимых картин с земными цветами, Костя во второй раз просматривал результаты анализа сигналов. Сомнений не было: почти половина из всех, доступных аппаратуре «Вестника», сигналов происходила из одной точки на острове возле экватора.

Нужно было организовывать высадку.

Костя прекрасно понимал, что высадка – реальный шанс узнать что-то о том, куда делись прежние хозяева планеты. Или, возможно, понять, что они никуда не девались, а пребывают в форме, неочевидной человеческому разуму. Или окончательно убедиться в том, что здесь нечего искать, и прыгать дальше, к другой звёздной системе.

Высадка была логична. Высадка была необходима. И пугала Костю до чёртиков.

В его разуме, в обычное время не склонном к пустым опа-

сениям, вереницей проходили искалеченные телом и духом, погибшие или попросту пропавшие члены экипажа «Вестника». Включая предположительно живых контактеров с «Дружбы».

К счастью для экипажа, Костя понимал, происходящее – лишь последствия того неправильного, неестественного состояния, в котором пребывает его сознание, не предназначенное и не готовое к таким возможностям и таким ограничениям.

Костя взлохматил призрачной рукой призрачные волосы и принялся перебирать способы, которые позволили бы ему сопровождать команду, не оставляя «Вестник» без присмотра. К утру это важное и нужное дело окончательно выгонит из его головы все посторонние мысли.

– Остров действительно является источником сорока процентов регистрируемых нами сигналов. Нужна разведка. – Глядя на горящие надеждой глаза команды, Костя, в этот раз не ставший ни создавать проекцию, ни появляться на одном из экранов, скептически сощурился. Хоть щуриться ему уже и было нечем, привычные телесные ощущения всё никак не хотели стираться из памяти, дразня собственной призрачностью. – Я бы предложил вам использовать «Наутилус» или планетоход, по крайней мере, поначалу – хотя бы оборудование на себе не нести.

– Не стоит. – Людмила медленно покачала головой. – Не

всё можно увидеть с борта чего-то быстро движущегося, да и посадить тот же батискаф не везде возможно. Я считаю, лучше пешком и, на всякий случай, с «крыльями». Что ж мы, так оборудование не донесём?

Не дождавшись возражений, Костя подытожил:

– Решено. Идёте все, оборудование на себе, возьмёте с собой на всякий случай по паре дополнительных картриджей для систем жизнеобеспечения. Это будет надёжнее, чем пищевой концентрат. И, в случае непредвиденных ситуаций, за пару дней ваши пищеварительные системы не пострадают. И вам придётся действовать без меня. – Костя на мгновение прервался, ещё раз убеждаясь в правильности принятого решения, затем «кивнул» сам себе. – Да, без меня. Я перебрал все относительно безопасные варианты постоянного подключения к какому-нибудь «хитрецу» или небольшому нейроинтерфейсу – ничего не получается.

– Ты можешь быть на связи. И очень быстро переместиться к нам, если понадобится поддержка. – Муха от всей души посочувствовал командиру, лишённому такой увлекательной прогулки. – А мы достанем личное оружие, и совершим небольшую вылазку, принесём образцов... Кстати, можно кому-нибудь на скафандр установить камеру, тогда ты сможешь видеть всё одновременно с нами.

– Не одновременно. Но увидеть опасность и отреагировать на неё смогу. Хорошо, значит, ты камеру и понесёшь. – Костя прислушался к навигатору. – Начинаем снижение, че-

рез пятнадцать минут будем на месте.

«Вестник» до того медленно и плавно скользивший в верхних слоях атмосферы, избегая возможных столкновений с чем-то слишком маленьким, чтобы его можно было вовремя заметить и уклониться, остановился на мгновение и пошёл вниз, пронзая густые облака, словно громадная капля воды. Теперь он замедлился ещё сильнее, так, что находящиеся внутри люди могли даже видеть, когда одно облако заканчивается одно облако и начинается другое, почти такое же белёсое и плотное.

Наконец корабль вынырнул на практически чистое место, и землянам предстал громадный, безбрежный, охватывающий всё видимое пространство тёмный океан, похожий сейчас, в безветрие, на туго натянутый атлас. Несколько небольших овальных островов, ещё более тёмных, чем океан, были беспорядочно разбросаны то тут, то там и казались чем-то катастрофически чужеродным в этом водном царстве.

– Величественное зрелище! – Людочка замерла в центре рубки, всплеснула руками, не в силах выразить обуявшие её чувства. – Знаете, будь мы сейчас поближе к Земле, я бы с удовольствием осталась тут навсегда.

– Красиво. И зелени много. – Муха грустно улыбнулся, вспоминая свой садик, в котором, наверное, уже должны были по одному разу отцвести все розовые кусты.

Юрий промолчал, пристально разглядывая правильные очертания островов. С его точки зрения, острова и формой

и размером были подозрительно похожи на парящие в небе диски. И ему было даже страшно представить, сколько времени понадобилось бы буйно растущей на них жизни, чтобы окончательно покорить холодный металл.

«Вестник» завис в паре километров над островом-целью, прямо над тем местом, откуда исходили сигналы.

– Так. Рельеф особо не видно, просканировать тоже не очень получается, что-то мешает. Так что идти вам почти вслепую и очень осторожно. Я, естественно, отмечу на ваших навигаторах и местонахождение корабля, и предполагаемого источника сигналов. Высадитесь... – «Вестник» пару раз обернулся вокруг своей оси, демонстрируя космонавтам идеально ровную береговую линию, лишённую скал и мелких заливов. Даже пляжи, полого спускающиеся к воде, были одинаково усыпаны чем-то, похожим на мелкий фиолетовый песок. – Здесь. Раз местность везде одинаковая, выберем самый короткий маршрут, по малой оси. Отсюда до источника сигналов вам в хорошем темпе два часа. Накинем пару часов на исследования и ещё пару – на неожиданности, и получаем восемь часов. Через каждые полчаса – контрольный сигнал.

Быстро натянув системы жизнеобеспечения, скафандры и «крылья», и подобрав ранцы с оборудованием, космонавты покинули «Вестник». Со спуском трапа они не заморачивались – просто выпрыгнули из шлюза, включая в прыжке гироскопы «крыльев». Власов и Люда приземлились точно, на сушу, в паре метров от воды. Мухаммед же, то ли случайно,

то ли намерено, остановился буквально в полуметре от берега. И моментально ушёл под воду, беззвучно сомкнувшуюся над его головой.

– Муха... – Людочка в ужасе замерла, не в силах отвести взгляд от места, в котором несколькими мгновениями ранее был товарищ по команде.

Юрий, не тратя времени на разговоры, шагнул к воде, но войти в неё не успел – Мухаммед, влекомый «крыльями» вертикально вынырнул из воды и довольно быстро оказался возле Люды.

– Что за опасное ребячество? – Власов нахмурился, скрестил руки на груди, разглядывая весьма виноватого Муху.

– Простите, очень уж по воде соскучился. И хотел со дна парочку камней достать, с вот этими сравнить. – Муха обвёл рукой покрывающую пляж гальку. – Но вы понимаете, там шельфа нет! Совсем нет! Я потому и гироскопы не сразу включил – удивился до жути. Вот где вода начинается, оттуда вертикально вниз с метр, наверное, какая-то поверхность, и всё. – Потрясённый Муха активно оживлял рассказ жестами, так что очень быстро скафандры Власова и Люды покрылись мелкими капельками вод Океана.

– Очень интересно. Я как раз хотел исследовать океан, пока вы будете искать то, что производит сигналы. Заодно постараюсь выяснить, было кому тебя там сожрать, или нет. – Очень «командирский» Костин голос в динамиках скафандра, заставил Муху непроизвольно вытянуться по струнке. –

Имей в виду, если в плане экспедиции сказано «высадка на берег», значит, все высаживаются на берег. Если у тебя есть другие предложения – ты озвучиваешь их и реализуешь только после одобрения. – Голос стал мягче, сменился с «командирского» на «дружеский». – Я понимаю, Океан местами очень похож на Землю и совсем не кажется опасным. И все мы устали постоянно быть в напряжении и ожидать опасности. Но иначе мы не выживем. Так что не забывай, пожалуйста, об осторожности.

Костя отключился и Мухаммед махнул рукой замершим поблизости Власову и Люде.

– Командир отругал. Уже закончил, можно идти дальше.

Проводив разведчиков, Костя принялся за перестройку архитектуры сигналов: присвоил наивысший приоритет всем изображениям и данным с камеры на скафандре Мухаммеда, которые могли бы хотя бы намекать на возможную опасность. Убедившись в том, что узнает даже о нештатных происшествиях в скафандр комаре, командир корабля, «человек и корабль», как иногда называл его прямолинейный Муха, выпустил из «Вестника» автономный подводный зонд.

Было вполне очевидно, что именно на этой планете жизнь не могла бы начать развиваться на суше, даже если бы сильно этого захотела. Более того, аналитический центр «Вестника» давал около семидесяти процентов того, что разумная жизнь вышла бы на сушу только по необходимости, столкнувшись

с операциями, которые сложно осуществить в водной среде.

Потому, пока Муха, Люда и Юрий искали «настоящее» местных жителей, Костя собирался покопаться в их «прошлом».

Но сначала стоило поближе познакомиться со случайным открытием Мухи. Сброшенная с «Вестника» селёдка¹² должна была опуститься на пятиметровую глубину, откалибровать там камеры и, если шельф действительно не обнаружится, попытаться поднырнуть под остров. Но уже на глубине в три метра эхолот предупредил о риске столкнуться с многочисленными подводными объектами, и Костя решил не рисковать. Несколько минут аппаратура зонда собирала данные для калибровки камер, и, наконец, «селёдка», и Костя вместе с ней, обрели зрение.

Справа, там, где должен был оказаться шельф или, если бы остров оказался вулканическим, его подводная часть, действительно ничего не было. Костя, не сразу поверивший своим глазам, перепроверил эхолотом – действительно, ничего. Остров закачивался в метре от поверхности воды и имел дно, покрытое чем-то, издали похожим на пушистые земные губки. Извиваясь, «селёдка» подплыла поближе к губкам, почти уткнувшись каплевидным носом в их корот-

¹² Длинный, узкий и плоский зонд, предназначенный для подводных исследований, вся передняя половина которого, фактически, является камерой, способной адаптироваться к глубинам от 0,5 до 30 км. Перемещается в воде, имитируя движения селёдочного короля, за что, в общем-то, и заслужила прозвище «селёдка».

кие и толстые жгуты, очень похожие на земные водоросли.

Несколько минут Костя наблюдал за морскими организмами, пытаясь обнаружить зачатки разума или высшей нервной деятельности. Но багрово-коричневые жгуты лишь раскачивались, послушные огибающему остров холодному потоку воды, не реагируя на зонд, не общаясь друг с другом, не отрываясь от плотного губчатого субстрата, к которому крепились несколькими тонкими волосками.

«Селёдка» подошла ещё ближе, ткнулась носом в субстрат, замерла, готовая, чуть что, сразу отплыть назад. Теперь Костя ясно видел, что дно острова заселено не только чем-то вроде местных водорослей, но и мелкими существами, похожими на рублёвую монету, окружённую множеством то ли лапок, то ли щупалец. Ближайшая к селёдке зверушка деловито ползла, переставляя свои отростки в каком-то сложном ритме, и Костя решил понаблюдать за ней, прежде чем принимать решение: ловить образец для исследования или оставить спокойно доживать свой век на свободе.

«Монетка» двигалась на удивление быстро и ловко для такого плоского и круглого существа, ничуть не хуже, чем земные пауки, например. Доходя до очередной водоросли, она касалась одного из волосков боком и, замерев на несколько мгновений, ползла дальше. Костя уже почти поверил, что существо не ищет пищу, а каким-то образом метит территорию или исследует её, когда монетка, наконец, добралась до

жгута, отличавшегося от остальных утолщением в верхней части и более насыщенным багровым цветом.

Прикоснувшись к нему, зверушка постояла чуть дольше, чем обычно, а затем, изогнувшись, вцепилась передними отростками в водоросль, и поползла вверх, к утолщению. Задние её отростки при этом оставались внизу, ими монетка крепко вцепилась в пористую поверхность субстрата. Теперь загадочный обитатель Океана имел полное сходство с земной многоножкой.

Добравшись до утолщения, монетка выпустила из недр туловища что-то вроде жала, до основания вонзила его в водоросль и разом расслабила все отростки, приобретя вместе с водорослью вид круглого леденца на палочке. Костя решил, что сейчас самый подходящий момент, и аккуратно втянул в контейнер на задней части «селёдки» и водоросль, легко оторвав тонкие волоски, и прикрепившуюся к ней монетку, и немного воды, чтобы повысить шансы на то, что подопытные доберутся до «Вестника» живыми.

Прежде, чем приняться за исследование нижних слоёв воды, Костя как следует просветил субстрат, и остался абсолютно доволен, увидев сквозь поры слабый металлический блеск. Как минимум этот остров точно разросся из диска, подобного тем, которые «Вестник» наблюдал в верхних слоях атмосферы. Оставив размышления о том, что это могло значить, Костя развернул «селёдку» носом вниз.

Там, насколько хватало взгляда камеры, расстилалось са-

мое настоящее подводное царство: уходящие вниз причудливые изогнутые конструкции, сделанные, как показалось Константину, из плотных длинных серо-зелёных водорослей или чего-то подобного. Больше всего видимая часть конструкций напоминала собранные в гроздь многогранные кубы размером с женский кулак, прикреплённые к уходящим в глубину тонким и гибким столбам. Плавая вокруг гроздьев, «селёдка» обнаружила, что кубы не одинаковы: у некоторой их части отсутствовала одна из граней, открывая течению внутреннее пространство куба; у других стенка одной из граней оказалась чем-то вроде решётки с очень мелкими ячейками; остальные были закрыты со всех сторон, и Костя не мог определить, есть ли что-то внутри.

Местных водорослей на большей части конструкции не было: только из некоторых открытых многогранников торчали коричневые жгуты, отдалённо похожие на те, которыми поросла нижняя часть острова. Никаких разумных объяснений этому Костя не нашёл. Привычная ему буйная морская жизнь со временем ухитрялась обживать даже самые неудобные и недружелюбные конструкции, если, конечно, они не были покрыты какими-то составами, враждебными всему живому. Могли ли неведомые обитатели создать какой-то такой состав, который бы со временем не портился от вод Океана, почти столь же агрессивных, как земные? Или кто-то через определённые интервалы возвращается, чтобы очистить гроздь от водорослей? Но зачем?

Впрочем, Костя прекрасно понимал, что всё это водорослевое архитектурное чудо совсем не обязательно имеет какое-то отношение к разумным местным жителям. Ибо, с точки зрения эхолота, простирающиеся под зондом конструкции были сделаны из чего-то весьма и весьма плотного, скорее всего, не являющегося водорослями. Но и не являющегося металлом, стеклом или другими твёрдыми телами, известными человечеству.

Поразмыслив ещё немного, Костя решил, что не станет исследовать другие участки океана в поисках более простых загадок, а попытается собрать как можно больше информации о гроздьях и столбах. Он аккуратно подвёл зонд к краю одной из конструкций, выпустил манипулятор, который должен был сделать соскоб с поверхности одного многогранника и отрезать кусочек другого на анализ. И был крайне удивлён, когда зонд сообщил о полученном электрическом разряде.

Решив, что дело в какой-нибудь разности зарядов, Костя отвёл зонд в сторону, к одному из полностью закрытых многогранников, и снова попытался взять пробу. На сей раз разряд, полученный манипулятором, был даже сильнее.

Проанализировав изменения в электромагнитном поле, Костя пришёл к неутешительному выводу: источником нападения были как раз-таки, сами гроздья. Или какая-то невидимая ему субстанция, покрывающая всю конструкцию или какие-то её части. Оставалось понять: это что-то вроде защитного механизма, срабатывающего в ответ на любое при-

косновение, или вполне сознательная реакция на действия, расцененные как враждебные? Второй вопрос, волновавший Костю, был ещё сложнее: если обнаруженная им субстанция сознательна, является ли она тем самым представителем высокоразвитой цивилизации, которого так необходимо найти «Вестнику»? И не будет ли расцениваться как дипломатический конфликт настойчивое желание землян отщипнуть кусочек на исследования?

Так и не найдя приемлемого ответа ни на один из вопросов, Костя решил пока что не рисковать, а попробовать составить хотя бы примерную карту дна. И попытаться найти участок, заполненный более миролюбивыми «водорослями».

Краем сознания, подключённым к камере на скафандре Мухи, Костя видел, что разведчики уже добрались до источника сигналов, оказавшегося приземистым холмиком, сплошь заросшим чем-то, очень сильно похожим на земной папоротник, покрытый крупными кожистыми шарами. А «селёдка» всё плыла и плыла над волшебным, но жутко однообразным лесом мерно раскачивающихся столбов и колышущихся вместе с ними гроздьев.

Поняв, что конструкции могут занимать и практически всё дно, тем более, что измерить их высоту пока что не удалось, Костя опустил зонд на метр ниже. На этом уровне гроздьев не было, только «лес» серо-зелёных колонн, некоторые из которых, впрочем, имели сквозные отверстия, в которых

– о, чудо! – виднелись толстые бурые жгуты водорослей. Эти водоросли были очень похожи формой на те, что заселили дно острова, но достигали в длину полутора-двух метров, извиваясь в воде, словно привязанные к деревьям ленты на Земле.

Костя уже решил было опуститься пониже, надеясь найти там что-то новое, когда на камеру зонда попало некрупное существо, довольно сильно похожее на земную рыбу. Существо это было менее одного метра в длину, имело плоское овальное тело и очень-очень длинные усы, никак не короче половины длины тела. Двигалась рыба как-то странно, рывками, иногда замирая и резко уходя вверх или вниз. Костя, которому её путь напомнил земного зайца, уходящего от своры собак, сначала решил, что и в этом случае дело в преследующем добычу хищнике. Но секунды шли, а хищник всё не появлялся. Да и рыба не спешила покидать окрестности. Более того, она явно целеустремлённо приближалась к одному из столбиков, с особо сильно выдающимся в пространство водорослевым жгутом.

Опускаться пониже Костя моментально передумал: взаимодействие рыбы и «водорослей» вполне могло оказаться весьма интересным. Так что он на всякий случай включил все датчики зонда и принялся ждать зрелища, которое, при удачном исходе, могло стать ещё и хлебом.

За полметра до конструкции рыба затормозила, вытянула усы вперёд и медленно-медленно поплыла вперёд, шевеля

лопатообразными грудными плавниками.

Наконец усы коснулись водорослей. Костя напрягся, ожидая, что рыбу сейчас атакуют таким же разрядом, как и зонд, но нет – датчики не улавливали напряжения электрического поля, да и рыба вела себя абсолютно спокойно. Наконец она замерла примерно в тридцати сантиметрах от водоросли, погрузив усы куда-то внутрь отверстия, из которого торчала её добыча. Костя отправил в память «Вестника» информацию о том, что водорослевый слой, возможно, находится внутри подводных столбов, и, затаив дыхание, продолжил наблюдать за рыбой.

Несколько минут всё было тихо. Затем одновременно случились сразу две вещи, детально разглядеть которые Костя смог только благодаря сверхчувствительной камере зонда. Рыба резко распахнула пасть, украшенную двумя рядами глубоко загнутых крючков, и рванулась вперёд, не обращая внимания на обломившиеся и застрявшие в водоросли усы.

Едва её челюсти коснулись края жгута, как рыба тут же сжала их и кинулась обратно.

Но далеко уйти не смогла.

Кусок, оказавшийся в челюстях, почему-то не оторвался от остального организма. Более того, он сначала растянулся словно земная жевательная резинка, а затем резко сократился. Костя видел, как быстро летящая прямо в отверстие на столбе рыба пытается раздвинуть челюсти и избавиться от коварной добычи, но челюсти так и не сдвинулись ни на

миллиметр. Глупая голодная хищница была обречена. То, что до того казалось длинным водорослевым жгутом, обви-лось вокруг плоского тела рыбы, растягиваясь до полупро-зрачности. И превратилось во вместительный и крепкий ме-шок, вырваться из которого рыба так и не смогла.

Следующие пару часов селёдка висела в воде, наблюдая за рыбой, медленно перевариваемой собственной добычей. К счастью, мешок оказался не герметичным, так что знания че-ловечества о биохимии обитателей Океана пополнились без угрозы дипломатического скандала.

Досмотрев, как разлагается мелкосегментированный ске-лет рыбы, Костя вернул зонд на «Вестник». Информации для обработки корабельными «мозгами» было собрано бо-лее чем достаточно. К тому же, Юрий отправил сигнал о том, что через час они будут на корабле. Это было странно – из от-ведённых на разведку восьми часов группа потратила толь-ко четыре. Впрочем, никаких сигналов бедствия они не от-правляли, так что можно было расслабиться и позволить се-бе помечтать о том, что цель достигнута, знания получены и можно возвращаться домой.

Непонятно было только одно: зачем Юре понадобился террариум, с условиями, повторяющими условия суши Оке-ана?

Идти по Океану было сложно.

Вездесущий водяной пар, не мог пробиться сквозь ска-

фандр, но отравлял космонавтам жизнь по-другому: оседая на защитных экранах, сводя с ума датчики, превращая местную тёмную «зелень» в растопыренные руки и щупальца неведомых монстров.

Деревьев, таких, какими их привыкли видеть земляне, тянущихся к небу стволов, усеянных ветвями и листвой, здесь не было вообще. Самые высокие местные растения с трудом доставали своими верхними, и единственными, листьями до макушки Мухаммеда. И очень походили на творение сумасшедшего флориста: короткое и толстое основание, примерно полметра в поперечнике, превращалось в пять длинных тонких веток, торчащих почти под сорока пятью градусами к земле. На вершине каждой ветки рос громадный зелёный лист (и это были единственные зелёные листья, увиденные землянами на Океане), диаметром никак не меньше основания. В естественной выемке между их ветками скапливалась вода, по поверхности которой сновали какие-то мелкие создания, отдалённо напоминающие земных водомеров.

Растения уровнем пониже, высотой от пояса Людочки и почти до её плеч, предпочли количество размеру: на их тёмных, почти чёрных, стволах, хаотично росли тонкие, чёрные же, стебли, на концах которых покачивались от одного до трёх листьев, форма и размер которых, изменялись от куста к кусту. Больше всего было круглых и овальных, багряных, каким-то образом ухитряющихся расти под углом к стеблю. Чуть меньше – длинных и очень тёмных, мясистых, похо-

жих на земное алоэ. И совсем немного – мелких, прихотливо изрезанных, маслянисто поблёскивающих даже в скудном свете Океана. На этих листьях иногда можно было заметить мелкие неподвижные организмы, похожие на червей или гусениц.

Меньше всего растительной жизни было в нижнем слое, едва укрывающем щиколотки космонавтов. Одинаковая жёсткая, торчащая вертикально вверх трава, цвет которой не удавалось различить из-за того, что к ней почти не попадал свет местного Солнца, да вьющиеся по более высоким растениям мягкие и тонкие лианы. У земли лианы хаотично свивались друг с другом в плотную пружинистую и изрядно неудобную подушку, надёжно прячущую от взгляда, но не от ног, неровности местной почвы.

Здесь совершенно точно была и иная жизнь, более подвижная, чем многоуровневые «папоротники», «кусты» и «трава», более крупная, чем «водомерки» и «гусеницы» – чувствительные внешние микрофоны скафандров улавливали топот и шорох множества мелких ножек, спешащих убраться подальше от новой угрозы.

Разговаривать здесь было неудобно: мозг, привычный к земным условиям, ожидал услышать приглушённый туманом, рассеянный голос. Но звуки голоса космонавтов переносили чувствительные аудио-приборы, сохраняющие и высоту, и интонацию, и даже местоположение говорящего. Это нервировало, и космонавты практически всё время молча-

ли, лишь изредка обмениваясь замечаниями типа: «Странно чувствовать себя пришельцем» или «Я просто восхищена упорством здешней жизни».

И всё-таки они торопились. Каждый из землян хотел быстрее добраться до загадочного источника сигналов, надеясь получить если не ответ на вопрос «Куда делись местные высокоразвитые жители», то хотя бы подсказку. Так что даже сбор образцов на анализы договорились отложить на обратную дорогу.

Тихий писк навигаторов скафандров, сообщающих о том, что до цели осталось не больше километра, совпал с произвольно вырвавшимся ругательством Мухи, в очередной раз запутавшегося ногой в лианах и заодно угодившего в скрытую под ними ямку.

– Да на Большом Кавказе ровных поверхностей и то больше, чем здесь! – Мухаммед, скрючившийся в три погибели, старался оторвать от сапога типичного представителя местной фауны, плотно обвившегося вокруг носка и голенища. – Если бы сапоги хоть немного тоньше были, мы бы себе уже или ноги или все пальцы на них переломали!

Юрий, на плечи которого Мухаммед опёрся свободной рукой, сумрачно кивнул. За всё время, что они продирались сквозь буйную растительность острова, земляне несчётное количество раз запутывались в лианах, попадали в скрытые под ними ямки, оскальзывались на так же спрятанных под лианами мелких скользких камешках... А впереди, раство-

ряющиеся в плотном тумане, вставали то ли низкие горы, то ли высокие холмы, где-то посреди которых и прятался так нужный команде «Вестника» источник сигналов.

Дождавшись, пока Муха освободится, Юрий провёл рукой по защитному экрану шлема, стряхивая осевшие капли воды, и кивнул сам себе, подытоживая беззвучный спор, который он вёл сам с собой последние минуты.

– Я предлагаю всё-таки рискнуть использовать «крылья». Высота гор нам известна, подняться выше них и спуститься к нужной точке, будет безопаснее, чем продолжать путь пешком, рискуя покалечиться.

– А летающие существа?– Люда, насторожено осматривавшая окружающие джунгли, пока Муха выпутывался, вскинула к небесам обтянутую голубой перчаткой руку. – Полёт может оказаться ещё опаснее.

Юрий и Мухаммед одновременно обернулись к Люде: в её манере общения мимика была столь важна, что слышать её голос, но не видеть лица казалось совершенно невозможным.

– «ВБЭИМы» достанем. У местных в головах, скорее всего, такая же электрическая активность, как и у землян. Тем более, заметить какой-то большой объект, излучающий тепло, в здешних условиях намного проще, чем овраги и подобную дрянь. Врача, хочу напомнить, у нас больше нет.

– Как скажешь.

Они включили «крылья», и поднялись вверх, над укрыва-

ющим поверхность острова туманом, почти ровень с гладкими, покатыми вершинами недалёких гор.

– В трёхстах метрах от нас какой-то огромный объект. Приближается.

Получив сообщение, Муха и Власов, не сговариваясь, двинули руками, заставляя оружие скользнуть в подставленные ладони, и замерли, встав плечом к плечу и повернувшись лицом к предполагаемому противнику.

Здесь видимость была лучше, чем внизу, так что нечто, похожее на гигантскую чешуйчатую летучую мышь, земляне разглядели издали. Зверь имел поистине громадные крылья – навскидку никак не меньше семи метров в размахе – и почти теряющееся на их фоне гладкое безволосое тельце, покрытое то ли грубой коричневой кожей, то ли мелкой коричневой же чешуёй. Как следует рассмотреть его голову не удалось – оказавшись примерно в двух сотнях метров от землян, зверь остановился, видимо, обнаружив то, чего никак не должно было встречаться на его пути. Несколько секунд «мышь» висел в воздухе, бешено работая крыльями, а затем заложил крутой вираж и практически вертикально ушёл вверх. Всё это, почему-то, без единого звука.

– Я же говорила! – Люда взмахнула рукой, надеясь хотя бы жестами донести до товарищей всю серьёзность ситуации.

– Что говорила? Эта планета достаточно похожа на Землю, чтобы экстраполировать на местных хищников психологию их земных собратьев. Ни одно вменяемое животное не

кинется на неизвестную угрозу больших размеров.

– А эта мышь, конечно же, осознаёт, что большая часть её тела это крылья! Может, она себя как раз-таки считает самым большим и страшным хищником из возможных. И ещё, если сравниваешь местных зверей с земными, вспомни о носорогах. И обо всех без исключения самках, защищающих собственное потомство. – Люда скрестила руки на груди, явно недовольная тем, что приходится доказывать самые очевидные вещи.

– А давайте вы продолжите спорить на «Вестнике»? – Муха, всё время перепалки провисевший наизготовку с «ВБЭИ-Мом», был совершенно не настроен ждать, пока Людочка и Юрий придут к каким-то общим выводам. – Там оно как минимум удобнее.

– Вы правы, Мухаммед.

Люда церемонно наклонила голову, подчёркивая готовность прекратить спор, и первой дала «крыльям» команду продолжить движение.

Теперь, с высоты птичьего полёта (ну или мышиноного, если предположить, что сородичи «мышья» – единственные живые существа, освоившие полёт в этом мире с очень высоким тяготением), искомое место выглядело зажатой между пятью весьма округлыми горами широкой долиной, в центре которой возвышался холм, практически повторяющий по форме окружающие горы. Между двумя горами, со стороны, противоположной той, с которой пришли земляне, виднелась уз-

кая, идеально прямая дорожка.

– Площадь долины – пятьдесят квадратных километров. – Муха снова вытащил спрятанное было оружие. – Юрий Валерьевич, вам право или лево?

– Давайте лево. Людочка, ты висишь на этом месте и наблюдаешь за обстановкой. Если всё будет спокойно – спускаешься напрямиком на тот холм, кажется, именно он нам и нужен. Если происходит неожиданное нападение – действуем согласно изученным на Земле сценариям.

Мужчины разлетелись в разные стороны, Люда же послушно осталась на месте, сжав в руках «револьвер» и повторяя про себя основные варианты действий при «недружественных контактах с внеземными организмами». Внизу, словно два огромных листа гигантского дерева, кружились, облетая по спирали свою часть долины, Власов и Мухаммед.

Наконец они встретились на холме, и тут же в наушниках Люды раздался голос Мухи:

– Спускайся, всё чисто.

Опустившись на вершину холма, отчаянно пытающегося поговорить со Вселенной, Людмила с любопытством огляделась: на Земле в такой горной долине можно было бы ожидать наличия нескольких видов растений, не свойственных низинам. Здесь же, насколько хватало взгляда, росла та же самая прямая и жёсткая трава, что и внизу. Впрочем, здесь она всё-таки была повыше и, как показалось Люде, имела заметный зеленоватый оттенок. Впрочем, это действительно

могла быть какая-то другая трава, лишь похожая на ту, которая росла в джунглях.

– Слушай, а откуда здесь вообще взялись горы? Даже больше похожие на холмы. Костик же говорил, тут нет активной тектоники, да и неясно, связан ли остров вообще с дном.– Мухаммед, с видимым даже сквозь шлем наслаждением, сел прямо в траву и принялся распаковывать рюкзак. – Жаль, всё-таки, что тут нельзя без скафандра.

– Тектоника наоборот. Кометы, метеориты – Юрий пожал плечами, не желая пока что делиться с остальными своими подозрениями о случайно-искусственном происхождении гор, холма и острова в принципе. Ибо выверенные линии местной природы вызывали у него стойкое ощущение нереальности, некоей чертёжности окружающего пространства

– Терраформирование. Те создания, которые запустили всё, что летает по этой системе, могли бы и на Нептуне ананасы выращивать, причём на открытом грунте. Эволюционировали под водой, потом им зачем-то понадобилась суша, и они создали её. Или и то и другое.

Власов только кивнул, не готовый ни согласиться с предположениями Люды, ни опровергнуть их.

Первым делом Людмила вынула из своего рюкзака и запустила парочку датчиков, которые должны были точнее определить местонахождение источника сигналов.

– Мы на месте. Все сигналы, которые мы принимаем, исходят из верхушки холма. – Люда аккуратно убрала приборы

обратно в рюкзак. – Можно начинать.

Юрий и Муха принялись распаковывать и устанавливать георадар – самый, предположительно, важный прибор, умеющий отыскивать любые неоднородности в исследуемой поверхности. В отличие от своих земных собратьев, по большей части похожих на небольшие тележки, катающиеся по заданному участку, этот радар походил на огромное покрывало, собирающееся из восьми метровых частей. Перемещаться самостоятельно он не умел, но зато позволял моментально создать подробную карту весьма большого куска земной поверхности.

Третий человек только мешал бы сборке радара, так что Люда осторожно выдернула из земли пучок травы и погрузилась в изучение её корневой системы.

И никто из землян не заметил, как на краю холма появилось несколько небольших тёмных силуэтов, тут же снова скрывшихся в густой траве. И ни одна травинка не колыхнулась, отмечая путь, которым хозяева Океана подбирались к ничего не подозревающим пришельцам.

Когда один из сторожей, охраняющих границы безопасного сухого Овала от тварей из моря, сообщил, что в Овале появились огромные твари, размером больше самого высокого великолуста, им никто не поверил. Всем известно, что в Овале просто не может существовать нечто настолько большое и тяжёлое. Недаром морские твари, даже охотясь на Наследников, никогда не выносят в Овал свои тела цели-

ком.

Но потом один из прирученных Наследниками Летучих принёс весть о новых огромных тварях, бороздящих небеса над Овалом. И описание их очень походило на описание, данное разведчиками Наследников тварям, идущим по суше. И это было невозможно вдвойне, ведь всякий знает, что жить и двигаться в небе могут только Летучие и их наездники. Но, как бы умён ни был тот Летучий, что принёс весть, вообразить нечто несуществующее он не смог бы. Значит, в небесах и на суше действительно появились... кто?

Наследники считали себя полноправными властителями и моря и Овала: самыми умными, самыми свирепыми, самыми хитрыми, дважды рождёнными и способными выжить и под водой и на суше. Лишь воздух не покорился им от рождения, но, приручив множество Летучих, они смогли полноправно называть себя властителями всех трёх жизненных пространств.

Они бы поняли, если бы неизвестные, с такой лёгкостью управляющиеся в воздухе, оказались похожи на них самих, на Наследников. Возможно, это были бы те самые, давно ушедшие Прародители, податели благ, чьи следы видны и в небе, и в воде, и в Овале. Но Вождь был уверен: даже в третьем рождении, если бы оно было, Наследники не смогли бы стать такими уродливыми.

К тому же, будь это Прародители, разве не сообщили бы они о своём сошествии? Разве стали бы оскорблять Холм

Памяти, приближаясь к нему не по заповеданной ими самим тропе? Поняв всё это, Вождь понял главное: кем бы ни были чужаки, они враги Наследникам. Они желают осквернить – уже почти осквернили – Холм Памяти. Их следует остановить любой ценой.

И тогда он взял копьё, и приказал всем существам, способным держать оружие в руках, идти за ним, и повёл их запретным путём, но лишь ради того, чтобы защитить Холм.

Нападение было организовано по всем правилам военного искусства. Прячась в естественных укрытиях, пользуясь моментами, когда неизвестные чудовища, оскверняющие Холм Памяти, отворачивались, храбрые воины подкрались к ним практически вплотную. И только тогда их Вождь, ещё до-существом отличавшийся и умом, и размерами, подал сигнал к атаке.

– Ребята, вы слышали этот свист? Не может быть так, что тамышь вернулась и привела с собой родственников и друзей? – Муха перестал крепить последний блок радара, выпрямился, покрутил головой, в поисках источника странного звука. – Хотя та погромче пищала.

– Да нет, звук откуда-то снизу шёл. – Юрий наклонил голову, пытаясь рассмотреть, что происходит на земле.

Мухаммед снова опустился на колени, взялся за один из трёх оставшихся контактов, но почти сразу же вскрикнул, резко вскинул руку и неверяще поднёс её к глазам. На пер-

чатке скафандра, плотно обхватив её задними лапами, висела очаровательная большеглазая ящерица, сильно смахивающая на земного геккона, и, отклоняясь под совершенно невозможными углами, методично долбила скафандр Мухи самым настоящим копьём. Передняя часть тела ящерицы была бурой, близкой по цвету к местной траве, задняя, которой она держалась за перчатку Мухи, медленно светлела, приближаясь по цвету к ярко-жёлтому скафандру.

Не успел Мухаммед ни оторвать от себя нападающего, ни как-то обездвигить его, как Людмила взвилась вверх, умудрившись ещё в полёте выхватить «бим» и, замерев в нескольких метрах от земли, начать поливать блокирующими зарядами весь кусок травы, на котором сидела.

Юрий взлетел секундой позже, успев прикрепить к поясу все три рюкзака, но стрелять не стал – махнул Мухе, чтобы тот тоже поднимался в воздух, и завис на одном месте, разглядывая неподвижную траву.

– Георадар надо вырывать. – Людмила спрятала оружие в чехол, сообразив, что попасть в мелкую юркую цель, виртуозно прячущуюся в траве, хоть из револьвера, хоть из «ВБ-ЭИМа» – задача практически непосильная.

– Надо. Такой большой и мощный у нас один остался. Но как? Если кто-то из нас останется только с запасным скафандром – будет плохо. – Юрий прикрепил на шлем дополнительный экран, позволяющий видеть тепловые контуры, медленно осмотрел поверхность холма. – Или они холодно-

кровные, или ушли. Первое вероятнее, значит, шлем не помощник.

– Можно спикировать и попытаться его быстро поднять. Контакты там надёжные, выдержат. Потом спикирую ещё раз, за последним, не прикреплённым, блоком. – Мухаммед пару раз покрутился вокруг своей оси, по-новому оценивая сопротивление местного воздуха.

– Руки переломаешь. – Юрий покачал головой, представляя себе этот рискованный манёвр.

– Не переломаю. Тем более у нас на этот случай куча фиксаторов имеется. – Муха пожал плечами. – Или так, или кто-то рискует скафандром, или оставляем радар. И думаем быстрее, вон, парочка местных на левый блок выползла, не повредили бы со злости.

– Я воздержусь. – Люда с неприкрытой яростью в глазах рассматривала двух серебристых – в цвет радара – ящериц, стоящих на блоке, гневно потрясающих копытами и что-то свистящих.

– Хорошо, лети. – Власов провёл рукой по правой стороне шлема, скрывая собственную нервозность. Все три имеющиеся у них варианта были одинаково плохи, но у предложенного Мухаммедом был хотя бы шанс на успех.

Муха завис в стороне от радара, затем, подумав, поднялся ещё на несколько метров вверх. И, перевернувшись, ринулся вниз, вытянув руки вперёд. И только тогда Люда и Юрий, не сводящие глаз с пикирующего товарища, заметили, что

на спине Мухи, прямо под «крыльями», распласталась и, кажется, даже закрыла от ужаса глаза, маленькая жёлтая ящерица.

– Мне кажется, или это та самая, которая первой на Муху напала? – Люда положила руку на чехол револьвера – пуля с нейротоксичным ядом не испортила бы скафандр, но устранила бы возможную угрозу Мухаммеду.

– Возможно. – Юрий пожал плечами. – Не стреляй, вдруг убьёшь, а не парализуешь. Ящерка на Мухаммеда явно не нападает, а так у нас будет заложник-объект исследований.

– И то верно. Но снимать её с Мухаммеда будешь ты, я боюсь. – Людочка победно вскинула руку, видя, как товарищ выходит из крутого пике, крепко сжимая в руках центральный блок георадара. За ним, словно воздушные шарики наоборот, тянулись ещё шесть блоков. Внизу ящерицы, слетевшие с облюбованного насеста, засвистели ещё громче, почти сравнявшись громкостью с былинным разбойником.

– Держите! – Муха завис перед Юрой, протянул большую часть георадара, и был весьма удивлён, когда конструктор резко нырнул ему за спину.

– Мухаммед Алиев, я поздравляю вас с удачным забором образцов! – Власов продемонстрировал бешено размахивающую лапками ящерицу и, аккуратно запутав аборигена в мягкую, но прочную клейкую нить для фиксации биологических образцов, запихнул его в большой внешний карман рюкзака. Доносящий снизу свист сородичей пленника стал

другим, яростным, если так вообще можно сказать о свисте.

Наконец, все блоки георадара вернулись на свои места, и земляне зависли над холмом, разглядывая никак не унимающихся аборигенов.

– И что теперь? На корабль? Или сообщим Косте, что нам нужна помощь? – Люда была всё ещё в шоке от случившегося. Особенно от того, что её – человека – прогнал с холма десяток мелких ящериц.

– Не стоит пока. Спокойно вернёмся, соберём по дороге образцы, спокойно изучим добычу... – Власов улыбнулся, вспоминая о лежащем в рюкзаке пленнике. – Может и договоримся.

– Юрий Валерьевич, Люда, – Мухаммед с силой потёр руки, собираясь с мыслями, – я бы не стал собирать образцы по дороге к «Вестнику» и вообще лучше полетел бы к нему. Если сородичи нашего пленника попытаются отбить его, то в тех зарослях мы их заметим только тогда, когда они к нам на головы заберутся.

– Юра, Мухаммед прав. Полетим сразу на корабль, потом, если что, с другой стороны острова листьев нарежем и насекомых наловим. – Людмила одобрительно похлопала Муху по плечу. – И пленника лучше бы поскорее достать из рюкзака.

– Хорошо, возвращаемся по небу. Всем достать оружие и быть готовыми к бою – мы всё ещё не уверены в том, что мышь не вернётся с подкреплением.

Теперь они летели клином – Власов впереди, Муха за его правым плечом, Людочка – за левым. Поначалу летели молча, оглядываясь, замечая опасность в каждом колебании тумана, в каждом колышущемся на земле листе.

Но чем ближе они подлетали к «Вестнику», тем сложнее становилось оставаться в напряжении. Листы всё чаще оставались листьями, а еле заметные перемещения тумана – признаком того, что земляне наконец-таки смогут как следует рассмотреть остров.

Наконец, Людочка, некоторое время не сводившая взгляда с рюкзака Юрия, умиленно сказала:

– А они всё-таки хорошенькие. Мухаммед, ты со мной согласен?

Муха кисло кивнул. С его точки зрения проиграть хорошеньким существам размером меньше земной кошки, было позором худшим, чем проиграть существам такого же размера, но очевидно опасным.

Бой был выигран. Пусть ценой потери Воздя, но это можно легко исправить – если громадины живут в воздухе, то Летучие понесут на себе вооружённых существ, и на сей раз удача будет на их стороне; если же чужаки живут на суше или в воде, как и сами Наследники, – невелика беда, разведчики уже разбежались по Священному холму, ждут, и даже самому хитрому и быстрому листовому червю не ускользнуть от их взгляда.

Да даже если и не вернётся Воздь – что может быть

выше и священнее, чем умереть во славу Холма?

Безымянная

Батискаф вертикально взлетел над поверхностью, завис на несколько мгновений и резко ушёл вправо, сначала превратившись в расплывчатое кольцо красных габаритных огней, а затем и вовсе пропав из виду. Сергей, в этот раз всё же нашедший в себе силы не провожать Кристину и Роланда в полёт, как в последний, с трудом оторвался от прохладного иллюминатора в рубке – драгоценное время, исчезновение которого он в последнее время ощущал всё отчётливее, не стоило тратить по пустякам.

Дело, одновременно и простое и сложное, ждало его в лаборатории – отгороженной тонкой стенкой половине первого научного отсека, ослепительно-белые стены и потолок которой покрывал хитрый состав, препятствующий размножению большинства известных человечеству микроорганизмов, способных существовать в условиях «Дружбы».

В центре, на таком же ослепительно-белом, как и стены, столе, лежал монотонно-серый Змей, надёжно зафиксированный у окончания хвоста и там, где грудная клетка, сужаясь, плавно переходила в голову. Его голову и шею пятнали разноцветные нашлётки электроэнцефалографа, которые Сергей, не зная точно, где находится мозг существа, просто симметрично расположил во всех зонах, в которых мог бы находиться мозг разных земных животных. К сожалению,

сохранность тела первого Змея оставляла желать лучшего, да и инструменты у Елизаветы были лишь самые основные, так что точных данных о строении нервной системы Змеев у землян не было.

По оставшейся части Змея симметрично расположились датчики кардиографа – искать сердце или что-то подобное тоже приходилось методом научного тыка.

Бросив взгляд на идеально чистую поверхность стола, Сергей внимательнейшим образом изучил табло обоих «графов» и задумчиво постучал пальцем по переносице. Змей по-прежнему не двигался, не выделял тепла или каких-то веществ, не проявлял электрической активности, в общем, не делал совершенно ничего свойственного земным живым организмам. Всё это косвенно подтверждало теорию Роланда о сработавшем автозапуске и о том, что Змей – что-то вроде простенького киборга. К собственному искреннему сожалению, Сергей никак не мог так же легко и просто вычеркнуть инопланетянина из списка существ, которым не следует причинять излишних страданий, и сразу приступить к вскрытию. Ибо существо, рождённое в неизвестных условиях, могло обладать жизненными циклами, сколько угодно отличающимися от привычных землянам.

– Полная визуализация. Нарращивать мощность до тех пор, пока изображение не будет получено. – Вделанная в потолок огромная лампа мультисвета, способная не только светить, но и генерировать рентгеновское и ультрафиолетовое

излучение, мигнула, отзываясь на команду Сергея. Одновременно мигнул связанный с ней генератор ультразвука, и за светился вделанный в стену экран: система создания полноценных изображений живых организмов заработала на полную мощность – впервые за эти несколько дней.

Первое время доктор Демидов, не желая рисковать жизнью подопытного, использовал лишь весьма щадящие параметры рентгена и ультразвука. Увы, на малой мощности земным приборам не удалось «просветить» даже первый слой серой «шкуры» змея. Средняя мощность, она же максимальная для большинства органических существ, если исследователь хотел обойтись без излишних повреждений, продемонстрировала двухсантиметровый слой ткани, чрезвычайно похожей на гладкие мышцы человека, покрытый слоем чего-то, отдалённо похожего на застывший латекс.

Будь у Сергея побольше времени – он постарался бы придумать ещё какой-то способ создать визуализацию внутреннего строения Змея, не прибегая к потенциально опасным мощностям излучений. Но времени не было.

Пока аппарат начинал работу, посылая в Змея пучки излучения и ультразвука, доктор Демидов ушёл в соседний отсек, снабжённый качественной системой записи и сохранения проекционных видео. Получаса, обычно требующегося для создания полной визуализации, должно было хватить ещё на одно дело, сделать которое в присутствии других космонавтов было совершенно невозможно.

Сергей включил про-камеру, пододвинул серый лабораторный стул на толстой круглой ножке, отрегулировал параметры записи так, чтобы в кадр не попадало ничего, что хотя бы в теории можно было счесть секретными разработками ОСР. О нет, он не беспокоился из-за того, что коллеги Юрий Валерьевича не передадут запись по адресу, если такая необходимость действительно возникнет – адресат записи, скорее всего обладал и более высоким уровнем доступа, чем требуемый для того, чтобы видеть внутренности «Дружбы». Но Сергей точно знал – безалаберного отношения к сохранению тайны кадровый генерал Демидов не потерпит даже на, возможно, последнем видео сына.

Убедившись в том, что форменный комбинезон застёгнут, нигде не перекошен и не запачкан, а футболка виднеется из-под него в полном соответствии строгим законам симметрии, Сергей устроился на стуле и, глядя на синий огонёк начавшей запись про-камеры, скупно улыбнулся.

– Привет. Я помню, как ты не любишь долгих предисловий, да и в моих глазах ценность секунды нынче резко увеличилась, так что сразу к делу. Ты был прав, говоря, что однажды мне придётся взять на себя ответственность за чужие жизни и судьбы, и к этому следует быть готовым. И, пожалуй, даже в том, что уметь это должен каждый, какие бы планы на жизнь он не строил. Я шёл в команду «Вестника» корабельным врачом, специалистом по контактам с нечеловеческим разумом. А теперь, волею случая, оказался временным капи-

таном для команды из двоих человек, которые, кажется, так и не осознали, что болезни, приходящие с недостатком питательных веществ, могут убить нас намного раньше, чем настоящий голод доберётся до нас. Я смотрю на них и вижу, что они верят в то, что я что-то придумаю, найду способ вернуться домой. И, признаюсь честно, я был бы готов к этой ответственности больше, если бы в своё время чаще слушал тебя. Но, имей в виду, я по-прежнему считаю, что популяризация трудов Вишнёва в конце восьмидесятых – благо. И декларируемый им социал-гуманизм намного лучше подходит для столь несовершенных существ, как мы. Существ, обременённых тяжким наследием биологических механизмов, крайне полезных для выживания в саваннах и весьма вредных для жизни в цивилизованном обществе. И не показывай это видео маме – ей я запишу что-то правильно-героическое, потом, когда все будем записывать прощальные видео.

Сергей слез со стула, отключил про-камеру и убрал ХИН-КО¹³ в потайной карман комбинезона. Судя по доносящемуся из лаборатории жужжанию, он успел как раз вовремя – до завершения создания визуализации оставались считанные минуты.

Наконец на экране появилось долгожданное изображение, и Сергей, в душу которого постепенно возвращался исследовательский азарт, раздражённо тряхнул рукой – изображение снова было неудачным. К двум верхним слоям добавил-

¹³ Хранилище Информации на Кварцевой Основе

ся третий – схожий проницаемостью с верхним, псевдо-латексным. И всё. Ни трёхмерной карты органов и полостей, ни строения скелета – а у Змея Лазаревой скелет был совершенно точно! – ничего, совершенно ничего.

Оставалось только вскрытие. Вынимая из встроенных в стены шкафов скальпели, зажимы, герметичные контейнеры и прочие необходимые инструменты, Сергей размышлял о том, что не отказался бы иметь в качестве напарника доктора Лазареву. Во-первых, как он признавал без излишнего стеснения, Елизавета была из тех талантов, которые рождаются раз в столетие и крайне редко остаются безвестными. Во-вторых, и это было чуть ли не важнее первой причины, во времена Елизаветы к рискованным экспериментам над людьми и животными уже относились как ко злу, но всё ещё – как ко злу необходимому.

Доктор Демидов, рождённый спустя почти сто лет после Елизаветы Лазаревой, имел доступ к знаниям и технологиям, которые человеку середины двадцатого века показались бы сошедшими прямиком со страниц книг Стругацких и Ефремова. Микроскопы самостоятельно выделяли внесённые в их память участки и искали сходные на соседнем предметном стекле; секвенирование генома из утомительной трёхэтапной процедуры превратилось в обыденную, получасовую; синтетические нервные волокна имплантировались во все устройства, для которых подобный функционал считался достаточно безопасным, и эти устройства становились на-

дѣжными помощниками человечества.

Но ни одно из этих устройств не могло облегчить совесть Сергея Демидова, большого ценителя древней литературы и убеждённого социал-гуманиста, сделать первое движение скальпелем и, возможно, собственноручно убить представителя внеземной цивилизации.

Некстати вспомнилась «клятва Ульянова» – повторѐнное в книгах, фильмах и песнях обещание найти сородичей погибшего на Венере Змея, и рассказать им о гибели мученика науки. Так и не сумев внятно ответить на вопрос, приближает он сейчас выполнение клятвы или отдаляет, доктор Демидов разозлился сам на себя и, выведя на половину экрана сведения из отчётов Лазаревой, сделал первый разрез.

Сергей ожидал, что упорно сопротивлявшаяся ультразвуку и рентгену покровная ткань инопланетянина не сразу поддается и лазеру. Но нет – тончайшее лезвие лазерного скальпеля с лёгкостью рассекло «кожу» Змея в районе грудной клетки – и искусственность существа стала очевидной.

То, что должно было быть кожей, подкожным жировым слоем и мышцами, оказалось чем-то вроде трёхслойного мешка с весьма слабо соединѐнными между собой слоями. Ничего даже похожего на органы или иные функциональные образования в открывшейся полости не было – только со свистом улетучившееся сквозь разрез какое-то газообразное вещество, да идущий вдоль всего тела полупрозрачный трёхгранный столб.

Летучее содержимое Змея не имело ни цвета, ни запаха, но Сергей всё же отвлёкся от вскрытия – газ вполне мог оказаться чем-то очень токсичным, но пока ещё неизвестным землянам.

– Вывести на экран диаграмму изменений состава атмосферы в лаборатории за последние пять минут.

Искс сработал практически моментально – не прошло и десяти секунд, как изображение тканей Змея сменила диаграмма идеальной для человека смеси газов, находящейся в лаборатории. Лишь микроскопическое повышение содержания водорода свидетельствовало – вышедший из Змея газ Сергею не почудился.

– Интересно, в Змее Лазаревой тоже был водород?

Сергей снова склонился над операционным столом, изучая единственный внутренний «орган» – тонкий трёхгранный сегментированный столб, сужающийся к низу. Судя по фотографиям столетней давности, Лазарева приняла его за позвоночник: делая вскрытие на Венере и имея весьма ограниченный набор инструментов, доктор Демидов тоже пришёл бы к такому выводу. Но сейчас, находясь в прекрасно оборудованной лаборатории и имея под рукой весь накопленный человечеством опыт, Сергей понимал – перед ним продукт технической эволюции, но никак не биологической.

Столб начинался от центрального хвостового отростка, шёл к «грудной клетке», где обзаводился точно такой же поперечной перекладиной, которую можно было легко спутать

с ключицами, и заканчивался примерно в середине головы. Поперечная переключина, в свою очередь, разделялась на двенадцать (по шесть с каждой стороны) пружинистых трубочек, обтянутых покровной тканью и выведенных на внешнюю поверхность «тела». Манипуляторы, принятые за чуждый аналог рук. Определить точно назначение аналога пальцев Сергей не смог, но это и не требовалось. Было вполне очевидно, что здесь нужен не врач и не биолог. Изучать сие чудо инопланетной техники следовало инженерам.

Теперь первоначальный трепет перед чуждой сложной жизнью казался смешным и даже немного стыдным. Написав заключение, Сергей отправил результаты исследований и видеозапись на Землю и, на всякий случай, на «Вестник». Окончательно поверить в то, что смешливая Людочка, надёжный как скала Власов, непоколебимый Костя и прямолинейный Муха действительно сгнули безвозвратно, было выше его сил. В конце концов, «Дружба» тоже на какое-то время пропадала с экранов радаров.

Карта поверхности Безымянной составлялась очень легко и просто: действительно, что может быть сложного в том, чтобы фиксировать отсутствие любого рельефа?

Батискаф облетал планету по спирали, сужая витки и постепенно приближаясь к самой северной точке Безымянной – там должно было завершиться картографирование. Исследователи внутри него по очереди спали, глотали карликовые

порции пищевого концентрата со вкусом курицы (Роланд и Кристина единогласно решили, что лучше есть понемногу, но три раза в день, чем всю порцию, но только один раз), и по одному следили за «пейзажами», сменяя друг друга тогда, когда приступы парейдолии становились особенно сильными.

Иногда – когда казалось, что однообразная белёсая муть под днищем немного истончилась – батискаф останавливался, и космонавты пытались разглядеть, что представляет собой поверхность планеты. Увы, ни просветить, ни разогнать туман так и не удалось, слепое же ощупывание не добавляло ничего нового к уже известному набору сведений: упругая, идеально гладкая поверхность, не издающая доступных человеческой аппаратуре звуков.

На второй день утомительно-размеренного существования Крестину посетила идея. Следует отдать девушке должное: с желанием воплотить свою идею она честно боролась целых несколько часов. Но любопытство всё-таки победило.

– Роланд, а давай попробуем рассеять туман, заставив его с чем-нибудь прореагировать?

– Что сделаем?! – Роланд с тревогой взглянул на напарницу, пытаясь увидеть в её лице или жестах: шутит она или начинает бредить.

Кристина пожала плечами.

– Это самый быстрый и просто способ рассмотреть «землю». Все химические вещества с чем-то реагируют, я это ещё

со школы помню. Найдём, от чего углекислота выпадает в осадок, поставим что-нибудь больше и прозрачное, запустим туда нужную штуку, потом уберём как-нибудь осадок и будет видно, что внизу. Георадар не работает, взять пробы не получается, что ещё делать? Если здесь не найдётся ничего подходящего – скажем Сергею, пусть на «Дружбе» поищет, там много всякого химического.

Роланд всесторонне обдумал предложенную идею. Из рамок приказа это не выбивалось, серьёзного вреда причинить не могло, каких-то неочевидных последствий тоже вроде как не несло. Возможно, они бы даже успели найти и испробовать подходящее вещество, если бы не вызов от «Дружбы».

– Вы молодцы, что нашли и притащили Змея. Я сейчас передам идентификаторы, забудёте их в спектрометры. Земля считает, что таким образом получится найти ещё Змеев. Всех, кого найдёте, – взвешиваете. Находите самого толстого, и сообщаете мне. И больше никакой – вообще никакой – самодеятельности!

– Будет сделано, товарищ временный руководитель! – Роланд шутливо отдал честь, затем, заметив умоляющую рожицу Кристины, аккуратно уточнил. – А нам можно узнать, в чём дело? Как-то странно: похвалить-похвалили, а за что – непонятно.

– Если Родион прав, то вы нашли... – Сергей замялся, пытаясь двумя словами передать суть сообщения ученика Арины Ройской, затем махнул рукой. – Сейчас пришлю его про-

видео, сами послушаете.

Проекция земного учёного радовала глаз кислотно-оранжевым горнолыжным вязаным шлемом и иногда появляющимися в «кадре» оранжевыми же лыжными палками – по всей видимости, Родион Зубов выходил на связь напрямую с одного из всесезонных лыжных курортов Объединения. И, судя по манере разговора, зрителями про-видео изначально должны были быть только сотрудники его лаборатории.

– Вы, ребята, только сразу меня в психушку не запирайте. Значит вот, – рука Зубова описала круг и в «кадре» впервые появилась лыжная палка, – у нас планета. Слишком большая для нормальной планеты и, при этом, слишком тяжёлая для своего размера и состава. Категорически странная планета, короче. И вот катаюсь я и думаю: а что, если это вообще не планета, а? Ну то есть у нас есть некая крайне продвинутая цивилизация, пользуясь наработками которой мы всего за сто лет из технологических обезьян превратились в технологических кроманьонцев. И есть планета, подозрительно похожая на неправильную звезду. И я задаю себе вопрос: а не могла ли наша загадочная мегацивилизация превратить зародыш звезды в планету? Зачем? Ну например ради синтеза каких-то интересных соединений ... Не, неправильно выражаюсь. Не в планету они превращали зародыш звезды, а в маленький свечной заводик. Быстро охладили, получили нужные условия, а, может и сразу нужное вещество, и теперь его оттуда потихоньку достают. Как достают? Да как угодно,

хоть теми же змеями таскают. – Здесь Родион задумался на пару минут, за которые чуть не получил по голове возникшим из ниоткуда куском лыжи. – Уточните у Демидоваа, у него при разборе водород, кажется, из змея выходил...

На этом моменте про-видео обрывалось, но всё было понятно и так.

– Ну что, вперёд, на поиски самого толстого змея? – Роланд был очень-очень доволен, практически счастлив. Наконец-таки в путешествии появились правильные, нереально технологически развитые инопланетяне.

Кристина только грустно кивнула. Несмотря на хорошие новости, ей всё-таки было очень интересно, сработала бы её идея, или нет.

Передав на батискаф распоряжение с Земли, Сергей принялся за работу. Если Зубов прав, то где-то в начинке змея обнаружатся координаты, по которым аппарат должен доставить свой груз. И тогда уже будет не до изучения «платочков» – нужно будет лететь по змеиному маршруту, надеясь, что там обнаружится хотя бы постоянно обитаемая база, если не та самая материнская планета расы, создавшей «Объект 1». Ибо это – единственный реальный шанс не умереть голодной смертью в пятидесяти тысячах световых лет от Земли.

И по сравнению с этим шансом все загадки Безымянной должны отойти – и отойдут – на второй план.

Нет, земляне на Безымянную, конечно же, ещё прилетят, если позволят её неведомые хозяева-создатели. Окончательно изучат природу платочков, восхитятся неведомой технологией, позволившей заморозить звезду, возможно даже, смогут однажды сотворить нечто подобное. Но, даже если «Дружба» вернётся домой, войдёт ли он, доктор Демидов, в состав ещё одной экспедиции? Сергей не мог ответить на этот вопрос. Ещё перед отлётом две глобальных научных школы, включающие в себя и астрофизиков, и биологов самых разнообразных направлений, и врачей, сошлись в непримиримой битве: насколько полёт «Вестника» подорвёт здоровье находящихся на борту людей?

Так называемые «позитивисты» утверждали, что использующиеся сплавы и технологии целиком и полностью воссоздают космонавтам земные условия, а моменты выхода в открытый космос и прочих ситуаций, требующих использования всех возможностей скафандров – незначительные эпизоды, не способные серьёзно повлиять на здоровье изначально крепких людей. За психическое здоровье космонавтов они тоже не беспокоились – не зря же каждому члену экипажа дали возможность обставить каюту по собственному вкусу и захватить с собой в полёт удобную одежду и дорогие сердцу безделушки.

«Негативисты» настаивали, что сам стресс от участия в настолько ответственной миссии уже способен изрядно подпортить если не физическое, так психическое здоровье кос-

монавтов. И рисковать случаями проявления каких-то расстройств головного мозга, заставляя людей переживать подобное во второй раз – есть эксперименты в стиле доктора Менгеле.

И если изначально Сергей поддерживал «позитивистов», то теперь, видя, как в напарниках всё чётче вырисовываются качества, первое время казавшиеся всего лишь незначительными составляющими их личности, был склонен соглашаться с «негативистами».

А раз так, то кто знает, каким вернётся на Землю он сам? Следовательно, пока Роланд и Кристина путешествуют по Безымянной, разыскивая самого заполненного змея, есть время как можно ближе изучить «платочков». И даже если это будет расходиться с идеалами социал-гуманизма – он, Сергей Демидов, это как-нибудь переживёт.

Собственно говоря, у него было ровно одно хорошее предположение, которое стоило бы проверить. Для этого нужно было сделать резервуар, в котором бы поддерживались условия Безымянной, и выловить «платочек» подходящего к резервуару размера. Затем следовало предлагать существу крупницы простых и сложных веществ с заведомо известными пространственными формулами. И следить за результатом.

Первым делом Сергей задал земным инженерам вопрос, есть ли возможность сделать нужный резервуар на «Дружбе», если его вероятный создатель хорошо умеет разрезать и зашивать и плохо – разбирать и запаивать. Через три часа

он получил про-видео, озаглавленное «как в домашних условиях превратить очистительную камеру в камеру для содержания пленного инопланетянина». На нём незнакомый Сергею крупный усатый мужчина в клетчатой рубашке, представившийся ведущим сотрудником Калининградского Завода Очистительных Приборов, описывал, что и куда нужно переподключить в очистительной камере, чтобы заполнить её CO₂ и добиться давления в семьдесят четыре атмосферы и температуры в тридцать градусов по Цельсию.

Подобное исследование потенциально грозило «платочку» ранней гибелью, так как воссоздать в переделанной камере все привычные аборигену условия, было совершенно невозможно. В первую очередь потому, что никто не мог поручиться, что ему эти условия известны. В лучшем случае за время жизни «платочек» успел бы сожрать достаточно материала, чтобы подтвердить или опровергнуть предположения Сергея.

Несмотря на то, что автор видео разжевал всё, как он сам выразился, так, чтобы даже его дурная кошка поняла, Сергей провозился целых шесть часов. Правда, один час из них заняли два приёма пищи – тщательно пережёвывать однородный пищевой концентрат, имеющий текстуру картофельного пюре, было крайне неприятно. Но полезно – так мозгу какое-то время казалось, что его покормили порцией обычного размера.

В остальное время он отсоединял, переподключал и при-

паивал, тщательно сверяясь с про-видео и тихо радуясь, что его первая специальность – нейрохирург – требовала не только теоретических знаний, но и умения работать руками. Наконец, убедившись, что в камеру с поверхности нагнетается CO_2 в нужном состоянии, Сергей принялся искать подопытного.

Поняв за время нахождения на Безымянной, что местные жители крайне неохотно попадают на глаза просто так, зато мгновенно собираются к месту, в котором сильно изменяется химический состав «атмосферы» или энергетическое поле планеты, Сергей решил схитрить: положил кусок полиэтилена прямо возле шлюза, через который углекислота попадала внутрь челнока. И, подсветив шлюз и направив на него одну из внешних камер «Дружбы», принялся ждать.

Первое пришедшее к «чему-то новому» создание было очень велико. Сергей не был уверен, что видит его целиком – нижняя часть «платочка» уходила под челнок и, вполне возможно, там даже не заканчивалась. Не будучи уверен в том, что насос сможет втянуть в себя существо целиком, и что «платочек» не повредится, двигаясь по узким трубам, доктор Демидов приготовился наблюдать за тем, как абориген будет изучать приманку. И каково же было его удивление, когда «платочек» лишь на пару минут завис над полиэтиленом и растаял, оставив приманку практически нетронутой. Вслед за ним появились несколько совсем мелких существ, поймать которых для исследования, конечно, можно было...

Но они были не идеальными объектами эксперимента. Сергей ждал небольших созданий размером от десяти до пятнадцати сантиметров – именно они, по его наблюдениям, были самыми любопытными. Если, конечно, их поведение вообще можно было описывать этим словом.

Мелочь не собиралась пропадать, поглощённая «пережёвыванием» доселе неизвестного материала и Сергей, предвидевший подобное развитие событий, сдул подальше и приманку и аборигенов. А перед шлюзом выбросил ещё один кусок такого же полиэтилена. И тогда появились и они – три прекрасных экземпляра нужных размеров и живости. Сергей включил насос, понаблюдал за тем, как «платочков» вместе с углекислотой втягивает внутрь камеры, и закрыл шлюз, оставив мелюзгу развлекаться снаружи, но под присмотром камеры.

Оказавшись в камере, «добыча» повела себя странно – исчезла. Сергей, зависший возле приёмного бокса с кусочком сахара в руках, сначала решил, что «платочки» каким-то образом спрятались в клубах углекислоты. Но, тщательно просветив камеру, доктор Демидов убедился: в камере осталась лишь углекислота, объекты исследований просто перестали существовать. Это было невероятно, но это было.

Немного подумав, Сергей решил, что «платочки» попросту не перенесли движения внутри насоса. И, раздражённо бросив сахар в резервуар, принялся натягивать скафандр – следовало постараться поймать новую жертву. Возможно,

даже двух. И, на сей раз, сделать это собственноручно. И каково же было его удивление, когда присоединённый к камере микроскоп подал сигнал «обнаружено движение, включаю запись». Как был – в натянутом до пояса скафандре, с волочащимися по полу рукавами, Сергей кинулся к микроскопу.

Один платочек, подрагивая, буквально обнял своим полупрозрачным телом кубик сахара и, судя по выведенной на отдельный экран многократно увеличенной проекции, сейчас «увлечённо» занимался тем, что создавал в своём теле аналогичные сахарозе пространственные формы. Ещё два пытались подобраться к сахару снизу, то и дело отталкиваясь друг о друга. Рассмотрев их увеличенную проекцию, Сергей узнал пространственные формы полиэтилена и, к собственному удивлению, графита. Несмотря на то, что он искренне не понимал, откуда на Безымянной вообще мог взяться графит, на этом первую часть эксперимента можно было считать успешно завершённой.

Через несколько часов Сергей удовлетворённо обозрел троих очень крупных, можно даже сказать, раскормленных, «платочков», с трудом уместяющихся в объективе микроскопа. Существа последовательно скопировали строение молекул сахарозы, целлюлозы, нескольких аминокислот и – как высший пилотаж – целого гемоглобина. Впрочем, материал камеры они тоже не обошли своим вниманием, но как-то очень выборочно – например, добросовестно воспроизвели цинк и медь с латунных деталей камеры, но проигнори-

ровали металло-стекло её стенок. К сожалению, понять, как именно «платочки» это делают, так и не получилось. Сначала аборигены зависали над предложенным веществом, «пробуя» его разными участками тела, а затем немного увеличивались – и в проекции было хорошо видно, как одномоментно на краю существа появляется соответствующая молекула. Причём оригинальное вещество уменьшалось на некий процент, всегда разный, но зафиксировать момент перемещения «откушенного» и приращения его к телу существа так и не удалось. К тому же, новые участки «платочка» состояли из того же, из чего и старые – из водорода, собравшегося в пространственные формы органики. Чего, строго говоря, вообще не должно было происходить. Насос бывшей очистительной камеры даже не пытался создавать давление, при котором существование металлического водорода стало бы возможным.

Сергей уже собирался закончить эксперимент и освободить камеру от не пострадавших «платочков» и от предложенного им угощения, но вдруг вспомнил обстоятельства экстремальной посадки «Дружбы». Особенно то, как Роланд и Кристина стучали по стеклу, а аборигены, вроде как, реагировали на создаваемые стуком вибрации. Это следовало проверить, тем более, что для проверки нужно было лишь принести и установить про-камеру, чтобы заснять происходящее ещё и снаружи.

Подготовившись к эксперименту, Сергей встал боком к

очистительной камере и решительно по ней постучал. Аборигены не реагировали. Сергей постучал ещё раз, сильнее, с тем же результатом. Желая проверить – не реагируют ли они на его действия вообще или реагируют, но каким-то неожиданным образом, Сергей включил подсветку. И выругался, а затем протёр глаза древним ритуальным жестом – внутри никого не было. Причём камера по-прежнему была заполнена только углекислотой, в тех же объёмах, что и ранее.

Сергей отправил внутрь ещё один кусочек сахара. Никакой реакции. Добавление в резервуар новых порций прочих веществ, применявшихся для эксперимента, ситуацию не изменило.

Если бы не про-запись исследований Сергей, пожалуй, запросил бы консультацию самого опытного специалиста по психическим болезням космонавтов. Но на про-записи «платочки» был совершенно чётко видны! Вспомнив обстоятельства первого появления аборигена, Сергей пожал плечами и, решив, что хуже всё равно не будет, отправил в резервуар чайинку. И – о чудо! – не прошло и двух секунд, как «платочки» подплыли к чайинке и самый шустрый принялся «жевать» её.

Заканчивать эксперимент однозначно было рано. И обязательно нужно было подобрать ещё какие-то вещества, которые можно было бы предложить аборигенам.

Поиски тяжёлых змеев затянулись на несколько дней. К вечеру первого Кристина и Роланд даже засомневались в

возможности найти хотя бы одного змея по данным, предложенным Землёй. Только на следующее утро, когда батискаф закончил облетать высокие широты и сместился на несколько градусов южнее, спектрометр впервые сообщил о регистрации приблизительно похожего спектра.

Спустившись по полученным координатам, исследователи обнаружили активно работающего змея – даже без использования каких-то приборов было видно, как его хвосты понемногу раздуваются, заполняясь чем-то, очень нужным его создателям. К сожалению, накачка происходила очень медленно – «хитрец» батискафа счёл, что такими темпами змей заполнится только через шесть – семь дней. И космонавты, отметив место в памяти навигатора, улетели дальше – искать более готовых к отправке роботов.

На следующий день они нашли ещё нескольких – но, к сожалению, совершенно пустых, весящих столько же, сколько весил и первый добытый ими образец.

Несмотря на все трудности и промедления, Роланд был по-настоящему счастлив. Те инопланетяне, о которых он грезил и ради которых отправился в экспедицию, гарантировать успех которой не мог совершенно никто, становились всё ближе и реальнее. Теперь их следы были повсюду: в изрядно надоевшей туманной жидкости, в непонятно как пружинящем под ногами металлическом водороде. Во всём, что напоминало о том, как когда-то раса, обладающая огромным технологическим могуществом, решила заморозить мо-

лодую звезду.

И он воодушевлённо искал: самостоятельно, не доверяя приборам, выбегал из батискафа замерять вес и уровень наполненности вновь обнаруженных змеев, пытался найти какую-то систему в их расположении, выстраивал вечерами маршрут на следующий день. И не замечал, что Кристина становится тише и молчаливее не с каждым днём даже – с каждым часом. Она по прежнему выполняла всю необходимую работу, в свой черёд дежурила у руля, связывалась с Сергеем... Но крайне редко поддерживала разговор, не касающийся её непосредственных обязанностей. И всё свободное время сидела в своей мягкой подвесной койке.

Нужного змея они нашли к вечеру пятого дня, практически добравшись до экватора Безымянной. Всесторонне изучив его, Роланд отправил на «Дружбу» долгожданное сообщение: «Змей наполнится через два часа». И координаты.

И был крайне удивлён, услышав тихие всхлипы из кресла, в котором Кристина дублировала информацию сегодняшнего дня для «Вестника».

– Крис, ты чего, что-то болит что ли?

Опьянённый близостью цели Роланд в принципе не мог представить себе ещё какую-то причину плакать. И как же он был удивлён, услышав тихое:

– Я хочу домой.

Разговорить Кристину до прибытия Сергея не удалось. Раздражённая постоянными попытками выяснить, что про-

исходит, она просто забралась в свою койку и застегнула внешний полог. Растерянный Роланд решил не усугублять ситуацию и дожидаться появления Сергея. Сумел же доктор когда-то одним коротким разговором успокоить его, отчаянно боящегося испортить что-то во время экспедиции. Значит, сумеет успокоить и ни с того ни с сего захандрившую Кристину.

Прервавшись на короткий сон и очередное утомительное поглощение концентрата (он питался исключительно концентратом из солидарности с Роландом и Кристиной, которые просто не могли взять с собой на батискаф запас нормальной еды), Сергей вернулся к изучению аборигенов. Впрочем, теперь их следовало называть *hydrogeniosus facturae*, водородные создания, ибо доктор Демидов, хорошо знакомый с традицией называть вновь открытые организмы именами их первооткрывателей, подсуетился, и в отправленном на Землю отчёте предложил наиболее устраивающий его вариант названия. К счастью, оставшиеся на земле коллеги с названием согласились. Ибо мысль о планете, населённой какими-нибудь Фактурэ Демидови, вызывала у Сергея неопиаемый ужас.

Довольно быстро он с восхищением понял – хоть и не мог до конца осознать – что имеет дело с безусловно живым существом, не имеющим при этом никаких общепринятых признаков живого. «Платочки» существовали как отдельные

организмы только в те моменты, когда что-то нарушало баланс их маленького мира, прекращая своё существование в моменты покоя. Но стоило чему-то новому поколебать их мироздание, как «платочки» возрождались в том же количестве и в тех же формах. Причём, новизна оказалась единственным, что влияло на количество и размер проявившихся аборигенов. Например, два новых гидрогена, доставленные из-за пределов корабля и пока ещё не видевшие ни сахар, ни целлюлозу, азартно знакомились и с кубиком рафинада и с листком бумаги, в то время как их более опытные сородичи не соизволили проявиться даже на минуту. После того, как пропали и новые подопытные, изучившие все предложенные вещества, Сергей добавил отдельно глюкозу и фруктозу, на что ожидаемо не среагировал ни один «платочек». Но все они оживились, когда в резервуаре появилась лактоза.

Эксперименты со строением и кормлением «платочков» закончились довольно быстро, в конце концов, это не было прямой специализацией Сергея. И выяснение того, как такое существо вообще может существовать, он с радостью оставил оставшимся на земле коллегам. Им же он оставил тщательное изучение структур всех платочков в поисках того элемента, с которого началось формирование существ – для этого было достаточно фотографий и про-видео. А сам погрузился в изучение того, как взаимодействуют разные особи между собой и с окружающим миром. В первую очередь он пытался понять, есть ли у гидрогенов хоть что-то похожее

на интеллект, на социальные связи между членами группы.

Но как создать нужные условия для существ, которые существуют только тогда, когда рядом с ними есть незнакомое им вещество? Для существ, которые пока что ни одного раза не продемонстрировали умение взаимодействовать с материальным миром иначе, как копируя его? После долгих размышлений Сергей решил исходить из того, что водород, начавший и не закончивший копирование, испытывает хотя бы разочарование. Сначала он отправил в камеру два маленьких металлических штырька, висящих на длинных кусочках полиэтилена – двое аборигенов немедленно облепили их, оставив третьего не у дел. Спустя пару секунд Сергей отправил в камеру третий штырёк и, стоило последнему водороду обхватить его, трепеща краями, как Сергей резко убрал из камеры предыдущие два, оставив двух существ, уже почти скопировавших структуру алюминия, без добычи.

По плану абориген, облепивший оставшийся в камере штырёк, должен был как-то отреагировать на сородичей, так жестоко оторванных от возжеленного предмета. Но нет – водород даже не пошевелился, хотя, сдвинься он немного ниже, и на штырьке прекрасно поместился бы ещё один обитатель очистительной камеры. Но, как и было всегда, водород отпустил штырёк, лишь встроив в себя фрагмент алюминия (у металлов они предпочитали копировать часть кристаллической структуры), а оставшиеся двое устроили небольшой забег, победитель которого немедленно принял-

ся за новую попытку копирования, а проигравший принял- ся кружить под сородичем, ожидая своей очереди. Если это и было социальным взаимодействием, то его смысл и цель ускользнули от Сергея.

Немного поразмыслив, доктор Демидов запросил у «хитреца» подборку статей по исследованиям земных животных с разными типами социальной организации. В его душе всё ещё жила надежда, что среди экспериментов, придуманных для насекомых птиц или моллюсков, найдётся что-то, подходящее и для гидрогенов.

Увы, что бы Сергей ни делал – результаты оставались одинаково неутешительными. У гидрогенов не просто не было никакой хорошо заметной иерархии – даже право сильного у них или не проявлялось вообще никак, или проявлялось неким неведомым образом. С точки зрения человеческой логики разумными были два сценария: либо первыми к новому веществу подходят самые большие и сильные аборигены, либо самые маленькие и слабые. Увы, к разным веществам они подходили в разном порядке, так и не сложившемся в какую-то систему. Причём Сергей даже не мог сделать однозначный вывод, реагируют ли гидрогены друг на друга! Пересмотрев видео «драки» за графит, он попытался воспроизвести те условия, но, увы, и эта попытка оказалась безуспешной.

Сообщение о том, что батискаф нашёл подходящего змея, имело для Сергея эффект, сравнимый с холодным душем.

Он только-только начал приближаться к пониманию сути жизненного цикла гидрогенов!

Но о том, чтобы задержаться на Безымянной ещё хотя бы на несколько дней, речь идти не могла. И доктор Демидов, выпустив подопытных, включил гироскопный двигатель «Дружбы» и задал координаты местонахождения батискафа.

Оставалось надеяться на то, что собранного материала хватит, чтобы сделать какой-то вывод во время полётного безделья. Или на то, что неведомая раса, способная останавливать звёздную эволюцию, уже изучила «платочков» и поделится результатами исследований.

«Дружба» чуть не опоздала. Когда Сергей завис над батискафом, змей уже был целиком заполнен и висел в паре метров над поверхностью, по всей видимости, ожидая сигнала на взлёт.

К счастью, посадочная площадка была расположена так, чтобы челнок мог при необходимости втянуть любое из устройств, предназначенных для перемещения по планетам, целиком. Мысленно поблагодарив неизвестного конструктора, настоявшего именно на такой конструкции площадки, Сергей втянул батискаф и устремился за змеем, уже оторвавшимся от поверхности и целеустремлённо поднимающимся в небеса.

«Вестник»

Оказавшись в плену, Вождь яростно сражался – копьё он потерял во время безумного полёта на спине чужака, но когти на обеих парах рук и острые зубы остались при нём. И Вождь с силой, приданной ему отчаянием, пытался разодрать обманчиво мягкие и тонкие стены тюрьмы. Тщетно. Тогда он затаился и погрузился в охотничий сон, надеясь успеть поразить хотя бы одного чужака, когда его будут вынимать из темницы.

Из сонного оцепенения его вывел резкий подъём, и Вождь сконцентрировался ещё сильнее, готовый вцепиться и когтям, и зубами в руку чудовища. Увы, чудовище отличалось не только размерами, но и умением сообразать – мягкую темницу сначала перевернули входом вниз, а затем затрясли, словно трихвост¹⁴, пытающийся сбить с цветущей-ночью-травы белые, самые спелые, плоды.

И как Вождь ни цеплялся, как ни пытался удержаться на трясущемся мягком подобии листа высоколистки, но чудища оказались сильнее. И он нелепо и постыдно вывалился на какой-то длинный невозможно светлый камень в огромной пещере, полной ослепительного, режущего глаза, света.

¹⁴ Так как язык Наследников состоит преимущественно из шипящих и свистящих звуков, все слова, обозначающие незнакомые землянам понятия, переданы наиболее близкими по смыслу словами.

Ни один разумный охотник не станет закрывать глаза, ощутившись в неизвестном и опасном месте. Но резь в глазах становилась всё сильнее, и Вождь всё-таки опустил главные веки, погружаясь в блаженную темноту – ослепнуть, не сделав этого, было бы, пожалуй, столь же глупо, как и погибнуть, своевременно не увидев опасность.

– Прекрасно. – Костя с интересом рассматривал жёлтую ящерицу, кубарем выкатившуюся из мешка для сбора биологических образцов и скорчившуюся в большом аквариуме, установленном на лабораторном столе. – И в качестве кого на борту «Вестника» будет находиться этот местный житель?

– Посла, – Власов внимательно рассмотрел закрывшего глаза и не шевелящегося аборигена и грустно уточнил. – Недобровольного.

– Зачем? Изучим аккуратненько и отпустим. Какой нам от него толк? – Мухаммед нежно провёл пальцем по аквариуму напротив жёлтой спинки, усеянной округлыми некрупными наростами. – С тем же успехом можно какую-нибудь африканскую обезьяну расспрашивать о достижениях ОСР в области среднего машиностроения. Или хотите с собой на Землю захватить?

– Думаю, они умнее, чем современные обезьяны. Возможно даже, их развитие находится где-нибудь на уровне бушменов. – Власов аккуратно постучал пальцем по крышке аквариума, надеясь привлечь внимание ящерицы. – Интересно, эта его поза означает испуг? Или готовность напасть?

– Не знаю. Понаблюдаем за ним подольше, может и поймём. Люда, ты что думаешь о нашем госте?

– Мелкий, юркий, симпатичный. – Люда, размеренно покачивающаяся на стуле поодаль от стола, пожала плечами. – Даже если окажется, что язык и материальная культура в зачаточном состоянии, – будет нам за kota. Понять бы ещё, чем они питаются.

– Это как раз не проблема. – Костя вспомнил рассказы деда о давних временах, когда интернет ещё не так плотно окружил Землю, и мальчишкам, нашедшим на карельских болотах одинокого птенца, пришлось предлагать ему всю имеющуюся под рукой пищу, чтобы понять, что он вообще ест. – Ненадолго выйдете из корабля, нарвёте всего по кусочку, поймаете насекомых, какие попадутся. Я пока что амфибией рыбы половлю. Точнее, берите по два экземпляра – проверим, подойдёт ли что-то отсюда нам в пищу.

Вождь рискнул приподнять веки лишь после того, как ощутил перед собой множество знакомых запахов. Пахло красными корневыми червями, пригодными в пищу лишь дощуществам; и цветками и листьями высоколиста – яда, которым Летучие выводили с крыльев прицепившихся бурых кровопийц; и скальной лапкой, добывать которую умели лишь самые ловкие существа; и средневодной желтобрюхой плескуньей – рыбой с чрезмерно большим хвостом, которым она ловко рулила, уплывая от гонящихся за ней Наслед-

ников. Что за странный набор пищи? И почему всё в естественном, не обработанном виде?

Вождь прошёл мимо пищи, сложенной на странных водянистых камнях с углублениями. Новые чудовища, то ли родственники захватившим его, то ли их до- или после-существа, смотрели на него сверху, из-за пределов пещеры. Может быть, они хотят узнать, каков он? Опустился ли он до поедания низкой, не обработанной пищи? Или хотят узнать, какой способ приготовления он предпочитает?

Осторожно, не касаясь сочащихся ядовитым соком частей высоколиста, он перетащил листья и цветы на камень к червям, скальную лапку же аккуратно разложил по спине рыбы и повелительно свистнул, сообщая чужакам, что еду можно натереть вкусным камнем и отправить в любую раскалённую воду, известную им.

Но чудовища никак не отреагировали на свист. Предположив, что они не имеют слуха, Вождь раскрыл хвост и несколько раз сильно шлёпнул им над камнем с червями и листьями. Должны же существа распознать универсальный символ опасности, единый для всего живого в Воде? Не распознали – продолжили стоять, глаза. Даже не пошевелились, кажется. И тут Вождь забеспокоился всерьёз: может ли эта еда быть ловушкой, а чужаки, так не похожие на Наследников, – такими же ловкими охотниками, способными ждать жертву, ничем не выдавая своего присутствия?

Но для чего тогда они притащили бы его в эту пещеру?

Вождь ещё раз внимательно обвёл взглядом троих чудовищ, склонившихся над пещерой. И внезапно понял, в чём дело: они его попросту не понимали! А ведь до этого момента Наследники считали, что все разумные существа говорят на одном языке!

Подумав ещё немного, Вождь стащил с камня корневого червя и принялся чертить его красноватой кровью прямо на полу пещеры. Возможно, уши и язык у похитивших его чудовищ устроены как-то иначе, но, быть может, хотя бы их глаза похожи на глаза Наследников?

– Не ест. – Людочка расстроено проводила взглядом скользящего мимо тарелок с едой геккончика. – Попробуем что-то другое?

– Не торопись. – Власов увеличил зум висящей над аквариумом камеры – теперь в кадр попадали только тарелки и снующий между ними по-прежнему ярко-жёлтый пленник. – Посмотрите, как он... Ох, ничего ж себе!

Остальные космонавты тоже не сдержали удивления, и было от чего: ящер, до того передвигавшийся хоть и непривычно плавно, но всё же на четырёх ногах, внезапно выпрямился. Задние его ноги остались согнутыми и расставленными, но обращёнными в сторону от тела, как и свернувшийся в плотное кольцо хвост; самая же удивительная метаморфоза произошла с передними лапками – они вытянулись вдоль тела, выпрямившись и в «локтях», и в «запястьях».

Теперь абориген, хоть и не приобрёл человеческих пропорций, чрезвычайно напоминал миниатюрного ящеролюда из земного фэнтези.

– Драконида, целая планета драконидов. Что б мне провалиться.

Потрясённый шёпот Кости, раздавшийся из динамиков, вывел из оцепенения космонавтов, молча наблюдающих за тем, как ящер ловко раскладывает по рыбине кусочки буровой губки, немного похожей на мох.

– А чем-то похожи на маленьких дракончиков. Предлагаешь их так назвать? – Мухаммед попытался повернуться в сторону проекции, но, обнаружив, что командир на сей раз не стал проявляться, обернулся обратно к аквариуму. Ящерка в нём как раз закончила раскладывать мох и теперь, запрокинув голову, активно раздувала что-то вроде щёчных мешков.

– Нет. Это из книги, не сдержался. И я думаю, что название они себе уже сами придумали, выяснить бы его ещё.

– Да чёрт с ним, с названием! – Люда эмоционально всплеснула руками. – Вы видели, как он трансформировался?! Я не знаю ни одного земного существа, способного на такое! Представьте, как обрадуются ребята из био-НИИ, когда смогут его изучить!

– Успокойся. Если кто-то и будет его изучать, то психологи и, видимо, дипломаты. – Костя не выдержал и фыркнул, затем продолжил, уже серьёзно. – Посмотрите, он рисует. И,

если я верно понимаю, он рисует инструкцию, что сделать с рыбой и мхом, чтобы он смог их есть.

Весьма схематичный, но понятный рисунок красноватой жижей, выжатой из мелких насекомых, собранных у корней ближайшего дерева, состоял из четырёх частей. В левой, которую Вождь нарисовал первой, был большой овал с торчащими из него пучками палок с листьями. В центральной – изогнутая, дважды перечёркнутая линия с петлёй в правой части, указывающая в правую нижнюю часть рисунка. В третьей – несколько вертикальных полос, расположенных примерно в том месте, в которое указывала линия. От этих полос ящер провёл линию к лежащей на гелевой тарелке рыбе, украшенной кусочками мха. Последним он нарисовал схематичную фигуру ящера, держащего в передних лапах схематичную же рыбу.

– И что бы это значило? – Мухаммед выглядел словно человек, которому его домашняя кошка предъявила претензии к составу купленного корма. Причём, верно оперируя химическими терминами.

– Я бы поставил на то, что ему можно есть только рыбу и мох, побывавшие в том месте, которое обозначено вертикальными полосками. Может быть, религия. В принципе – вы можете сложить это всё в сетку для образцов и прицепить к амфибии. Попробуем найти это загадочное место – два варианта направления, если, конечно, наш гость не страдает географическим кретинизмом, – у нас есть. – Механический

голос Кости звучал заинтересованно.

– И мы, возможно, узнаем что-то новое. – Люда кивнула каким-то своим мыслям. – Если это действительно связано с каким-то гейсом, то объектом поклонения может быть и артефакт той цивилизации, которая построила всё это технологическое великолепие.

– Муха, помоги. – Власов, не принимавший участия в разговоре, взялся за левую часть стола. – Пододвинем его поближе к экрану и выведем изображение с амфибии. Возможно, наш пленник сможет узнать нужное место. Или хотя бы указать направление.

Наконец стол был пододвинут, корзинка для сбора образцов – наполнена рыбой и мхом, и земляне – и житель Океана вместе с ними – устроились в ряд возле экрана, наблюдая за скользящей в воде «селёдкой».

Ведомая Костей амфибия легко плыла в тёмной воде Океана, огибая препятствия и, мимоходом, собирая данные об иных морских обитателях. Абориген неподвижно сидел, не отводя глаз от экрана, но, казалось, был совершенно равнодушен и к внезапной возможности увидеть на стене виды Океана, и к встреченным «селёдкой» морским обитателям. Но, когда впереди мелькнул чей-то полосатый плотный хвост, ориентированный, как и почти всё здесь, параллельно поверхности воды, ящер подскочил.

Сначала он раздувал щёчные мешки так же, как и до того, когда пытался объяснить землянам, что нужно сделать

с пищей. Но, быстро вспомнив, что его не понимают, указал пальцем на «селёдку» и резко опустил палец вниз. И ещё раз. И ещё. Пока Костя, уже почти догнавший полосатую рыбину, не понял, что от него хотел абориген, и не увёл дрон на несколько метров ниже. К счастью, проплывший над ним плоский зверь, отдалённо похожий на ската, – обладатель хвоста и примечательной зубастой пасти не обратил на «селёдку» никакого внимания.

Ещё несколько минут амфибия плыла по прямой, петляя между гроздьями шестиугольников. Наконец, когда она миновала один, особо приметный столб, все шестиугольники на котором были закрыты, абориген снова ткнул пальцем в сторону экрана и опустил палец вниз.

Костя увёл «селёдку» вертикально вниз и буквально через пару минут удивлённо заметил:

– Вода постепенно теплеет. Похоже на гидротермальный источник, но разве на океанах могут быть такие трещины?

Власов и Людмила переглянулись.

– Маловероятно. Разве что какой-то внешний или внутренний удар огромной силы... Но внутренний очень маловероятен.

– Внешний? Прошедший через сотню километров воды и расколовший ещё три с половиной километра льда, неизвестно в каких модификациях находящегося? – Люда скептически наморщила лоб. – Юра, удар такой силы не мог не оставить следов, а мы не могли бы их не заметить.

– Не заметить не могли, а не узнать – очень даже могли. Тем более, это мог быть очень старый удар, единственное сохранившееся последствие которого мы сейчас и наблюдаем. – Юрий Валерьевич улыбнулся. – Третий вариант – та цивилизация, которая запустила здесь всё, зачем-то проделала это отверстие. И тогда мы приходим к выводу, что прилетели в чью-то лабораторию по выращиванию жизни и нагло нарушаем ход эксперимента.

– Не смешно. – Люда нахмурилась ещё сильнее – последнее предположение Власова выглядело до жути реалистичным. – В общем, Костенька, мы не знаем.

– Я понял.

Наконец «селёдка» опустилась достаточно глубоко с точки зрения аборигена – тот снова указал на экран и принялся горизонтально двигать передней лапкой, описывая пальцем круг. Костя, не мудрствуя лукаво, повторил дроном траекторию движения пальца ящера, и уже после пятого совершённого круга ящер указал пальцем на свой рот. Всё было предельно ясно.

Уже когда амфибия подплывала к побережью, откуда её и должен был забрать «Вестник», Мухаммед рассмеялся:

– Ребята, вам не кажется, что мы задействовали целую «селёдку» исключительно ради того, чтобы ящерка скушала варёную рыбу и мох?

Как показал следующий день, когда все предложенные аборигену продукты были предварительно сварены или за-

печены, проблема действительно была не в религиозных требованиях и запретах. Просто обитатели Океана уже дошли до идеи приготовления пищи и находили приготовленную пищу намного более вкусной, чем сырая.

– Нам нужно решить, что делать дальше. – Проекция Константина прошлась по панели главного технического отсека. Скучающий Муха, притворяющийся, что внимательно изучает материалы об эволюции разума на Земле, обрадованно поднял голову – слова Константина вполне могли означать, что «Вестник» наконец перестанет висеть на месте и отравится куда-то ещё. – Сегодня четвёртый день, как мы остановились у этого острова, и третий – как мы пытаемся наладить контакт с местным жителем, волею случая оказавшемся на нашем корабле.

– Я думаю, я всё-таки смогу переделать «лингвиста» так, чтобы он смог воспринимать ультразвук. – Власов поднял на Костю покрасневшие, усталые глаза – последние пару дней он, изредка прерываясь на еду и краткий сон, пытался переделать искса, обеспечивающего синхронный перевод, чтобы тот смог воспринимать фонетические сигналы ящеров. Большая часть которых располагалась в ультразвуковом диапазоне.

– Зря стараешься. – Людочка, сводившая воедино данные картографирования двух овальных островов, расположенных сильно восточнее того, возле которого остановился

«Вестник», отложила нейро-карандаш и потянулась, разминая уставшую спину. – Я по-прежнему считаю, что геккончики начали эволюцию в то время, когда разумные обитатели Океана ещё были здесь. И тогда более высокоразвитая раса удалилась, чтобы не мешать развитию молодой.

– Ты проецируешь проблемы человечества на океанцев. – Мухаммед, последние полчаса читавший как раз о том, что земные обезьяны проявляют всё больше человеческих качеств, и вскоре люди окажутся перед нерешаемой этической дилеммой, решил найти неинтересным ему и бесполезным команде знаниям хоть какое-то применение.

– Эти рассуждения о внезапно начавших эволюционировать обезьянах – чушь и глупость! – Людочка так разозлилась, что даже стукнула по столу головкой нейро-карандаша. Затем мило улыбнулась. – Не сбивай меня с мысли, пожалуйста. Даже если прав Юрочка, считающий, что мы имеем возможность наблюдать чей-то эксперимент невообразимых масштабов. Даже если верна идея Костика о том, что здесь разыгралась война двух высокоразвитых цивилизаций – всё это не отменяет того, что сейчас язык геккончиков нам совершенно без надобности. Да, моя версия предполагает, что у них могли сохраниться какие-то легенды о том кратком периоде, когда они жили бок о бок с поистине развитой и разумной расой. Но я так же понимаю, что для того чтобы извлечь крупицу истинной информации из их легенд, нам понадобятся месяцы, если не годы. Надо лететь дальше, изу-

чать все островки и их подводные окрестности. И, если ничего не найдём, возвращаться сюда, изучать язык и легенды геккончиков. Юрочка как раз закончит «лингвиста» переделывать.

Костя хотел было что-то сказать и уже даже открыл рот, но внезапно проекция замерла, и остальные космонавты, понявшие, что произошло нечто, из ряда вон выходящее, замерли вместе с ним. Когда же проекция снова заговорила, в голосе Кости слышалось даже не удивление – чистейшей воды оторопь.

– Экипаж, в рубку! Или я схожу с ума, или нас осаждают.

Они ждали долго – три тёмных цикла и четыре светлых. И только тогда Летучие принесли весть, что Самый Огромный Чужак не только поглощает в себя воров и осквернителей, но и выплёвывает их. Значит, они ещё не наказаны. Значит, Наследники накажут их.

В поход отправились все существа, кроме тех, что слишком недавно закончили стадию до-существов и должны были ещё много узнать об Острове и Холме. Воздя следовало спасти или отомстить за его смерть, ибо только так – вместе, единой массой, Наследники смогли противостоять и громадным глубинным тварям-без-названия, и ещё более громадным ужасам, поднимающимся из глубин лишь в самые чёрные дни. И потому чужаки, если они причинили вред Воздю, станут не-существовами.

Путь был долог и труден – дикие твари, смертель-

ные враги Наследников, откуда-то прознали о готовящемся походе и расставили ловушки, в которых даже сгинули несколько очень юных существ. К тому же, сейчас на Острове был цикл Цветения, в который разумные существа старались вообще не выходить на сушу. И, хоть несколько сотен циклов назад Разумнейший Источник Света придумал, как делать так, чтобы те же растения, которые распространяют яд, спасали от него, не всё и не всегда получалось так, как надо. Ещё несколько существ погибли в муках, неспособные дышать ни воздухом, ни водой.

Но они всё-таки пришли к Самому Огромному Чужаку, и старший после вождя, Сильный-как-Корень, возложил своё копьё к его ногам. Летучие витали в небе, готовые в нужный момент кинуться на Чужаков, раздирая х мириадами крошечных ротовых зазубрин. Наследники ждали, сжимая копьё. Ибо каждому известно – Вызов нельзя проигнорировать.

– Очень интересно... – Юрий был первым, кто нашёл в себе силы сказать хоть что-то.

Зрелище пятидесяти трёх воинственно настроенных ящериц парализовало экипаж на несколько долгих минут. Причём, вопреки всем ожиданиям, Людмила хохотала до слёз, а Мухаммед, до того долго ругавшийся на «позорное бегство», умилённо предложил покормить героических малышей чем-нибудь вкусненьким. Впрочем, когда Костя обратил внимание напарников на два десятка «мышей», парящих в

нескольких метрах над землёй, умиления у Мухи поубавилось.

– Аквариум с нашим гостем я временно изолировал. Его голосовой аппарат не позволяет произносить наши звуки, а вот слуховой прекрасно их улавливает. Мы, конечно, его ещё ничему толком не учили. Но мало ли... – проекция Константина проявилась на боковом экране. – Он довольно умен.

– Мы можем просто улететь. – Люда с трудом перестала хохотать и отвернулась от экрана, чтобы не начать смеяться снова. – Они же не могут повредить «Вестнику»?

– Не могут. Но тогда об исследовании этого источника можно забыть. Аборигены могут оказаться довольно злопамятны. – Юрий задумчиво прошёлся по рубке. – Ничего в голову не приходит. Для этого в экспедиции был доктор Демидов.

– Давайте отдадим ящерку? Мы же даже не уверены, что она знает то, что нам нужно. – Муха, попавший в перекрестье сразу трёх удивлённых взглядов, нимало не смутился. – Ну а что? Мы можем отдать её и улететь на север, к другому источнику сигналов или острова исследовать. Как ты, Люда, и предлагала. Возможно, там не будет местных, и мы сможем спокойно всё изучить, не устраивая геноцид. А он пока что расскажет своим, что мы нормальные, не били, не мучили, все капризы выполняли. Если понадобится вернуться – может, они к нам дружелюбнее будут настроены.

– А если они сочтут это проявлением слабости? – Судя по

всему, Костя неожиданно серьёзно отнёсся к неожиданной идее.

– Ну, сочтут, и что? Или вообще не будут нас трогать, если по их вере бить слабых это низость, или будут на нас нападать. Ну так они и так на нас нападают, в чём разница?

– Логично... – Люда задумчиво кивнула, глядя на затемнённый аквариум с геккончиком. – И кто пойдёт отдавать?

– Втроём пойдёте. Есть надежда, что они сочтут вас за один поистине огромный организм, который лучше не трогать. Вернём ему копьё, и дадим ещё что-нибудь полезное. Может, и за богов сочтут. Как вы думаете, что им может понадобиться?

– У них листья на верхней половине тела. Давайте ткани дадим? Всё удобнее, чем листья использовать, зачем бы они это ни делали. Я могу пожертвовать своё земное платье, им как раз на всех хватит.

– Поддерживаю. – Костя постучал пальцами по экрану. – Но сделать это нужно так, чтобы они сразу поняли, зачем. Предлагаю накрутить кусок на пленника, для наглядности.

Как ни странно, пленник совершенно не сопротивлялся, когда в его аквариум опустили руки Люды в перчатках и принялись накручивать на его голову небольшой лоскут ткани. Так и сидел спокойно на всех четырёх лапах, изредка переводя глаза от склонившейся над аквариумом Люды к стоящим чуть поодаль Юрию и Мухе.

Они вышли из Самого Огромного Чужака, и Наследники

поняли, что не огромные твари захватили Вождя, но Вождь их. Ибо двое самых крупных из чужаков несли прозрачный дом его, и в лапе его было копьё, и на лице его – неизвестное Наследникам растение, плотно прикрывающее дыхательные щели. И другой чужак нёс дары, которые сложил перед Наследниками. И сошёл из прозрачного дома Вождь, и просвистел, что чужаки связаны с Холмом. И что растение на его лице – удобно и легко, и плотнее прилегает к телу, чем все, растущие на Острове. И приказал он немедленно каждому из существ сделать себе повязку.

И все Наследники вернулись к Холму в тот раз.

—Смотрите! Они все делают себе шарфы! – Мухаммед буквально прилип к экрану, любуясь тем, как их бывший пленник, посвистывая, одаряет остальных ящериц кусками бывшего Людочкиного платья.

Через час, когда космонавты налюбовались ящерками в цветастых шарфиках, «Вестник» плавно поднялся повыше и двинулся на запад. К ближайшему из островов.

На сей раз решили начать с подводного исследования: Костя запустил «селёдку», а команда столпилась в рубке, наблюдая за тем, как амфибия скользит между заметно поредевшими столбами.

– Смотрите, ящерка! – Мухаммед, широко улыбнувшись, указал в правый верхний угол экрана, на дно острова.

Там, действительно, сидел буроватый и потому труднораз-

личимый собрат недавнего гостя «Вестника» и лакомился рыбой, буквально отпиливая от неё кусочки мелкими белыми зубами. Судя по тому, что ящерицу приходилось удерживать свою еду всеми четырьмя лапами, но её плавники всё равно суматошно трепетали, рыба была живой.

Костя, не говоря ни слова, осторожно подвёл «селёдку» поближе и остановил, не желая напугать аборигена. Но ящер всё равно заметил гостя – и замер, судорожно сжав лапы на рыбе и широко раскрыв пасть и раздув щёчные мешки.

– Выходит, геккончик просто морочил нам голову, не желая есть сырую еду? – Любочка сморщила нос, крайне возмущённая таким поворотом.

– Не похоже. Ты же сама видела – ему было не важно, как именно варили еду, лишь бы вообще сварили. – Юрий, крайне удивлённый, лихорадочно листал архив фотографий бывшего пленника, сравнивая его с новым экземпляром. – Изображения одинаковые. Возможно, конечно, есть какие-то внутренние различия или незаметные нам сейчас внешние...

Тем временем ящер, решив, видимо, что новая рыба ему не угрожает, снова принялся за свою неаппетитную трапезу. Глядя на то, как он жадно отрывает куски кишок, из которых тут же начинает сочиться в воду зернистое содержимое, каждый из землян вспомнил, как гость «Вестника» откладывал в сторону какие-то ему одному известные кусочки рыбы и мха, которые впоследствии никогда не ел и не препятствовал

их удалению из аквариума.

– Обезьяна? Очень голодный сородич нашего пленника? Пария? – Людочка неверяще покачала головой. – Не может быть.

– Сейчас проверим.

Костя резко двинул «селёдку» вперёд, ожидая, что абориген выхватит копьё, где бы оно сейчас ни находилось, и уже с ним кинется атаковать угрозу.

Он ошибался. Ящер действительно кинулся на врага, но сделал это безоружным, лишь широко растопыбив заканчивающиеся острыми и длинными когтями лапы – точно такие же, как у бывшего гостя землян. Отброшенная рыба, по большей части уже скелет, хаотично покрытый кусками мяса и чешуи, покачивалась в вызванных прыжком ящера волнах.

Наблюдая за тем, как ящер истово полосует «селёдку» всеми двадцатью четырьмя когтями, космонавты окончательно убедились в том, что ничегошеньки не понимают.

У этого острова «Вестник» остался на сутки. В первую очередь Мухаммед изловил ещё одного местного жителя: такого же большеглазого, гибкого и умеющего менять цвет. Но, увы, как показало повторение кормления листьями, червями и рыбой – совершенно не цивилизованного. Ибо вместо того, чтобы продемонстрировать неприятие сырой пищи и червей, ящер с аппетитом съел совершенно сырую рыбу, затем закусил червями и улёгся спать в углу, перекрасившись в белый – цвет столешницы, на которой стоял аквариум.

– Он не разумен. – Людочка грустно наблюдала за тем, как кипенно-белый геккончик уютно сворачивается колечком в углу аквариума. – Тот не менял окраску – понимал, что мы его всё равно видим.

– Прибрежные зоны друг от друга почти не отличаются. – Костя, успевший покружить «селёдкой» вокруг острова, запустил на экране отснятое амфибией видео. – Столбов с гроздьями меньше, и в радиусе пяти километров я не нашёл следов гидротермального источника. Ну и придонные водоросли здесь короче и тоньше. Могло это повлиять на зарождение общества?

– Чёрт его знает. – Власов, нахмурившись, разглядывал через прозрачную обшивку джунгли, совершенно неотличимые от джунглей на предыдущем острове. – Предлагаю лететь или к Сереному полюсу – второму источнику сигналов, или изучать парящие диски. Для того, чтобы понять, почему одни аборигены додумались до копий и варёной пищи, а другие – нет, нужно иметь квалификацию и образ мышления, которыми не обладает ни один из нас.

– Согласен. Отпустите ящера, и полетим. – Мухаммед ещё только собирался открыть рот, чтобы предложить отправиться в небо, к парящим дискам, как Костя не терпящим возражений тоном добавил. – Сначала – к Сереному Полюсу. Я по-прежнему сомневаюсь в безопасности исследования того, что летает в местных небесах.

Вблизи Северный Полюс Океана и его побережье отличались от виденных землянами островов так же, как милый и воспитанный первый абориген от своего неразумного сородича. Неровный, с изрезанной фьордами и бухточками береговой линией, лишённый и гор и буйной растительности – больше всего остров походил на половину картофелины.

Но главную его особенность земляне обнаружили лишь тогда, когда две амфибии погрузились на первые пять метров и откалибровали камеры. Вместо привычных, колышущихся от течения, тонких столбов с гроздьями ромбовидных «виноградин»; вместо dna острова, обжитого ничуть не меньше, чем его верхняя часть, «селёдки» передали на «Вестник» привычную, практически земную картину морского dna. Точнее, разглядеть само дно космонавты не могли – мешала буйная многоцветная растительность, устилавшая его практически сплошным ковром. Лишь кое-где виднелись неправильной формы куски, подозрительно похожие на земные камни. В прочем, не все они были тем, чем казались – прямо на глазах у землян один из «камней» отрастил приличное количество ног и короткими перебежками двинулся к пышному кусту тонких волнистых листов.

– Астероид. Или что-то подобное. Неоткуда на океане взяться такому количеству камня. – Юрий Валерьевич пришёл в себя первым.

– Если его не создали искусственным путём. Хотя... – Лодочка наморщила нос, – ты прав, астероид. Чтобы создать

это, нужен такой уровень технологий, при котором громоздить огромный камень на родной планете бессмысленно.

– И что нам даёт то, что это астероид? – Костя остановил одну из «селёдок», пронёсшуюся мимо странного куполообразного нагромождения камней.

– Пока что только то, что это – старейшая суша на планете из виденных нами. – Власов обернулся к части экрана, на которой крупным планом виднелись неправильной формы камни, сложенные в небольшой купол. Между камнями виднелось какое-то желтоватое вещество, по всей видимости, скрепляющее их между собой. – Костя, чем тебя заинтересовала эта груда камешков?

Ответить Костя не успел: многоногое существо, носящее на спине такой же неправильный многоугольник, как и те, из которых был сложен купол, медленно подползало откуда-то снизу. оно как-то странно, рывками, не синхронно переставляя конечности – словно древний автоматон не лучшего качества. Добравшись до купола, существо медленно полезло вверх: сначала оно выкидывало вперёд две передние конусообразные ноги, ощупывало ими нагромождение камней и, найдя подходящее место, начинало подтягивать остальные девять пар белых, сужающихся к низу, ног. И всё это – точно также рывками и несинхронно, как и раньше, пока подползало к куполу.

Земляне молча наблюдали, не в силах понять, чем это сооружение, сложенное из чего-то, подозрительно похожего на

панцири его собратьев, так привлекательно для существа.

Наконец, поднявшись примерно на половину высоты купола, обитатель Океана остановился. И тут же желтоватая субстанция, соединяющая между собой два ближайших к нему панциря, растворилась в воде, превратившись в мутное желтоватое облачко. Один из панцирей сразу же отвалился, явив миру неровные, изрядно выщербленные, нижние грани, десять пар круглых отверстий возле них и одиннадцатое, ровное, в центре нижней части. Существо тут же заняло освободившееся место, выставив наружу свои ноги. Минута, и ноги начали растворяться, превращаясь в новую порцию желтоватой субстанции, прикрепляя новый панцирь к старым.

– Мы такого ещё не наблюдали. – Люда резко встряхивала кистью, перелистывая слайды с фотографиями водорослей, рыб, ящериц, мышей, и прочей околоземной фауны Океана. – Хоть и собрали чёртову уйму информации. Бесполезной, заметьте, информации! – Раздался тихий стук – Люда резко опустила «хитреца» на панель нейроинтерфейса. – Мы знаем, что водоросли то ли единый огромный организм, то ли несколько чуть меньших. Мы знаем, что они умеют охотиться, приманивать добычу и произвольно менять структуру собственных клеток. Мы одарили местное племя ящериц цветными шарфами. Мы каталогизировали восемьдесят видов рыб! И ни на йоту не приблизились к возвращению домой. Ни. На. Йоту.

– Мы все переживаем о «Дружбе»... – Костя хотел было похлопать её прозрачной рукой по плечу, но, увидев, как Люда непроизвольно вздрогнула, остановился.

Источник сигналов нашёлся быстро – хорошо заметная сверху круглая площадка около двадцати километров в диаметре, с первого взгляда производящая впечатление дела рук нечеловеческих, но столь же умелых и технологически искусённых. Больше всего было невысоких – не выше человеческой щиколотки – полукруглых строений из согнутых и переплетённых между собой тонких веток самого высокого растения Океана. Хаотично раскиданные по лишённой растительности сероватой почве, они перемежались высокими (человеку по пояс) трёхгранными красноватыми столбиками. На вершине почти каждого столбика покачивались одна или две тёмных опалесцирующих сферы, каждая не меньше полуметра в поперечнике. Но кое-где сферы лежали на земле – разбитые напополам или вдребезги, словно выеденные кокосовые орехи.

На некоторых опустевших столбиках красовались плетёные каплевидные наросты, обычно – не меньше трёх. Все они прилеплялись к столбику широкой частью, на одном уровне. И место соединения окружала сетка, сплетённой из более тонких стеблей, очень походившая с точки зрения землян на навес над входами в капельки.

Людочка, Юрий и Муха высадились в центре «поселе-

ния», возле огромной сферы, поддерживаемой в воздухе шестнадцатью столбами. Поблёскивающая, покрытая ещё и каким-то сложным узором из переплетающихся линий и кругов, она идентифицировалась всем оборудованием «Вестника» как источник большинства исходящих с этого острова сигналов.

– Сначала просветим или глазами посмотрим? – Муха прошёлся вокруг сферы, аккуратно провёл пальцами по поддерживающим её столбам. – На те, что в море, материал не похож. Этот гладкий.

– Ну так металлостекло с кирпичами на ощупь тоже не спутаешь. – Людочка фыркнула, отцепила с пояса переносной контейнер для неодушевлённых образцов, склонилась над лежащим поблизости осколком другой сферы. – Я бы, конечно, сначала лучше глазами посмотрела, но как? Ты видишь там что-то, похожее на дверь или окно?

– Снизу отверстие, почти в центре. Можно камеру запустить. – Муха указал пальцем куда-то между нагромождением столбиков. – Невежливо, конечно, но я не думаю, что там внутри есть кто-то, кто может возмутиться вторжением.

Власов кивнул. И, не говоря ни слова, полез доставать камеру и длинный, тонкий и гибкий штатив к ней.

– Люд, твой шлем к камере подключать или ты образцы дособерёшь и потом запись посмотришь?

– Подключай. Никуда образцы не денутся.

Шарообразная камера скользнула внутрь первого най-

денного человечеством инопланетного жилища. И все исследователи замерли, жадно всматриваясь в чуждые интерьеры.

Самой заметной частью дома были длинные тонкие нити, узкой спиралью окутавшие и пол и стены и потолок. Сходились нити наверху, в крупное белое образование, заколыхавшееся при виде камеры, словно кисель в трясущейся кружке.

Кое-где, на полу и у стен, виднелись густо оплетённые нитями остовы каких-то предметов, определить форму, точный размер или назначение которых было совершенно невозможно.

– И что это за дрянь? Не может же она сигналить?!

Муха инстинктивно дёрнулся, когда белая «медуза» особенно активно колыхнулась в сторону камеры. И тут же камера резко выскользнула из сферы, зацепив и разорвав несколько нитей.

– Аппаратура засекала внутри соединения, разлагающие органику. В том числе, полимер, из которой сделан корпус камеры. – Власов, недовольно поджав губы, рассматривал микроскопическую щербинку, появившуюся на идеально гладком до того корпусе. – А сигналит, я думаю, не она – те части какого-то прибора, которые эта дрянь не смогла переварить.

– Давайте её соскребём. Саму тварюшку – в контейнер для живых образцов и на «Вестник», приборы попробуем сначала на месте изучить. Сомневаюсь, что она разумна. – Людочка вынула из контейнера набор скребков, отложила миниа-

тюрную плоскую лопаточку и что-то вроде двузубой вилки. – Приступаю?

– Приступай. – Голос Кости в наушниках был совершенно спокоен. – Возможно, какие-то значимые части приборов действительно уцелели.

– Что мы ещё можем сделать? – Муха уныло обвёл взглядом аккуратно разложенные в лаборатории шесть образцов инопланетных механизмов.

Два полупрозрачных зеленоватых браслета, широких и плоских, с небольшим углублением в середине. Как выяснил на собственном опыте чудом не ошпарившийся Муха – при прикосновении к этому углублению, с одной стороны браслета вылетали две струи раскалённого пара.

Что-то большое и круглое, наглухо закрытое, с поверхностью, изъеденной белыми нитями до такой степени, что найти на ней хоть какие-то намёки на предназначение оказалось категорически невозможно. Именно на этот предмет аппаратура «Вестника» уверенно указывала как на источник всех исходящих с острова сигналов.

Ещё два мягких раскладных конуса из такого же материала, как и браслеты. Внутри каждого из них тоже было углубление, прикосновение к которому генерировало три струи пара в основании конуса.

Миниатюрная – не больше пяти сантиметров в ширину – квадратная коробочка, полная разнообразных металличе-

ских палочек различной толщины. Некоторые из палочек заканчивались двумя или тремя остриями, некоторые – одним, а две из них даже имели режущую кромку. Прийти к единому мнению, для чего они могли быть предназначены, космонавтам так и не удалось – слишком уж много вполне разумных вариантов появлялось в их головах.

В другое время все эти устройства, сохранившие следы былого изящества даже после нахождения в агрессивной среде, стали бы источником долгих упоительных споров. Но, увы, они не содержали в себе ни одного ответа из тех, которые так нужны были землянам. Следовательно, были, мягко говоря, бесполезны.

– Вернуться на тот остров. Всё-таки наладить контакт с ящерками и водорослями. Если поймём, что они не обладают никакой полезной информацией, отправляться по системе, обыскивать остальные планеты. Мы вернёмся на Землю, не сомневайся. – Голос Кости, на сей раз решившего обойтись без проекции, совершенно не допускал сомнений: возвращение домой – всего лишь дело времени и сообразительности, никак не недостижимая мечта.

– Давайте попробуем поискать что-то полезное в глубинах? Очевидно же: здешняя разумная жизнь должна была зародиться в воде и из воды же шагнуть в космос. Я бы даже предположила, что мы не можем найти ничего толкового на поверхности только лишь потому, что местные использовали её исключительно, как перевалочную базу.

– Возможно... – Теперь в голосе командира явственно слышалась задумчивость. Люда действительно предложила очень неплохую идею. – Но подходящий батискаф отправился на Безымянную вместе с «Дружбой». Скафандры, конечно, дадут вам возможность провести в воде сколь угодно долгое время, но уровень защиты в них не такой уж и высокий. И до границы льда и воды мы в них опуститься не сможете – не выдержат скафы такого давления. Максимум – исследуете глубинные части астероида.

– Мы будем осторожны. И потом, мы знаем, что доминирующий хищник в воде – те столбики и полосатые рыбы, от столкновения с которыми «селёдку» тогда увёл геккончик, с ними мы будем очень аккуратны. Ничего более страшного нам не попадалось.

Костя не видел лиц команды, но ему казалось, что сам воздух на палубе полон надеждой и желанием сделать что-то полезное. И он принял решение.

– Хорошо. Думаю, мы можем позволить себе вылазку на несколько часов. Но как быть с оружием? Наше не приспособлено для работы под водой – напомним, мы собирались искать что-то, похожее на Венеру.

– Сейчас! – Мухаммед лихорадочно кинулся к находкам, схватил браслеты и торжествующе потряс ими. – Во. Как ты помнишь, они создают вот такую, – тут Муха развёл руки в стороны, пытаясь показать размеры, – струю раскалённого пара. А в воде, думаю, будет крутой кипяток. Чем не оружие?

– Всё-таки как печально устроен мир – готовясь к встрече с инопланетным разумом, мы вынуждены беспокоиться о возможной защите. – Юрий покрутил в руках один из браслетов. – Предлагаю всесторонне изучить в условиях «Вестника», а потом уже решить, будем ли мы использовать его или придумаем что-то другое.

Через пару часов Юрий вынес вердикт: браслет не только разогревает воду, но и обогащает её какими-то малоизвестными соединениями, потенциально убийственными для клеток местных рыб, например. Так что, порадовавшись Мухиным любопытству и удачливости, космонавты принялись готовиться к попытке исследовать глубины Океана.

Первым в тёмную солоноватую воду нырнул зонд-разведчик, к которому в случае чего надеялся успеть подключиться Константин, так до конца и не согласившийся с тем, что отправляться в глубины Океана – стоящая идея.

Следом за ним – Юрий, Люда и Муха. Мужчины – с браслетами; Люда, решительно заявившая, что новым оружием пользоваться всё равно не умеет и будет только чувствовать себя обезьяной с гранатой – с пустыми руками.

Здесь загадочные конструкции, состав и предназначение которых нес тали понятнее за долгие часы наблюдений, были тоньше и гибче, чем у экватора. Землянам даже казалось, что они покачиваются в такт отсутствующим на Океане течениям. Но в каждом из составляющих грозди шестигранников была открыта хотя бы одна сторона. И ни в одном из них

не было охотничьего отростка, подобного тому, который так ловко одурачил глупую рыбку-охотницу у острова Ящеров.

Возле конструкций резвились зеленоватые и прозрачные рыбки, лишённые длинных усов, которыми отличалась практически вся фауна экватора, но озирающие мир вокруг тремя вертикально расположенными глазами, один из которых находился на самом кончике «носа», второй – на нижней части челюсти, а третий – и вовсе на горле. Таких земляне ещё не видели, но отвлекаться на поимку не стали – рыбки явно никуда не делись бы к их возвращению на корабль.

С другой стороны, на подводной части астероида, всю кипела многоногая жизнь. Кормились уже знакомые землянам «монетки»; сновали между коротких и пушистых водорослей существа с многоугольными панцирями, намного более ловкие, чем первый, виденный землянами; деловито копошились в грунте какие-то совсем мелкие существа с плоскими хвостами, задорно торчащими из конусообразных холмиков.

– Глядите, и тут нити.

Мухаммед, привыкший замечать даже малейшие изменения в растениях, указал на куст подводных растений с широкими, причудливо изрезанными листьями. На одном из листьев обнаружился такой же белый студенистый пузырь, как и в большинстве сфер на поверхности. От пузыря отходили две тонкие белые нити, свисающие с края листа и подозрительно широко раскачивающиеся вперёд-назад, совсем

не так, как остальные морские растения. Несмотря на то, что стенки древнего астероида кишели жизнью, под нитями не было ни единого существа – даже обладатели плоских хвостов, ни разу не высунувшие остальное тело из грунта, предпочитали окапываться подальше от нитей.

Земляне потратили полчаса, надеясь разгадать загадку белых нитей и окружающего их опустошения, но, увы, не увидели ничего, заслуживающего внимания. Оставив загадку белых нитей на потом, они продолжили погружение.

На десятиметровой глубине конструкции, кристально чистые в верхней своей части, неожиданно превратились в опору для сонма морской растительности. Длинные и плоские водоросли, одним концом обвивающиеся о столбики, колыхались в такт течениям; у их основания сидели короткие буроватые розетки мясистых треугольных листьев; изредка откуда-то из центра листьев поднимались тончайшие, почти прозрачные, но крепкие даже на вид нити.

Чем глубже опускались космонавты, тем теснее сходились конструкции, тем плотнее гуще зарастали промежутки между ними. Если сверху складывалось ощущение плавания между прутьями огромной клетки, то теперь это было больше похоже на заполненный лианами лабиринт или захваченные всепобеждающей флорой закоулки плотно застроенного заброшенного города.

Наконец, на восьмидесяти семи метрах глубины, зонд сообщил, что чувствует впереди что-то вроде огромного скоп-

ления длинных водорослей, облюбовавших какую-то полукруглую поверхность. Под водорослями чувствительная аппаратура обнаружила материал, сходный с найденными на полюсе тёмными сферами.

Пожав друг другу руки, космонавты зависли в воде, пока «селёдка» осторожно обследовала водоросли.

Им наконец-таки повезло: поиски чего-то, принципиально отличающегося от всего остального, увенчались успехом. Водоросли, обнаруженные зондом, были, безусловно, похожи на те, которые обвивали странные подводные конструкции. Но похожи примерно так, как листва, нарисованная импрессионистом, на себя же с картины художника-классициста.

Зонд пару раз прошёл над водорослями, убедился в том, что этот представитель местной фауны реагирует на него так же, как и остальные, то есть, никак, и отошёл в сторону, зависнув над самым пологим краем «холмика».

– Ну что, приступаем к разбору водорослей?

«Холмик» ожил ещё до того, как космонавты успели ответить на вопрос Власова.

Взвился, разворачивая туго сплетённое тело, поросшее многочисленной бахромой, неотличимо похожей на водоросли. Щёлкнула огромная пасть, украшенная сотнями загнутых внутрь игольчато-острых клыков, ударил хвост, одним движением раздробивший не успевшую среагировать «селёдку» на сотни мелких кусочков, не способных уже ни-

как и никому помочь.

Он был столь же страшен, сколь великолепен в своей ярости – громадный змей, без усталости извивающийся в тёмной воде. Тупая голова его, усеянная сотнями ямок, но лишённая даже намёка на глаза, казалась никак не меньше человека. Прикинуть же хотя бы примерный размер тела не представлялось возможным – слишком уж подвижным и стремительным было оно.

Оцепенев, космонавты наблюдали за медленно движущейся перед ними головой чудовища.

– Юр, может браслет? – Муха шептал, даже точно зная, что змей не услышит его.

– Не вздумай – он, скорее всего, чувствует колебания и тепло, а те струйки кипятка такой махине что пчелиный укус. Обогрев на минимум. Не движемся.

– Замёрзнем же.

– Обогрев на минимум.

Скафандры плавно снизили температуру до минимально возможной, но, увы, было уже поздно. Змей не мог точно почувствовать, где находится такая тёплая и желанная добыча, но понимал, что где-то недалеко. Одно резкое движение грязно-белого тела, и космонавты оказались в центре смертельной спирали, венчала которую голова чудовища. Она была так близко, что любой из землян мог бы протянуть руку и прикоснуться к грубой даже на вид коже, ощутить под пальцами углубления и наросты.

– Костя сможет что-то сделать? – Голос Люды почему-то был очень спокоен и даже умиротворён.

– Не знаю. Но рисковать «Вестником» он не имеет права, сама понимаешь.

– Может быть, стоит попробовать сбросить с «Вестника» что-то тёплое и съедобное? – Муха продолжал шептать, не сводя глаз с громадной слепой башки.

– И большое. Так, чтобы ваш общий размер оказался меньше того, что я скину. – Голос Кости в наушниках на мгновение замолк, а затем зазвучал снова – холодно, без единого намёка на эмоции. – Но как я это сброшу? Юр, ты можешь вспомнить какой-то механизм, который сможет вытащить мясо из камер и притащить его хотя бы к одному из подходящих отверстий?

– Нет такого на «Вестнике». Выпускать вторую «селёдку» смысла тоже не вижу.

– Холодно. – Люда с ненавистью взглянула на змея. – Сколько ещё мы тут продержимся без обогрева? Не будет же он нас караулить тут вечно?

Змей шевельнулся. Смертельная спираль сузилась – теперь землян отделяли от бугристого тела лишь несколько десятков сантиметров.

– Молчите. Эта тварь чувствует малейшие колебания температуры, а ваши скафандры нагреваются от работы микрофона и наушников. Выпущу «селёдку», попробую его хотя бы отвлечь. Будьте готовы немедленно подниматься на по-

верхность.

Зонд плюхнулся в воду над ними, стрелой опустился на глубину, завис перед чудовищной мордой. Бестолку. Змей даже не двинулся в его сторону, продолжая медленно водить тупой мордой перед головой Мухи.

Амфибия плюнула в голову чудовища небольшим острым дротиком, содержащим убойную дозу снотворного – такими несколько лет назад океанологи ОСР усыпляли несколько лет назад синего кита, в дыхале которого застрял такелаж с потерпевшей крушение пассажирской яхты. Увы, выяснить, на сколько змей Океана похож на земных китов не удалось – дротик отлетел от шкуры, кажется, даже не оцарапав её.

Разогнавшись, «селёдка» ударилась об одну из ямок на теле морской твари. Змей шевельнулся, и в первый момент у землян появилась отчаянная надежда, что он бросится на нагло атакующую его мелочь, но нет – кольца снова чуть уже затянулись вокруг космонавтов.

– Ребята, я поняла... Скафандры ведь всё равно хоть немного, но греются... – Людочка судорожно вздохнула. – Очень скоро он убедится, что мы всё ещё здесь, и или окончательно сожмётся, или просто сожрёт нас – мы как раз встроём в его пасть и поместимся.

– И что делать? Не получится с «Вестника» подогреть воду подальше от нас? – Мухаммед сглотнул, видя, как тело змея придвигается ещё ближе к нему. О корабельном оружии он даже не думал —ничего столь точного, чтобы пора-

зить чудовище, не повредив никому из них, на «Вестнике» попросту не было.

– Даже если бы было, чем – не успел бы. Есть только один выход.

– Стой, дура!

Голос командира буквально ворвался в уши космонавтов – Костя, первым понявший, что собирается сделать Людочка, попытался удалённо перехватить управление скафандром, но не смог. Из самых лучших побуждений земных конструкторов, опасавшихся подобной диверсии со стороны инопланетян, в скафандре была предусмотрена система независимой работы, активируемая космонавтом, и имеющая более высокий приоритет, чем приказы из любого стороннего источника.

– Без меня «Вестник» вернётся домой, без вас – нет. Прощайте.

Она рванулась вперёд, задав скафандру максимально возможную на старте скорость, пролетела у самой головы опешившего змея и даже, кажется, успела скользнуть затянутой в перчатку рукой по тупому носу чудовища.

Всего лишь доля мгновения понадобилась змею, чтобы сообразить, что произошло. Одним рывком он развернулся, и, вытянув сильное тело, ринулся за уходящей из-под носа добычей.

Практически сразу скафандр Людмилы сообщил о получении критических повреждений, а скафандры Юрия и Му-

хи ринулись вверх – Костя не повторил ошибки, и отключил в них активацию независимой работы тотчас, как понял, что спасти Люду не успеет никто и ничто.

На посадочную площадку «Вестника» они влетели быстро – не прошло и минуты с того жуткого момента, когда Людмила стала пищей для безымянной морской твари Океана. Влетели и, едва коснувшись ногами гладкого зелёного покрытия, отскочили в стороны, давая дорогу поднимающейся следом амфибии.

– Возвращаемся к острову Ящеров. – Голос командира звучал и в так и не снятых шлемах, и в динамиках ангара. – Сейчас же.

– А как же этот... – Муха хотел было высказать всё, что думает о змее, но осёкся, увидев Власова, идущего к стойке со скафандрами со шлемом на сгибе локтя.

– Не достанем. – Слова прозвучали слишком резко, и Костя, поняв это, добавил. – Оружие «Вестника» не предназначено для использования в воде. Наше – тоже. А идти с ножами на чудовище, так легко раскусившее скафандр, я вам не позволю.

– Но как же... – Всё существо Мухи протестовало против реакции Кости. Но разум и привычка к субординации победили, и Муха лишь изо всех сил хватил кулаком по стене ангара. – Это должен был быть я!

– Это мог быть кто угодно из нас. Поверьте, друг мой, достойно пережить смерть соратника, тем более, отдавшего

свою жизнь за вас – задача не менее сложная, чем собственно героически погибнуть. – Власов преувеличенно аккуратно положил шлем на подставку. Медленно, столь же аккуратно, принялся освобождаться от «крыльев». Повесил на стойку их. И замер, с силой потирая отсутствующую мочку уха.

Целый месяц прошёл с тех пор, как «Вестник» вернулся к острову Ящеров и земляне, как следует поднапрягшись, смогли таки наладить с ящерицами какое-то подобие контакта. Судя по рисункам Вождя, этому немало поспособствовали цветные шарфики, первое время одним своим видом вызывавшие у землян непроизвольный спазм в горле.

Так на «Вестнике» появился парламентёр – крупный, немногим меньше Вождя, ящер, предпочитающий оставлять шкуру зеленоватой, с ярким красным пятном на горле. Его настоящее имя звучало каскадом неповторимых для человеческого горла посвистываний и пощёлкиваний, так что космонавты, не сговариваясь, окрестили его Горынычем – за величину и красное пятно. Основной его задачей было работать таким живым словарём – для наполнения памяти модифицированного «хитреца» звуками, соответствующими понятиям русского языка.

Через две недели вполне сносный русско-ящерский словарь был готов. И крайне довольный Юрий, включив запись про-видео, медленно и отчётливо спросил у сидящего на мягкой гелевой подушечке ящера:

– Как вы себя называете?

Наследники не ждали возвращения огромных-уродливых-добрых-существ. В этом малом цикле свечения хищники, изредка забредающие в воды у Овала, задержались слишком долго – так долго, что наступил сезон Цветения, и, вероятно, большинство существ погибли бы в муках, не в состоянии дышать, или в зубах у хищников, слишком рано вернувшись в воду. Мягкие и плотно прикрывающие все дыхательные отверстия листья, подаренные одним из огромных-уродливых-добрых-существ, спасли множество Наследников от подобной участи. Но от многоногих тварей, исподтишка нападающих на существ, превращающих их внутренности в мерзкую жидкость и питающихся этой жидкостью, новые листья не спасали.

К тому же, подступало Время Размножения. А существ, способных выпустить в Травы Рождения здоровых до-до-существ, способных превратиться в сильных и крепких до-существ, среди Наследников было не так и много. К тому же, обилие хищников поблизости от Овала, делало попытку добраться до Трав невозможной.

Потому Наследники даже не заметили бы возвращения огромных-уродливых-добрых-существ, если бы те не поймали одного из Летучих и не удерживали его несколько малых циклов, показывая неподвижную копию Вождя. Летучий оказался не самым глупым представителем своего народа, и передал своим сородичам – а те передали Наследни-

кам – что вернулся огромный-страшный-круглый, и твари из него желают видеть Вождя.

Сообразив, что огромным-существом зачем-то понадобился один из Наследников, Вождь сперва хотел потребовать в обмен прогнать хищников подальше от Овала. Но услуга, и услуга важная, спасшая множество жизней, была уже оказана. И Вождь безо всяких дополнительных условий отпустил к чудовищам до-Вождя – второго среди Наследников по уму и размерам, должного возглавить племя, если нынешний Вождь падёт в бою или будет побеждён болезнью.

Ящер засвистел, и «хитрец», на долю секунды задумавшись, мелодично произнёс:

– Наследники.

Следующие несколько дней Юрий и Мухаммед проводили всё своё свободное время у аквариума. Они узнали, что шарфики спасают Наследников от пылицы, в изобилии летящей с цветущих лиан и кустов и забивающей их дыхательные пути. Что большую часть жизни Наследники проводят в воде, с обратной стороны острова, выходя на сушу – в безопасный Овал – лишь в то время, когда начинают мигрировать огромные морские рыбы, с лёгкостью загоняющие и поедающие небольших ящерок. Что Летучие – что-то вроде местных собак: животные, достаточно сообразительные, чтобы быть приятными компаньонами, но не более того. Что На-

следники – в зависимости от колебаний освещения и температуры – делят время на большие и малые, тёмные и светлые, тёплые и холодные циклы. Что они называют себя существами, свою же молодёжь – до-существами и до-до-существами. И что существа не едят сырой пищи, ибо так без вреда для себя могут делать только лишь до-существа.

Услышав от Горыныча, что существа не едят сырой пищи, Юрий и Муха переглянулись: оба прекрасно помнили, как собрат местных ящерок жадно пожирал сырую рыбу.

– Но мы видели очень похожее на тебя существо. Возле другого острова, но всё же. И он жадно ел рыбу, которая ещё трепыхалась в его руках. Как такое может быть?

Едва Власов закончил, как абориген вскочил со своего удобного гелевого сиденья, и забегал по аквариуму – на двух ногах, хотя обычно предпочитал перемещаться на четырёх.

– Мы не знаем, как так получается. У того острова живут такие же существа, как и мы – мы следили за ними, даже ловили их и разрезали плоть, сравнивая с собой. Под их шкуркой такой же слой плотных хрящей, их передние и задние лапы столь же подвижны, как и наши, и их сердца ничем не отличаются. – Горыныч бегал взад-вперёд по аквариуму, быстро-быстро свистел и щёлкал и, впервые за всё время, которое с ним разговаривали земляне, изображал пальцами что-то очень похожее на жестикуляцию. – Но они не способны говорить! Они не знают ни вождей, ни помощи другим существам! Они столь же дики, как рыбы в океане! Но если

взять одного такого и заставить его участвовать в Рождении, то до-до-существа не станут хуже, чем обычно!

– Серёгу бы сюда.

– Или хотя бы связь с Землёй. – Юрий внезапно улыбнулся. – Но, кажется, работу «хитреца» можно признать удовлетворительной, раз уж он справился со всем этим монологом. Мы можем быть уверены, что правильно поймём ответ на самый важный на сегодняшний день вопрос.

Услышав вопрос, откуда пришли Наследники, до-Вождь ничуть не удивился: всякое разумное существо хочет знать, какова история его собеседника. И тем горше ему было говорить правду.

– Мы вышли из моря. Множество больших циклов назад каждый из тогдашних Наследников очнулся у границы воды и безопасного Овала. Каждый из них мог говорить – так же, как мы сейчас. Каждый знал, что безопасно есть – а что нет. Говорят, что каждый мог писать – но мы с трудом верим в это, ибо лишь умнейшие из умнейших существа способны на этот тяжкий труд. Те Наследники оставили записи, которые мы храним в Холме Памяти. Записи о том, как они обнаружили на мокрой стороне Овала множество пустых убежищ, оставленных кем-то неизвестным, и заняли их, и жили, охотились и падали под ударами многих хищных рыб, приходящих и уходящих каждые пять больших циклов, и тёплых и холодных.

И как один из умнейших Наследников, которых когда-ли-

бо знал Океан, предложил вести счёт приходам страшных рыб и загодя укрываться на безопасном сухом Овале. И он же придумал укрывать дыхательные отверстия мягкими листьями, и создал ловушки против сухопутных многоногих тварей, безжалостно поедающих существ.

Как они учились охотиться возле Трав Рождения, не зная тогда ещё, что это такое, но заметив, что они нападают на всех водных тварей кроме них, Наследников.

И как существа чувствовали неясный зов куда-то, и уходили подальше от собратьев, и извергали из себя что-то неясное. И всё живое вокруг Овала плодилось, а Наследники – нет. И тогда тот же умнейший Наследник предложил всем существам уходить к Травам Рождения, и там извергать. И видели существа, как некоторое, вышедшее из их тел, сливается и превращается в крохотную рыбку в тончайшем листе. И как плоды Трав затягивают в себя этих рыбок. И через три тёплых цикла раскрылись плоды, и выпустили из себя рыбок побольше – с лапками и головами, словно у существ. И сказал тот умнейший Наследник: вот до-существа, из лучших из которых родятся новые существа.

Прошло множество больших циклов – сменилось множество существ – и появился Холм Памяти. Холм, говорящий с нами знакомым языком о незнакомых вещах. И решили тогда Наследники, что послан он теми, кто оставил наших предков между безопасным Овалом и водой. Но не могли по-

нять, что хотят от нас, чего ждут. И подумали: быть может, до-существа поймут? И принесли туда всё поколение до-существ, и оставили там в надежде, что они поймут что-то. И носили им и воду, и пищу. Но, хоть и не поняли до-существа ничего, но существа, родившиеся из них, были и умнее, и крепче. И стали делать так.

Оставив утомившегося Горыныча есть и спать, космонавты собрались в библиотеке. Без лишних слов Костя, разгуливающий проекцией по панели чертёжного нейроинтерфейса, включил запись рассказа аборигена. Точно так же, молча, её просмотрели. И только после того, как проекция окончательно исчезла, Муха горько сказал:

– Пустьышка.

– Согласен. Отпустим Горыныча, и полетим к другим здешним планетам, попробуем поискать там какие-то следы. – Юрий помассировал пальцами виски. – По всей видимости, Наследников с предыдущими хозяевами планеты разделяет слишком много времени. Как же жаль.

Костя молчал и явно что-то обдумывал, запустив прозрачную руку в прозрачные же волосы.

– Сначала нам нужно запастись местными растениями и животными, пригодными нам в пищу. Пусть в них толком нет ни метионина, ни биотина, ни тиамина, да и минералов вообще, но это всё-таки еда. Будете отпускать Горыныча – выясните у Вождя, что нам лучше собрать, чтобы не лишиться Наследников пищи.

Услышав, что земляне больше не нуждаются в помощи и хоть сейчас готовы вернуть его к сородичам с запасом шарфиков, до-Вождь почему-то не обрадовался. Наоборот, он свернулся в клубочек в углу аквариума, проигнорировав все созданные специально для его удобства коврики и гелевые камни. Юрий, сообщавший гостю эту новость, решил, что тот не рад возвращению в сложную и тяжёлую жизнь, в которой должен добывать себе пропитание и остерегаться врагов. Но, едва Власов отошёл от аквариума на несколько шагов, решив оставить Горыныча наедине с суровой реальностью, как тот вскочил, кинулся к встроенному в аквариум микрофону и громко и отчаянно засвистел.

– Раз мы, Наследники, отработали наш долг за мягкие листья, называемые вами «шарфики» – я, до-Вождь, прошу вас ещё раз спасти наш народ. Отгоните хищных рыб, что мешают нам спуститься к Травам Рождения и перенести до-существ в Холм Памяти! Уже совсем скоро плоды раскроются, и новое поколение Наследников выйдет из них, и попадёт прямиком в зубы хищников! И если мы спустимся за ними, то в зубы хищникам попадём мы все, и не останется больше ни существ, ни до-существ. Ради этой помощи я готов принадлежать вам всю оставшуюся жизнь!

Всё время, которое Горыныч свистел, замерев у микрофона и уставившись на него своими огромными глазами, Власов простоял неподвижно, забывая иной раз дышать. Их всех учили, что нельзя вмешиваться в естественное развитие пло-

хо развитых аборигенов, буде такие найдутся на посещённых планетах. Но верно ответить на вопросы экзаменаторов о поведении с племенем, поставленным в угрожающие условия – одно, а дать этот же верный ответ вполне себе живому существу, дышащему, чувствующему и, судя по всему, нарушившему ради этой просьбы не один десяток традиций – совсем, совсем другое. Власов, запнувшись, медленно произнёс:

– Я должен спросить у нашего Вождя.

И со всей возможной скоростью покинул лабораторию.

– Плохая идея. Нам прямо запретили подталкивать развитие народов, находящихся на ранней стадии цивилизации. Мы можем сделать только хуже. – Костя нахмурился, постукивал пальцами по колену. – Но...

– Вот именно! Но! Как на их развитие повлияет то, что в этот раз хищники не сожрут никого из до-существ? Да никак! – Муха подскочил с мягкого библиотечного кресла, сделал несколько широких шагов, пытаясь выплеснуть всё своё негодование. Затем резко остановился, лицом к стоящему у книжного шкафа Юрию и Косте, зависшему над соседним со шкафом нейроинтерфейсом. – Вы что, не понимаете?! Их до-существа, это же просто-напросто дети!

– Понимаю я всё. – Власов досадливо сморщился, потёр ухо. – Но никто из нас не специалист ни в этологии, ни в нейропсихологии. А протоколы контакта создавали, напомню, специалисты. И они, очевидно, руководствовались какими-

ми-то соображениями, отнюдь не людоедскими.

– Да чем бы они там ни руководствовались...!

– Прекратите. – Костя внезапно улыбнулся. – Мы можем помочь, оставаясь при этом в рамках протоколов. Выясните, сколько хищников обычно плавает возле острова в то время, когда эти их плоды раскрываются, и где они находятся. Поставим сеть на несколько часов, всех хищников сверх того количества, которое должно тут плавать – усыпим на время, «селёдка» такое умеет. И поможем, и на развитие не повлияем.

Торопиться было некуда – по словам Горыныча плоды должны были раскрыться через три малых тёмных цикла, примерно равных девяноста шести часам по земному времени. И перед этим остров должны были сострять три долгие низкие вибрации. Расспросив аборигена о том, сколько времени проходит между сигналом и раскрытием плодов, Юрий и Муха решили, что обнести сеткой загадочную Траву следует как можно быстрее, а вот усыпить всех лишних хищников «селёдка» вполне успеет и после сигнала. Оставалось выяснить, где вообще находится Трава Рождения.

И снова двое людей и ящер собрались перед большим экраном, глядя, как амфибия скользит мимо гладкой береговой линии, водорослей, крабов и свисающих с листьев белых нитей. Костя собирался отвести «селёдку» в самый центр подводной части острова и уже оттуда, по спирали, начинать

обозревать пространство, чтобы точно не упустить Травы, какого бы размера и цвета они ни оказались.

Не понадобилось.

Едва на экране мелькнул первый столбик и свисающие с него шестигранные гроздья, как до-Вождь решительно указал на него пальцем.

– Вот она, Трава Рождения!

Установка сети много времени не заняла – всего через три часа Мухаммед, сопровождаемый «селёдкой», превратил остров в подобие мяча, застрявшего в баскетбольной корзине. Теперь оставалось только ждать – сбор запасов пищи Костя решил отложить до того момента, как проблема Наследников будет решена.

– Горыныч умнее, чем я думал. – Юрий, на полчаса опоздавший на завтрак, влетел в кухонный отсек с широченной улыбкой на лице. – Он научился читать простые слова!

– Что ж, он умнее чем половина земного шара, считающая наш язык безумно сложным. Но я не понимаю, чему так радуешься? Им тут всё равно читать нечего. Или ты надеешься, что они выяснят, как и кто запустил всю эту небесную машинерию, что-то реанимируют и отправятся в космос? – Муха фыркнул, представив себе ящерику за штурвалом космического корабля.

– Обезьяны ведь смогли. Почему бы не смочь ящерицам? – Власов широко улыбнулся. – Тем более, у них такая

интересная система мышления! Мы с Константином, если помнишь, всё бились, как донести до него концепцию алфавита: буквари совершенно не помогали. И, представляете, мы сообразили ассоциировать в его разуме части, на которые делится слово, с частями предмета. Надеюсь, конечно, что он в итоге не начнёт считать, что хлеб и свет имеют больше общего, чем одна буква и её местоположение.

– Какая разница? Всё равно здесь нет ни того, ни другого. – Муха в сотый, наверное, раз посмотрел на часы на экране «хитреца». – Если ящери не ошиблись с подсчётом, то через час эти их травы должны загудеть. Тогда я, на всякий случай, поплыву с «селёдкой» – вдруг она кого пропустит, а ты пойдёшь вместе с Горынычем радовать местных, что хищников не больше, чем обычно, и они могут забрать свою малышню. Ничего не изменилось?

– Нет. Не заплывай, пожалуйста, глубже десяти метров. – Юрий сжал плечо Мухаммеда. – Я сообщу тебе, когда последнее до-существо окажется на суше.

Наследники, узнавшие о том, что могут безопасно забрать свою молодёжь от Трав Рождения, времени даром не теряли. Десять существ – самые быстрые, сильные и ловкие – плавали между Травой, подхватывая выпадающих из раскрывающихся плодов до-существ. Ещё около шестидесяти ящериц самых разнообразных расцветок выстроились между ближайшим к острову столбиком и побережьем, готовые

бережно принимать и передавать друг другу потомство, уютно сидящее в полупрозрачных пузырях.

– Я хорошо плаваю и обладаю длинными и большими руками. Могу ли я помочь вам доставать до-существ из воды? – Юрий был почти уверен, что Наследники не откажутся от его помощи. Но, стоило «хитрецу» просвистеть последний звук, как Горыныч одним прыжком оказался перед землянином и, растопырив лапки в стороны, принялся отчаянно свистеть.

– Не ходи туда! Только лишь Наследники могут прикоснуться к плоду, не получив страшного повреждения! Иным существам рискованно даже приближаться к открывшемуся плоду! Ты можешь стать на линии раздела мокрого и сухого Овала и оберегать до-существ от раннего пересыхания.

Вспомнив о том, как Костя пытался взять кусочек столбика на анализ, Власов не стал спорить с Горынычем, и занял указанное место.

Его руки механически принимали пузыри, складывая их в позаимствованную с «Вестника» двухсотлитровую канистру, до половины наполненную океанской водой. Мозг же лихорадочно обрабатывал варианты: ящерицы – какая-то культура, созданная прежними хозяевами Океана для собственных целей, или имеет место случайное использование растущей расой оставшейся без присмотра биологической лаборатории?

Наконец все до-существа оказались в канистре: девять пузырей размером с мужскую ладонь, внутри которых, свернувшись кольцом, ждали пробуждения пятнистые рыб-

ко-ящерки, новое поколение Наследников.

В принципе, Юрий мог бы легко унести их всех, и даже сохранить до-существ влажными до самого Холма Памяти – хватило бы любой достаточно большой ёмкости с «Вестника». Но это вмешательство было бы лишним. И он, будучи одним из тех, кто получил ритуальную ношу, а именно – пузырьёк с уютно свернувшимся головастиком, медленно шёл вслед за остальной частью процессии (Власова терзало подозрение, что теперь он – почётный Наследник).

Возглавляли существ Горыныч и Вождь, каждый из которых тоже бережно нёс в лапках пузырь с головастиком. Рядом с Юрием же летел незнакомый ему Наследник, восседающий на Летучем. Этот представитель аборигенов был значительно меньше, чем уже знакомые землянам, и предпочитал жёлто-коричневый цвет шкурки.

– Расскажи мне, как вы появляетесь на свет?

Пока «хитрец» свистел и щёлкал, превращая короткую фразу в каскад звуков, Власов в очередной раз обрадовался тому, что технику оказалось в принципе возможно настроить на ящерский. Ибо Наследники мыслили категориями и образами, не особо похожими на человеческие. Ровно один раз Юрий попробовал самостоятельно составить какую-нибудь фразу. И сразу отказался от этой идеи – привычные иерархические связи в словах и предложениях, так или иначе известные всем земным языкам, у Наследников отсутствовали напрочь. Как и всё, хотя бы относительно связан-

ное с цветом, светом, и ещё множеством привычных для землян понятий. Если бы не бесстрастные анализаторы «Вестника» и «хитреца», изучение языка Наследников превратилось бы в изошрённую пытку.

– Когда наступает благоприятное время, те из нас, кто в этом большом цикле способен воспроизвести наилучшее потомство, идёт к Травам Рождения и извергает то-что-меньше-существа. Потом некоторые из них сливаются, и превращаются в до-до-существо, часть из которых затягивают внутрь плоды. Мы не знаем, как они выбирают, кого затянуть, а кого отдать воде. – Летучий сделал несколько больших кругов, разминая уставшие крылья, затем снова полетел рядом с Юрием. – Так мы делим собственную суть между всеми до-до-существом, делая каждое будущее поколение сильнее. Потом мы уходим, и в плодах развивается наше потомство – большой тёплый цикл успевает пройти прежде чем до-до-существа становятся готовы превратиться в до-существо. Тогда мы относим их в Холм, оставляем там и приносим им пищу и еду до тех пор, пока до-существа не станут существами.

Наследник замолчал. Видимо, счёл рассказ законченным.

Заново слушая то, что ему и так было известно, Юрий практически чувствовал, как мозг распухает от множества мыслей. И одной совершенно кошмарной догадки, которая, окажись она верной, могла бы поставить крест на всех планах землян по возвращению домой.

Наконец они достигли Холма, и Вождь просвистел замысловатый сигнал, расшифровать который «хитрец» не смог.

Часть Холма, до того казавшаяся Юрию крутым его склоном, разошлась на две части, открывая перед изумлённым землянином компактную камеру, потолок которой не доставал до его головы всего лишь каких-то двадцать-тридцать сантиметров. Прямо перед землянином стояло кислотно-оранжевое кресло-полусфера, комфортно разместиться в котором могла бы только некрупная земная кошка. Или крупный Наследник.

Дальше, за креслом, мигал разноцветными огнями длинный, во всю стену, постамент, заполненный схемами и пиктограммами, часть из которых была похожа с известными Власову космическими объектами как однойцевые близнецы. Над постаментом, точно также, во всю стену, светилась структура, очень и очень похожая на то, как он сам рисовал предположительное строение Вселенных.

Пока Наследники вносили внутрь головастиков и запасённую для них еду, Вождь вскочил в центр постамента, немедленно засветившегося при его прикосновении.

– Слушайте, слушайте! В этот великий и священный день мы вновь слушаем историю о том, как был сотворён наш мир, и какое место в нём занимаем мы, Наследники!

Юрий, чувствуя, что его глаза готовы сравняться по размеру с глазами ящерок, наблюдал, как изображение схемы Вселенных сменяется детальным изображением Наследни-

ка, свернувшегося в кресле-полусфере, таком же, как и стоящее прямо перед ним . И откуда-то из постамента, на который встал Вождь, доносится посвистывание, первую фразу которого «хитрец» перевёл так: «Добро пожаловать в обучающую «фьюююю»-теоретическую программу для пилотов. Напоминаем, наш огромный мир обозначен изображением «хозяина воды»...».

Юрий судорожно скомандовал «хитрецу начать запись видео, и практически выпал из реальности, чувствуя, как известные ему до того части паззла сходятся в цельное изображение...

– Значит, Наследники, они действительно наследники. А гроздь шестигранников— искусственный автономный инкубатор для малышей. И мы будем точно знать, как ориентироваться во Вселенных, как только сможем окончательно расшифровать запись... Юрка, какой же ты всё-таки молодец! – Костя, не сдержавшись, победно вскинул вверх сжатую в кулак руку. Мухаммед без лишних слов от души обнял Власова.

Теперь возвращение на Землю становилось не труднодостижимой целью – планом на ближайшее время. Ибо расшифровать непонятные части записи, заручившись поддержкой самых умных Наследников, представлялось делом непростым, но вполне выполнимым. Особенно, учитывая все возможности «Вестника».

И радость стихла сама по себе. Каждый из космонавтов внезапно подумал, что, не остановись они для исследования глубин Океана, Людмила сейчас разделила бы радость с ними.

– Так как вы думаете, что с ними случилось? Почему потомки расы, достигшей столь многого, ведут такое убогое существование? – Костя прервал затянувшееся молчание, не желая давать остальным возможность слишком глубоко погрузиться в горе. Не хватало ещё снова объяснять Мухаммеду, почему превратить змея в кучку обгоревшей плоти никак не получится даже с помощью «Вестника».

– Думаю, они возгордились. И однажды покинули планету, оставив здесь только лишь подрастающее в яслях потомство. Не знаю, что случилось со взрослыми: случайный ли астероид, отказ всех систем, встреча с враждебной расой, но это произошло прежде, чем до-до-существа стали до-существами. А потом они вышли на сушу, но встретить их было некому...

Юрий не стал продолжать, предоставив каждому из землян самому представить, как выживало на искусственном острове потомство расы, к тому моменту уже давно позабывшей о том, что такое естественный отбор.

«Дружба»

Лететь за змеем было нетрудно – оригинальный курьер неведомой цивилизации не развивал даже пятидесяти километров в секунду, так что Сергей, оставив управление «Дружкой» на систему автоматической навигации, отправился вызволять с посадочной площадки Роланда с Кристиной. Он ожидал, что те уже покинули батискаф и теперь ждут его у люка, отделяющего посадочную площадку от основных помещений корабля. И каково же было его удивление, когда перед люком обнаружился только изрядно смущённый и растерянный Роланд.

– Криста в батискафе. Она плачет и говорит, что хочет домой. Я не знаю, что делать. Может быть, ты поговоришь с ней?

Сергей с трудом подавил желание огреть себя по лбу. Ведь говорили же психиатры, предупреждали: участие именно этого музыканта и лингвиста в экспедиции опасно, прежде всего, для неё самой. Безумно талантливая, но психически нестабильная, она попросту не справится даже с теми нагрузками, которые переживают люди на станциях вроде «Терешковой». Что говорить об опасностях и сложностях безумного полёта в дальний космос, полёта, который вполне мог стать дорогой только в одну сторону?

Но других талантливых кандидатов, не успевших дове-

сти собственное здоровье до точки невозврата, не было. И Добронравов решил, что Кристине предложат выбор, честно описав все возможные последствия. Она, не раздумывая, согласилась. Сергей фыркнул, внезапно подумав, что не может представить себе поэта, который бы отказался первым увидеть дальний космос и рассказать о нём людям.

– Поговорю. Тогда ты дежуришь в рубке, пока я пытаюсь привести Кристину в себя. Я включил автоматический навигатор, но, сам понимаешь...

Роланд без лишних разговоров бросился в рубку, явно обрадованный тем, что ответственность за состояние напарницы теперь лежит на ком-то другом. А Сергей забрался в батискаф и без лишних сантиментов раздвинул полог, из-за которого доносились тихие всхлипывания.

Кристина выглядела очень плохо – покрасневший нос, опухшие глаза и губы – очевидно, плакала уже не первый час. Что ж, слёзы, это лучше, чем тихо пережитая вглуби себя травма, заметить которую иной раз возможно только после появления последствий. Со слезами можно работать.

– Домой хочешь?

– Ага. – Она вытерла глаза и нос рукавом скафандра и отчаянно посмотрела прямо в глаза Сергею. – Можно?

– Можно. Сейчас прилетим к создателям «Объекта» и змеев, попросим помощи и полетим домой. Обязательно.

Заплаканную большеглазую девчонку хотелось обнять и покачать на руках, но Сергей, подумав, отказался от такого

метода поддержки. Кто знает, как именно она сейчас воспримет подобные прикосновения?

– А если они не захотят нам помогать?

– Захотят, обязательно захотят. Ну ты сама подумай, как такая большая и сильная цивилизация может не захотеть нам помогать? Они звёзды замораживают, представляешь, как быстро они перебили бы друг друга, если бы не были гуманны?

– Очень быстро, наверное. – Кристина пока что перестала плакать, окрылённая надеждой. Но Сергей не заблуждался на её счёт: пара минут, и девочка поймёт, что в реальности между их разговором и возвращением домой может пройти ещё очень-очень много времени. Следовало как можно быстрее придумать что-то, что может отвлечь её от очередной истерики.

– Если ты пришла в себя, то мне нужна твоя помощь. – Сергей намеренно перешёл на более строгий, официальный тон. Кристина должна была чувствовать, что к ней обращаются как к члену команды, от которого требуется важная работа. Причём работа не по принципу «тебе всё равно больше делать нечего», а та работа, ради которой её включили в состав экипажа. Дождавшись мало-мальски заинтересованного взгляда, он продолжил. – Я проводил много экспериментов над «платочками», пока вы искали змеев. И, к сожалению, так и не смог понять, какой системой сигналов они пользуются. Точнее, к стыду своему, я вообще не смог по-

нять, есть ли у них какая-то система сигналов. Я хочу, чтобы ты поработала с про-записями и попыталась разобраться в этом вопросе. Я ведь не специалист.

Особого интереса в глазах Кристины не появилось. Сергей, впрочем, и не ожидал, что она со всех ног кинется изучать записи «кормления платочков» – не зря же сразу после окончания университета ушла в музыку и более никогда в жизни не занималась ничем, хотя бы отдалённо граничащим с наукой. Но и тоски стало поменьше – проснулась ответственность.

– Пошли, поедим, и будем отсматривать материалы. Может быть, успеем разобраться до того, как доберёмся до создателей змеев.

Змей бодро двигался в направлении центра галактики, потихоньку наращивая скорость.

Роланд, практически поселившийся в рубке, с трепетом ждал момента, когда станет понятно, какую же звезду или планету облюбовали столь могущественные создания.

Кристина честно пересматривала про-записи «платочков», надеясь найти хоть какую-то зацепку.

А Сергей, запершись в собственной каюте, считал: как ещё сократить рацион так, чтобы максимально возможно продлить жизни космонавтов без вреда для их здоровья. Да, на картриджах системы жизнеобеспечения три человека могли бы протянуть ещё года полтора. Запросив консуль-

тации конструкторов и учёных с Земли, они, скорее всего, даже смогли бы наладить синтез АТФ и основных микро- и макроэлементов, необходимых человеку, и пополнять ими опустевшие картриджи. Но постоянное прямое питание – то самое лекарство, которое может оказаться, и обязательно окажется, хуже болезни. И хорошо, если Сергею не придётся срочно вспоминать хирургические навыки, купируя приступ какого-нибудь острого жизнеугрожающего состояния.

Роланд и Кристина верили, и должны были продолжать делать это, в разумную и гуманную цивилизацию, которая обязательно придёт на помощь младшим космическим братьям. Доктор Демидов же... нет, он не обманывал Кристину, говоря о том, что, будь цивилизация, способная заморозить звезду, агрессивна, они бы уничтожили сами себя ещё до того, как вышли в глубокий космос. Но ведь агрессия, к «своим» и к «чужим», это очень и очень разная агрессия. Даже на Земле.

Покинув Мю Стрельца, змей разогнался до восьмидесяти километров в секунду, но направление не поменял. Если навигаторы верно построили курс, то змею – и «Дружбе» вместе с ним – предстояло пройти по границе туманности M21, затем пролететь сквозь туманность Лагуна и упереться напрямиком в Стрелец A*. Возможно, навигационная система змея и предполагала какое-то продолжение маршрута после встречи с чёрной дырой – навигаторы «Дружбы» не были

столь оптимистичны.

Каждый раз, глядя на тонкую линию, соединяющую «Дружбу» с чёрной дырой, Роланд искренне надеялся, что змей остановится раньше, чем приблизится к Стрельцу А*, но... Он прекрасно понимал, что полагаться на одну лишь надежду в космосе – занятие, подозрительно похожее на оригинальный способ самоубийства. И раз за разом мучил своего «хитреца», моделируя разные варианты встречи со Стрельцом А*, прикидывая способы вырваться из его удушьящих объятий.

Впрочем, выбора у экипажа «Дружбы» всё равно не было. Либо отчаянная надежда на создателей змеев, либо медленная голодная смерть, чуть скрашенная пониманием того, что челноку удалось собрать и передать на Землю столько данных, сколько не удавалось никому и никогда. На самом деле, учитывая расстояние до Стрельца А*, второй вариант так или иначе оставался боле реалистичным.

Все они – и Сергей, и Роланд, и Кристина – старались не показывать растущего страха, постепенно завладевающего их мыслями и чувствами. Космос, в начале экспедиции казавшийся таким родным, близким и разгаданным, вновь превращался в холодную безликую силу превыше любого человеческого разума. Они занимались повседневными делами, проводили исследования по присланным с Земли протоколам, строили теории насчёт происхождения и роли «пласточков» и Безымянной. Но постепенно переставали смот-

реть друг другу в глаза.

А за иллюминатором постепенно приближалось M21 – упорядоченный хаос маленьких, почти незаметных звёзд и нескольких голубых гигантов, ещё более ярких и заметных на фоне невзрачных соседей.

Кристина даже ненадолго оживилась, увидев их, просидела пару часов перед иллюминатором с блокнотом и карандашом. Но довольно быстро потеряла интерес к писательству и снова оставила Роланда наедине с космосом, змеем и расчётами.

А потом в шести секундах перед змеем и «Дружкой» возник маленький, бешено крутящийся объект, который до того не был виден ни датчикам, ни Роланду. И змей – а следом за ним и «Дружка» – смело кинулся к ослепительной белой поверхности. И пропал.

Роланд, понимая, что тысячи тонн полезной нагрузки «Дружки» за три секунды не остановишь, попытался хотя бы свернуть в сторону, уйти от столкновения. Но челнок начал манёвр слишком поздно – за две секунды до уже неминуемого пересечения траекторий. И, врезавшись в прорезанную трещинами видимую оболочку объекта, вынырнул перед огромным светло-жёлтым звёздным диском. И тут же продолжил манёвр, круто забирая вправо, оставляя по левому борту и неизвестную звезду и героически ринувшегося прямо в пламенную бездну змея.

Сергей и Кристина продолжали мирно сидеть в каютах,

не подозревая, какой участи они только что избежали. А Роланд, весьма частично чувствуя сведённые судорогой пальцы, был вознаграждён поистине великолепным зрелищем. Зрелищем, о котором он мечтал всю свою сознательную жизнь – величественной космической стройкой, созданной цивилизацией, на порядки превосходящей земную.

В этот раз жизнь почему-то зародилась в крайне обособленном уголке галактики: одна звезда, похожая на Солнце, словно старший брат; одна вращающаяся вокруг неё планета – огромная, раскалённая даже на скромный человеческий взгляд, очень-очень близко подошедшая к собственной звезде; и ещё одна планета – вращающаяся по практически венерианской орбите лишённая атмосферы планета-стройка, на которой в телескопе «Дружбы» были прекрасно видны и прямоугольные низенькие здания со скруглёнными углами; и какие-то огромные устройства, отдалённо напоминающие земные подъёмные краны, и совсем простенькие рычажные механизмы, и нагромождения металла, и горы каких-то минералов.

Долго рассматривать систему им не дали. Роланд ещё не успел даже сообщить напарникам о том, что они нашли ту самую цивилизацию, как датчики «Дружбы» оповестили его о возникшей между дальней планетой и челноком стоячей волне. И сразу же «Дружба» принялась плавно двигаться к планете-стройке, явно притягиваемая каким-то крайне мощным устройством.

Оценив скорость движения челнока, Роланд решил, что в ближайшие несколько часов о планету они не разобьются. Значит, следует сбегать предупредить Сергея и Кристину. Можно было бы сделать это по корабельной связи, но Рыцарь не рискнул. Теперь, глядя на истинный масштаб инопланетных технологий, он проникся к создателям «Объекта 1» не только уважением, но и трепетным ужасом. И кто мог точно сказать, не сочтут ли нужным эти техногиганты прослушать разговор, транслирующийся в динамиках «Дружбы»?

К тому моменту, когда челнок опустился на поверхность планеты, космонавты были полностью готовы к возможному контакту. Земля дала добро на использование любых составляющих «Дружбы» в качестве приветственного дара (как ехидно хмыкнул Сергей, то, что он до сих пор хранит ожерелье из ракушек, полученное им от жителей одного из тропических островов, вовсе не гарантирует, что местным обитателям тоже будет свойственна подобная сентиментальность).

Но начинать решили с малого – с очередного «хитреца», содержащего записи с венерианской базы и реконструкцию крушения «Объекта 1» у Луны.

Люк отъехал в сторону, открывая перед вытянувшимися в струнку, одетыми в идеально вычищенные скафандры космонавтами, ещё одну неизведанную планету. Планету, увидеть которую они практически не надеялись.

Атмосферы здесь не было – над головами землян сияли ближние планеты и одинокие звёзды, не складывающие-

ся с этого ракурса в привычный рисунок созвездий. Перед ними лежало огромное идеально ровное пространство, покрытое чёрным плотным материалом, пружинящим под сапогами скафандров. Со всех сторон это пространство было ограничено высокими строениями – назвать домами эти конструкции, лишённые даже намёка на уют и эстетичность, не смог бы даже самый завзятый сторонник ультра-рационализма. Прямоугольные, серые, возвышающиеся не меньше, чем на десять метров, каждое, они совершенно не были похожи на строения венерианской базы. Но и в них, и в покрытии посадочной площадки, и в видимых из-за строений частях движущихся механизмов, просвечивался тот же невероятный разум, который создал «Объект 1», венерианскую базу и Безымянную.

Звуков здесь не было, но невозможно было и назвать царящую тишину мёртвой. То и дело по поверхности зданий и тёмного материала прокатывались волны вибраций, достигающие и неподвижно стоящих людей. Некоторые из этих волн были слабы настолько, что ощущались лишь в носках сапог, некоторые – чуть ли не роняли не готовых к такому Сергея и Кристину.

Помня о том, что посадка «Дружбы» была хоть и мягкой, но вынужденной, космонавты были уверены, что на планете их уже ждёт тёплая встреча. Но проходили мгновения, секунды и минуты, а на посадочной площадке не изменилось ровным счётом ничего. И сколько бы космонавты ни всмат-

ривались в «хитрецы», связанные с приборами «Дружбы»; сколько бы ни рассматривали пейзажи планеты сквозь защитные оболочки скафандров – нигде не было ни единого следа создателей этого пейзажа.

– И что будем делать? Пройдёмся подальше и осмотримся или вернёмся на корабль? – Кристина, временно позабыв о хандре, лихорадочно крутила головой, жадно вбирая в себя «атмосферу» планеты.

– Не знаю пока. Не могу представить настолько нелюбопытную или уверенную в себе цивилизацию...

Договорить Сергей не успел. Сплошная серая стена здания, стоящего прямо перед ними, разошлась, мельком явив пространство, заполненное горами чего-то, похожего на уголь, и выплонула из себя тёмную человеческую фигуру ростом около двух метров. Несмотря на то, что падать пришлось с высоты не меньше пяти метров, неизвестный, не утруждая себя группировкой, плашмя приземлился на чёрное покрытие, тут же вскочил и проворно кинулся к пришельцам. Даже при том, что здешняя сила тяжести составляла примерно треть от земной, это было весьма впечатляюще.

– Люди?

– Да ну на...!

Два эмоциональных вопля слились в один и, казалось, зависли над площадкой, запутавшись в удивлении столь сильном, что практически овеществившемся. Кристина промолчала – лишь вцепилась в предплечье Сергея и отступила на

шаг. Она сама не понимала, почему, но человекоподобная фигура казалась одновременно отвратительной и пугающей. Словно кукла, во всём повторяющая человеческие пропорции, но сгибающая колени исключительно назад.

Чем ближе человек подходил, тем яснее становилось, что на нём надет скафандр такого же типа, как и на землянах, но тёмно-серый, с фрагментами, изредка вспыхивающими под ослепительным светом здешнего Солнца. Лишь шлем был другим – овальный, сужающийся к низу, он был совершенно непрозрачен и почти чёрен, лишь на месте глаз горели две узких фиолетовых полосы.

Когда «человек» почти поравнялся с космонавтами, Сергей попытался заговорить с ним или как-то обратить на себя его внимание, но не преуспел. «Человек» буквально пролетел мимо протянутой к нему руки и тупо застыл перед закрытым уже люком «Дружбы».

Сергей решил не сдаваться, осторожно высвободил руку из пальцев Кристины и подошёл к обладателю скафандра. И осторожно, одним пальцем, прикоснулся к его плечу. Но «человек» то ли не почувствовал касание, то ли проигнорировал. Тогда Сергей сжал все пять пальцев на плече незнакомца.

На столь грубое прикосновение обитатель планеты-стройки отреагировал так же, как и на предыдущее – никак. Только неподвижно стоял лицом к корабельному люку и чего-то ждал.

Тогда Сергей решил, что контакт глаза-в глаза может быть результативнее. Обошёл незнакомца, приподнялся на носочки, желая заглянуть в лицо «человеку». И тут же отшатнулся, не удержавшись на ногах, и неловко упал на спину.

Обладатель скафандра по-прежнему шевелился, словно не замечая Сергея..

Не раздумывая о том, неведома ли местным жителям взаимовыручка или же землян признали не заслуживающими её, Кристина и Роланд бросились помогать товарищу. И только склонившись над ним поняли, что Сергей беззвучно хохочет, от того и не может подняться самостоятельно.

– Посмотрите в его шлем, там пусто. Ребята, это вообще не скафандр!

И Сергей, не в состоянии продолжать, снова разразился хохотом.

Тем временем скафандр, очевидно, не дождавшийся какой-то ведомой ему одному реакции, развернулся и – уже медленнее – двинулся обратно к зданию, из которого вышел. Теперь все земля не могли хорошо рассмотреть то, о чём говорил Сергей: за защитным экраном шлема не было ничего. Только лишь пустота.

Они вернулись на корабль, не рискнув далеко отходить до того, как обменяются впечатлениями. Первым взял слово Сергей.

– Помните, все учёные семидесятых-восемидесятых удивлялись тому, что скафандры так хорошо людям подходят? –

Его напарники синхронно кивнули: перед полётом каждый из участников экспедиции был обязан досконально изучить все материалы, посвящённые исследованиям артефактов с «Объекта 1» и с венерианской базы. – Так вот, я больше, чем уверен, что это – не скафандры. Это что-то вроде роботов, таких же, как и змеи. Одного только не понимаю, предназначены они для того, чтобы быть чем-то наполненными и доставить это что-то домой, или это что-то типа роботов-шпионов, которые должны были работать на Земле?

– Не хочу показаться невежливым... – Роланд на мгновение замолчал, пытаюсь сформулировать мысль как можно корректнее. – Серёж, как, по-твоему, хоть одно вменяемое существо могло надеяться, что вот это вот чудище может являться на Земле шпионом? Да при одной встрече с ним у половины землян инфаркт случится, а вторая, извиняюсь за выражение, пропишет ему в дыню. Так, на всякий случай, чтобы народ не пугал.

– Рыцарь, дружище, это ты об этом знаешь. – Увидев, как синхронно вытянулись лица Кристины и Роланда, Сергей тяжело вздохнул. Постоянно напоминать товарищам, что они имеют дело с разумом, имеющим с человеческим общего меньше, чем человеческий с муравьиным, начинало надоедать. – Представь, что ты для восприятия пространства используешь несколько иную систему, не оптическую. Ну, например, что-то вроде рентгеновских лучей. Как думаешь, как будут выглядеть для тебя люди в таком случае? –

Дав космонавтам возможность хихикнуть, представив себе общество ходячих скелетов, Сергей продолжил. – Так вот. Я вполне допускаю, что скафандры и змеев создали существа, взаимодействующие с окружающим пространством каким угодно способом, кроме оптического. Ну и рентгеновского, наверное. И в рамках вот этого их способа взаимодействия мы выглядим именно так. Теперь подумайте, пожалуйста, вот о чём. Известная нам последовательность событий выглядит следующим образом: «Объект 1» прибывает к Венере, создаёт там базу, оставляет змея и улетает в сторону Луны. Едва его замечает Леонов, как корабль резко начинает совершать гиперон-магнитный переход и терпит крушение, очевидно, использовав неподходящий гиперон. При этом на его борту находится не менее десяти человекообразных скафандров. Не кажется ли вам, что самым логичным будет предположить, что они собирались высадить своих роботов в каком-то укромном месте и отправить их изучать Землю?

Роланд и Кристина молчали, видимо, детально представляя себе армию пустых скафандров, изучающих Землю.

– Если возражений и других идей у вас нет, то начинайте готовить управляемый зонд. Я сейчас свяжусь с Землёй, но больше чем уверен – нас отправят картографировать планету и искать на ней следы хозяев.

Планета, получившая временное имя «Стройка» оказа-

лась относительно небольшой: всего-то полторы земных массы и чуть меньше одного радиуса. Судя по залежам алмазов и графита, найденным в чудом оставшихся свободными участках поверхности, она принадлежала к так называемым углеродным планетам и должна была существенно пополнить знания человечества о подобных объектах.

Распоряжения Земли относительно дальнейших действий прибыли в рекордно короткий срок: через три часа с момента получения. И содержали в себе про-видео файл, записанный лично Добронравовым.

Вячеслав Артемьевич в лёгком коричневом костюме стоял на фоне какой-то древней статуи: мраморная девушка в весьма скудном и красивом одеянии гладила по голове мраморного же оленёнка. И говорил медленно и весомо, словно роняя в пруд тяжёлые камни.

– Значит, вы их всё-таки нашли. Молодцы, герои. – Он сделал паузу, давая слушателям в полной мере прочувствовать похвалу, затем продолжил. – Здесь ещё идут споры о том, на какой из двух планет жизнь менее невозможна, но это, в сущности, не так уж и важно. Вы всё равно скоро найдёте единственный верный ответ на этот вопрос.

Доктор Демидов, пилот Иванов, ваша задача – начать облёт планеты, как только придёт подробный план работ. А произойдёт это... – он замолчал, видимо, слушая ответ, – в течение пары часов. В отличие от прошлой планеты, само существование которой представляет собой один большой во-

прос, к этой алмазной мелочи, как выразился товарищ Зубов, есть вполне конкретные вопросы.

Теперь вы, товарищ Когтева. Вы остаётесь на «Дружбе» и прилагаете все усилия к тому, чтобы хотя бы примерно разгадать язык хозяев этого места. Без плана, но с пониманием того, что вам в любой момент может понадобиться объяснить неизвестной, но весьма могущественной расе, что вы делаете на их планете. – Добронравов прокашлялся и внезапно очень тепло улыбнулся. – И помните: Земля ждёт вас домой.

План исследований «Стройки» пришёл через полтора часа. И, судя по длине и разнообразию списка, вопросы к нему составлял десяток учёных самых разных специальностей.

– Поискать в поверхностном слое материальные остатки древних культур?! – Роланд, вслух прочитавший первую попавшуюся строчку из списка, картинно вскинул брови. – И как мы должны это сделать?!

– Там ниже есть описание. И правильный алгоритм действий. – Сергей ехидно усмехнулся, глядя, как брови Роланда печально опускаются с каждым новым прочитанным пунктом алгоритма. – Не переживай – я уверен, это только кажется таким мудрёным.

– Почему?

– Хотя я и не археолог, но наличие на этой планете поверхностного слоя с материальными остатками древних культур

кажется мне очень и очень маловероятным.

Загрузив вместе с Сергеем и Роландом на дрон всё, что могло помочь найти ответы на поставленные Землёй вопросы, и полюбовавшись тем, как приплюснутый серебристый овал исчезает в тёмном небе, Кристина принялась за работу.

Сначала задача казалась нереальной: не имея никаких примеров письменной или устной речи неизвестной цивилизации предположить, как они разговаривают.

Весь первый день Кристина чертила схемы, рисовала бестолковые закорючки и вспоминала все известные ей земные системы общения, примеряя их к загадочным обитателям этой системы. Примерялось плохо. Девушка даже подключила на некоторое время систему жизнеобеспечения, надеясь, что виной всему ставшая уже привычной нехватка питательных веществ. Увы, никаких разумных мыслей так и не появилось – очевидно, в их отсутствии виноват был не голод.

Картографировать «Стройку» было легко: под дроном хаотично сменяли друг друга серые прямоугольные здания разной высоты и покрытые сплошным тёмным материалом пустые пространства. Дважды попало что-то вроде карьеров: приличных размеров воронки, окружённые высокими отвалами серо-красных пород. В одной из них трудились какие-то мелкие механизмы, не похожие ни на змеев, ни на скафандры, ни на их возможных создателей.

Эту воронку решили не трогать, вторую же, окружённую более высокими отвалами спрессованной между собой породы, и – кажется – уже заброшенную, решили изучить повнимательнее.

Роланд остался наверху – сортировать куски породы, откладывая все, кажущиеся ему более-менее неодинаковыми. Сергей же отправился вниз, ко дну карьера – фиксировать следы, оставленные техникой и, возможно, обитателями планеты.

– Серёга, тут два сплюснутых камня, похожие на меч. Они могут являться теми самыми остатками материальной культуры? – Роланд, вскинул вверх кусок камня, одна часть которого была серо-зелёной, гладкой и имела форму вытянутого конуса, а вторая, молочно-белая и шероховатая, – половинки морской звезды. Всё вместе действительно походило на какой-то странный, фантастический, меч.

Не дожидаясь ответа, Роланд отложил камень в кучу того, что следовало забрать с собой для анализа. В конце концов, таких ему действительно ещё не попадалось.

Новый день начался с озарения: Кристина вспомнила, что между земными кораблями и объектами, принадлежащими инопланетянам, как минимум два раза возникали какие-то стоячие волны. И о том, что миссия Ульянова сумела открыть корабли и здания венерианской базы, используя случайно подобранную последовательность электромагнитных

волн. И о том змее на Безымянной, который активно среагировал на эти же колебания. И, хоть из всех знаний, касающихся волн, у неё в голове остались лишь смутные изображения волнистых линий, да некоторые названия, перекликающиеся с музыкой, это был шанс.

Затребовав графические отображения всех сигналов, упоминавшихся в связи со змеями и Безымянной, она исполнила несколько абсолютно диких па: схожие элементы были. Способ, которым общаются инопланетяне, нашёлся. Дело оставалось за малым: составить хотя бы словарь.

Сергей и Роланд обследовали третий квадрат из пятидесяти, на которые была поделена Стройка, когда увидели подозрительно знакомый профиль электрической активности: несколько тороидов кружились в паре метров под ними, иногда выделяя в пространство близкую к графиту модификацию углерода температурой 100C^0 .

– О, а вот и Мухина находка. – Сергей улыбнулся, рассматривая аппараты. – Даже странно, что мы наткнулись не на них, а на тех единственных двух «платочков», которые ухитрились добраться до космоса.

Роланд поёжился, вспоминая, как «Дружба» летела сквозь атмосферу Безымянной, сжатая в смертельных объятиях двух инопланетян.

– Как вы думаете, почему тогда у нас пропал сигнал?

– Возможно, они питаются любой информацией, не толь-

ко сведениями о составе всяких неизвестных им до того веществ. – Сергей пожал плечами. – Возьми повыше: попробуем взять на анализ графит, который они выбрасывают в атмосферу. Может Земля поймёт, для чего они предназначены.

Составить словарь... Забыв о правильном соблюдении режима дня, подогнанного под земной, Кристина спала и ела, когда придётся, иногда нагло нарушая распоряжения Сергея и снова подключаясь к системе жизнеобеспечения. В конце концов, никого из товарищей она этим не обделяла, а возможное ухудшение состояния её здоровья – не такая уж и высокая цена за скорейшую расшифровку языка пришельцев. И она проводила часы над «хитрецом», анализаторами «Дружбы» и обычной земной бумагой.

– Как вообще можно составить словарь того, что ты никогда в жизни не слышал?! – Пожаловавшись безмолвной обстановке «Дружбы», Кристина вылезла из-за стола, пару раз потянулась, разминая затёкшие мышцы, и подошла к иллюминатору – полюбоваться технопейзажем Стройки.

Всё было по-старому, так, как несколько часов назад, когда она в прошлый раз пыталась отвлечься от нерешаемой задачи. Даже скафандр, каждые шесть земных часов подходящий к «Дружбе» и семь с половиной минут гипнотизирующий её, также стоял у люка, вскинув пустой шлем к небу.

– Хм, а ведь «Дружба» в точности похожа на корабли, ко-

которые используют его создатели... Не пытается ли он связаться с кораблём?

Кристина не надеялась ни на какой результат, честно признаваясь себе, что просто пытается разгрузить мозг, отвлечься от бесплодных размышлений.

Но результат был. И такой, что Кристина, не удержавшись, снова совершила несколько безумных па: робот посылал к кораблю волну, рисунок которой имел пару общих элементов с рисунками первой и второй волн, полученных «Вестником» и «Дружбой»!

И тут Кристину посетила совершенно гениальная идея: что если множество механизмов вокруг общается между собой таким же способом? Проверив, что видит соответствующий датчик в радиусе пятидесяти метров, девушка просто запрыгала на месте: весь мир вокруг был словарём. Оставалось только правильно расшифровать его.

– Интересно, как там у Кристины дела? – Роланд, с лица которого блаженная улыбка не сходила уже седьмой день, именно столько времени космонавты летели над исполинскими заводами и фабриками, передал управление Сергею, а сам вытянулся на откидной койке. – Если бы не проблема с едой, я с удовольствием провёл бы здесь всю жизнь!

Сергей беззвучно усмехнулся, уверенный в том, что уже через несколько месяцев Роланд мечтал бы попасть домой, на Землю, но вслух сказал совершенно иное.

– Думаю, если Кристина сможет разобраться с языком, и инопланетяне окажутся дружелюбны, здесь обязательно будет что-то вроде базы или даже посольства. И тебя обязательно в него включают. – Затем усмехнулся снова, уже заметно для Роланда. – Но тогда политика тебя всё-таки, догонит, дружище.

На двенадцатый день исследований Сергей и Роланд закончили с высокими и средними широтами Стройки и опустились к экватору, в зону алмазов. Километры поверхности, нестерпимо сияющей в солнечных лучах, изрядно затрудняли и полёт и навигацию. Но и упрощали картографирование – поначалу здесь не попадалось ни зданий, ни роботов. Целых два дня путешествуя над абсолютно пустыми алмазными полями, земляне уже решили, что хозяева Стройки почему-то совершенно не заинтересованы в добыче алмазов. И расслабились.

И какого же было их удивление, когда в середине пятнадцатого дня прямо над дроном зависли три тороида – таких же, какие люди уже видели в небесах Стройки. Зависли, и принялись по чуть-чуть опускаться, заставляя и дрон идти на снижение.

– Долетались. Что делать будем? – Роланд решил не проверять, как тороиды отреагируют на неподчинение, и направил дрона вниз, к гладкой блестящей поверхности.

– Сядем. Посмотрим, что они от нас хотят. Думаю, что

нас просто сочли за один из местных кораблей, потерявший управление или сломавшийся. Лишь бы у них не было традиции уничтожать сломанную технику. – Сергей преувеличенно широко улыбнулся, и вновь приткнулся к иллюминатору, рассматривая блестящие серые бублики, парящие над дроном.

– Может быть, это и есть местные жители? – Роланд мягко посадил дрона и занёс руку над элементом управления люком, готовясь открыть дверь хозяевам планеты.

Но ничего не произошло. Убедившись, что дрон не пытается взлететь, тороиды бесшумно взмыли вверх и сразу же разлетелись, снова оставив землян наедине со Стройкой. Через несколько минут после их исчезновения аппаратура дрона зафиксировала неизвестные сигналы, направленные в их сторону, но ни расшифровать, ни определить их назначение не смогла. Единственной полезной информацией о сигналах, которую смогли получить земляне, был их предполагаемый источник – хорошо видима и стоящая сейчас в зените раскалённая соседка Стройки.

На всякий случай Сергей и Роланд оставались на месте ещё несколько часов, но ни сигналов, ни тороидов больше не было. И дрон снова поднялся в небо, продолжая планомерный облёт планеты.

Землянам оставалось лишь надеяться, что неизвестный источник сигнала не заинтересуется ими снова до того, как Кристина разгадает его систему общения.

Первым делом удалось вычленить участки, отвечающие за требование подойти к объекту, передающему этот сигнал. Кристина не называла семантические единицы речи «инопланетян» словами, потому что лично ей они больше напоминали конкретные смысловые фрагменты. При наличии определённого воображения в них можно было увидеть что-то отдалённо – очень отдалённо! – напоминающее иероглифы.

Следом, отразив рисунок первого сигнала, Кристина получила команду «отойди от меня».

Вычленив сходные участки в двух командах – рисунок, примерно обозначающий «я», «меня».

Понятно, что построенные таким образом фразы могли бы читаться примерно как «меня ходить магазин за есть», но ими в принципе можно было бы объясниться.

Дни сменялись днями. Кристина так устала от постоянного анализа конструкций и проверки их на скафандрах и изредка появляющихся змеях, что, когда роботы начали выполнять не только краткие распоряжения из одной семантической единицы, но и длинные сложные команды, даже не стала исполнять победный танец. Просто отправила всем заинтересованным лицам сообщение: «Словарь готов. Стихи не напишем, но поговорить сумеем».

В тот же день батискаф вернулся к «Дружбе». Финальная и самая ответственная часть миссии начиналась.

Перед отправлением к «горячему Юпитеру» Сергей на всякий случай отправил «Вестнику». сообщение с кратким пересказом случившегося.

«Дружба»/«Вестник»

Лететь к планете, отстоящей от своей звезды на расстояние, практически в шесть раз меньшее, чем Меркурий от Солнца, было страшно. Конечно, земные конструкторы тестировали составляющие корабля в самых разных условиях, предполагая, что космонавты могут оказаться в сколь угодно далёких и неизведанных уголках космоса. Но знать, что обшивка теоретически выдерживает триста тысяч градусов по Цельсию, и осознанно приближаться практически к солнечной короне, это принципиально разные ощущения.

Судя по подсчётам бортовой автоматики, температура на поверхности планеты должна была приближаться к семистам градусам по Цельсию – несравнимо, конечно, с температурой звезды, но для существ, всю жизнь проживших при температурах, меньших на порядок, и того достаточно.

– Где будем садиться? – Кристина, отложившая лист с чем-то, озаглавленным «гимн Солнцу», перегнулась через плечо Сергея, сосредоточено следящего за курсом «Дружбы». Заговаривать с Рыцарем она не решилась – пылающая во всех иллюминаторах корона недвусмысленно подсказывала, что отвлекать пилота всё-таки не стоит.

– Сделаем пару витков, попробуем поймать какую-нибудь передачу. Если не выйдет, то выберем точку произвольно. У тебя есть какие-то иные предложения?

– Нет.

– Через пять минут входим в атмосферу. Может вырубиться внутренняя гравитация – я перекину мощности наружу, на стабилизацию орбиты – то, что тут летает вокруг ядра, у меня просто язык не поворачивается назвать ветром.

К счастью, скафандры уже были на всякий случай наде-ты, и космонавты остались на своих местах, восторженно на-блюдая за тем, как «Дружба» плавно погружается в золоти-сто-оранжевое марево.

Ветра «Ослепительной», как вновь открытую планету на-звали космонавты, действительно оказались... невероятны-ми. Не включая двигатели, лишь изредка корректируя курс, Рыцарь с лёгкостью заставил челнок совершить несколько витков вокруг планеты, внимательно «слушая» окружающее пространство.

– Надо опускаться ниже. Я не уверен, что, находясь здесь, мы поймем какой-то сигнал с поверхности планеты.

– Опускайся.

Это уже было сложнее. Ветер не хотел отпускать отвесно падающую «Дружбу», всё норовил снова утащить её в верх-ние – самые бешеные – слои атмосферы.

Пока Роланд боролся с неостановимо вращающимся зо-лотистым нечто, Кристина снова наклонилась к Сергею.

– А давай мы их позовём? У нас же есть последователь-ность сигналов «иди ко мне», мы можем отправить их в раз-ные стороны. Может, кто-то и придёт.

– Хорошая идея, попробуем.

Сначала Сергей хотел отказать, сказать, что это слишком опасно, но практически мгновенно передумал. Эта идея была лучше любых других уже тем, что сэкономила приличное количество драгоценного времени.

Уловить момент, когда раскалённая атмосфера планеты уступила место не менее раскалённой тверди, было непросто. Буквально половина минуты отделяла космонавтов от погружения в бескрайнее море расплавленной материи, но Рыцарь справился, выровнял курс и погасил скорость.

Теперь «Дружба» висела в пятидесяти метрах над поверхностью горячего юпитера и терпеливо рассылала во все стороны сигнал «иди ко мне».

«Дружба» ждала ответа.

И ответ пришёл.

– Криста! Волна снизу! Вот рисунок!

Кристина пробежалась взглядом по графическому отображению ответной волны, и недоумённо прикусила губу.

– Здесь какое-то странное сочетание. Они спрашивают, что нам нужно, но обращаются к нам также, как в некоторых перехваченных сообщениях от Слепительной скафандрам.

– И что тебя в этом удивляет? С их точки зрения, мы и есть скафандры. – Сергей мотнул головой, показывая, что сейчас не время и не место углубляться в хитросплетения внеземного мышления. – Давай попробуем объяснить, кто мы такие.

Обладая весьма ограниченным словарём, составить такую фразу, в которой внятно объяснялось бы, откуда и зачем прибыла «Дружба», оказалось невозможно. По крайней мере, невидимый собеседник их лингвистическое чудовище попросту не понял, отправив в ответ волну, основной рисунок которой обычно использовался для обозначения невозможности выполнить требуемую операцию.

Дело пошло на лад, когда Роланд предложил попробовать преобразовать изображения в рамках какого-нибудь другого излучения и отправить их таким образом. Реализация идеи потребовала долгих консультаций с Землей и перенастройки части оборудования, но оно того стоило.

Получив изображения гибнущего «Объекта 1» и венерианской базы с лежащим возле неё змеем, обитатели планеты наконец-то поняли, что имеют дело не с собственной взбесившейся техникой. И ответили, причём ответили так, что силой их совокупного ответа, близкого земному «качественно сделанная работа», «Дружбу» подбросило на несколько метров вверх.

И земляне впервые увидели загадочных существ, способных замораживать звёзды и превращать планеты в одну огромную стройку. Из раскалённой материи поднимались не менее раскалённые шары – большие и маленькие, слегка отличающиеся друг от друга на экранах датчиков «Дружбы». Но всё же явственно принадлежащие к одной цивилизации, совершенно не похожей на земную.

– Звёзды! Цивилизация звёзд! С ума сойти!

Роланд и Сергей промолчали, но лишь потому, что Кристина всё сказала за них.

А потом земляне получили сообщение, примерно аналогичное фразе: «Что вы такое?». И первое в истории человечества взаимоизучение с другими обитателями галактики Млечный Путь началось.¹⁵

Люди: «Мы – жители Земли, органическая форма жизни, обладаем индивидуальным разумом, но при этом являемся социальным организмом (попытка объяснить, что такое социальный организм, длилась что-то около трёх часов, до тех пор, пока Сергей не додумался привести в пример коллективно действующих скафандров)».

Звёзды: «Мы – жители Горячего места. Используя ваши термины, мы тоже обладаем индивидуальным разумом, но являемся социальными организмами. Вы прилетели только ради того, чтобы рассказать нам о том, что случилось с дальними помощниками?»

Люди: «Также мы хотели узнать, какие вы. И увековечить имена ваших сородичей, погибших на том корабле».

Звёзды: «Там не было наших сородичей. Только змеи и скафандры. Мы не способны покидать нашу планету. Сначала мы изучали нашу звезду и соседнюю планету. Потом мы

¹⁵ Дабы упростить восприятие, здесь и далее отрывки из записей переговоров землян с обитателями «Ослепительной» даны в смысловых рамках земных слов и понятий.

узнали, что наша звезда скоро погаснет, и стали искать способы продлить её горение. Тогда мы открыли Великую Волну и придумали, как использовать многие иные знания, накопленные нами. И стали не только подкармливать её водородом, но и отправлять длинные материальные волны (корабли) по нашей галактике, в поисках места, в которое мы могли бы хотя бы попытаться переместиться»...

Первый этап контакта с населением Ослепительной был закончен спустя тринадцать часов после того, как звёзды поднялись из океана расплавленной материи. Кристина и Роланд, одновременно счастливые и опустошённые, разошлись по своим спальным отсекам. Сергей же в полном одиночестве сидел в рубке, перебирая текстовые расшифровки разговора. Ему до сих пор с трудом верилось во всё, рассказанное обитателями Ослепительной, хоть и причин сомневаться в их откровенности не существовало.

Жизнь, использующая в качестве источника энергии облегчённый вариант термоядерного синтеза. Воспринимающая мир в электромагнитном и радио-диапазоне. Способная на расстоянии практически в одну астрономическую единицу создать первого робота и запрограммировать его на создание себе подобных! Изучившая весь Млечный Путь, но ни разу не покидавшая материнской планеты. Заморозившая молодую звезду в отчаянной попытке продлить горение собственной, практически сошедшей с главной последовательности. Цивилизация, ни одна крупница знаний которой

не пропадает бесследно, так как смерть звёзд Ослепительной очень похожа на смерть звёзд Вселенной, и разлетевшееся вещество принимают в себя живые сородичи. Собственно, в их языке даже нет такого понятия: индивидуальная смерть. Неотвратимая гибель всего – есть. А индивидуальной – нет. И это и есть самый главный и прискорбный результат сегодняшних переговоров. Результат, который заставил Сергея прервать контакт, объяснив это слабостью органической оболочки и необходимостью отдохнуть. Он нашёл последний лист расшифровок, и снова впился взглядом в равнодушные буквы.

Люди: Нам нужна ваша помощь, чтобы вернуться домой. Наша еда заканчивается, когда она закончится – мы умрём.

Звёзды: Мы не понимаем. Что такое смерть?

Дальше шло ещё несколько попыток объяснить, почему землянам необходимо вернуться домой как можно быстрее, но все они разбивались о равнодушное: «Мы сохраним вашу информацию. Но мы не станем тратить время на отправку вас на Землю».

Где-то в глубине души Сергей их даже понимал. Чтобы оторваться от важных для себя дел, любое существо нуждается в причине. И чем важнее собственные дела, тем более веская причина нужна для хотя бы кратковременного отказа от них.

Звёздам Ослепительной индивидуальная смерть не казалась чем-то таким, ради чего стоило бы оторваться от спасе-

ния собственной звезды.

Сергею давно уже следовало отправиться спать, оставив земным коллегам изучение протоколов контакта и поиск доводов, которые могли бы изменить решение звёзд. Но растревоженный мозг требовал продолжения активной работы. И доктор Демидов вывел на экран «хитреца» словарь, составленный Кристиной, и принялся составлять длинное сообщение. Ибо половину разговора его мучало вполне определённое подозрение, проверить которое никак не получалось.

Теперь можно было проверять что угодно.

Возможно, действительно стоит радоваться хотя бы тому, что их информация будет сохранена?

Сообщение, отправленное звёздам, гласило: «На замороженной вами звезде мы нашли структуры из металлического водорода, способные собирать и встраивать в себя информацию, не меняя свой собственный состав. Не являются ли они начальным звеном вашей эволюции?».

Быстрого ответа Сергей не ожидал. Но не прошло и нескольких секунд, как «Дружбу» снова подбросило вверх «хоровым воплем»: «Расскажи!».

Составить подробный и связный рассказ было сложно, но спустя несколько часов Сергей наконец-таки справился. И, присовокупив к рассказу сообщение о том, что он всё-таки должен отдохнуть, но автоматика зафиксирует их ответы, отправился спать.

Утром космонавты обнаружили волну, гласящую: «Вы будете нашими руками и мыслями в месте, рождающем водород. Мы поможем вернуться домой».

«Вестник» готовился вернуться домой. Вождю понадобилось всего лишь несколько земных дней, чтобы расшифровать непонятные землянам части руководства для пилотов. В принципе, достаточно было одной фразы «первый ориентир – температура первотворения, разная для каждого пространства и изменяющая его составляющие», чтобы понять – обитатели Океана обнаружили новое свойство гиперонов, связанное с температурой реликтового излучения. И научились обнаруживать частицы с заданными свойствами, путешествуя таким образом по Вселенным, температура излучения которых была им точно известна.

Зная об этом, Юрий легко нашёл в Холме нужный аппарат и даже почти что смог воспроизвести его самостоятельно, лишь немного модифицировав «распутыватель» с помощью нескольких мелких деталей из Холма. Естественно, снял детали он только после того, как получил разрешение Наследников.

Пока Власов модифицировал системы «Вестника», Костя и Муха ломали голову над вопросом: рассказать ли ящеркам правду о том, какое им на самом деле досталось наследство. Мухаммед считал, что следует не только рассказать, но и оставить им как можно больше еды, оборудования и про-

чего – всё, что не понадобится «Вестнику» в ближайшее время, но сможет облегчить жизнь потомкам великой расы. И пообещать вернуться в ближайшее время и вернуть Наследникам подобающий им уровень жизни.

– Костя, это же уму непостижимо! Их предки смогли построить цивилизацию круче, чем Змеи!! А сами Наследники воюют с огромными пауками копьями!!

В сущности, Костя был согласен с Мухаммедом. Но считал, что с объёмом допустимой помощи всё равно ещё нужно разбираться. И, желательно, чтобы это делали люди, профессионально умеющие копаться в мозгах живых существ и способные донести до них правду, не спровоцировав какие-нибудь непоправимые последствия вроде массового самоубийства.

– Мы довольно скоро вернёмся на Землю. Расскажем специалистам обо всём, что видели здесь. И они примут окончательное решение о том, как ОСР лучше помочь Наследникам. Мы ведь даже не знаем, почему так получилось, что на планете осталась одна необученная молодёжь! – Муха недовольно покачал головой, поджав губы, и Костя переключился на командирский тон. – Значит так. Я высоко ценю твои реакцию и догадливость и энциклопедические знания и талант Власова, но переоценивать наши силы не склонен. Поэтому ты, Мухаммед, не станешь передавать Наследникам никаких вещей и знаний, превосходящих то, до чего они могут додуматься сами.

Так что вмешательство землян в эволюцию ящериц пока что ограничилось рассказом о том, как лучше сражаться с огромными (до колена Мухаммеду) паукообразными тварями, да оставлением на Океане всего, что могло сработать как фильтр. Тут Костя не возражал: до основной идеи Наследники додумались сами.

«Вестник» медленно поднимался в небо, провожаемый сотнями маленьких буро-зелёных тел, раскачивающихся в едином порыве прощания.

Наконец ящерки окончательно скрылись за пеленой тумана, отстали и несколько мышей, круживших возле корабля с самого начала подъёма. Когда «Вестник» окончательно покинул атмосферу планеты и перед космонавтами снова предстала во всём своём великолепии бело-голубая звезда этой системы, Власов внезапно сказал:

– А ведь здешние планеты действительно старше своей звезды. Я нашёл в Холме что-то вроде сборника технических сказок для самых маленьких, и знаете, что там обнаружилось?

Вопрос очевидно был риторическим, так что Костя и Муха промолчали, ожидая, пока товарищ выдержит паузу, достаточную с его точки зрения.

– Первая же история, которую смог внятно перевести «хитрец», повествовала о том, как ящеры обнаружили, что их звезда скоро израсходует весь водород. И предотвратили

эту катастрофу, вернув её к состоянию бело-голубого карлика.

Власов откинулся в кресле, удовлетворённо наблюдая за ошарашенным Мухой и невидимым, но явно не менее ошарашенным Костей.

Наконец «Вестник» вырвался из системы Океана и уверенно двинулся по намеченному ещё до взлёта маршруту к гребню «унимагнитной» волны, как Власов назвал мега-мировую энергию, придающую, по мнению ящериц, пространству форму и некую размерность.

К счастью, гребень оказался относительно недалеко – всего-то в тридцати днях полёта на максимальной скорости, неподалёку от небольшого астеризма, который космонавты, не сговариваясь, назвали Лентой. Произносить вслух более очевидную ассоциацию не хотелось никому.

– Юрий Валерьевич, как вы думаете, что со мной будет на Земле?

Власов не сразу сообразил, о чём его спрашивает Константин, хотел даже переспросить. Но, взглянув на бесстрастное прозрачное лицо, понял всё.

– Мы вытащим вас из этой ловушки, не сомневайтесь.

Костя промолчал, лишь натянул радостную улыбку. Иногда ему казалось, что отныне и навеки его тело – огромный корабль, его телескопы, центры памяти, анализаторы... И вечное, окончательное, отсутствие свободы и собственной

ВОЛИ.

Когда они достигли точки наименьшего напряжения поля, Костя даже не стал советоваться с командой, где искать нужный для перехода гиперон: всё было ясно без слов. Безымянная. «Дружба». Сергей, Кристина и Роланд.

Константина привычно отключили после того, как он запрограммировал «распутыватель» на срабатывание по заданным характеристикам. И Юрий и Мухаммед остались вдвоём, наблюдая, как медленно превращаются друг в друга цифры на экране прибора.

– Как ты думаешь, в её честь назовут что-то?

– Думаю, да. Давать какое-то окончательное имя Океану, или его системе, неэтично с нашей стороны, сам понимаешь. Но как только будет возможность – память Людмилы обязательно будет увековечена в звёздах.

В этот раз «Дружбе» не пришлось бороться с ветром Ослепительной. Несколько звёзд поднялись из своего пылающего дома, закружились вокруг челнока, и все приборы, измеряющие магнитную индукцию, одновременно сошли с ума от рождения мощнейшего магнитного поля.

Мгновение, и «Дружба» оказалась зависшей над стелющимися по «земле» облаками углекислоты.

– А предупредить о том, что ты включаешь «распутыватель»?

Отчаянно не выспавшийся Сергей, был зол на весь мир и себя и, откровенно говоря, просто не успел сдержать нечестный, неправильный и, главное, невыполнимый упрёк.

– Какие ко мне претензии, командир? Все вопросы к нашим новым друзьям, они нас закинули. У нас, напоминаю, «распутывателя» вообще нет. Слушай, я так и не понял, чем их так заинтересовали «платочки»?

– Будто бы я понял. И какая, в сущности, разница? – Сергей с силой провёл руками по лицу. – Прости. Не помнишь, у нас там кофе ещё есть?

– Нет. Последнюю порцию ты лично допил на третий день на «Стройке». – Роланд хотел всё-таки продолжить разговор о звёздах Ослепительной, но Кристина с силой ущипнула его за плечо.

– Рыцарь, я тебя очень прошу, отстань от Серёжки с разговорами про Ослепительную! Не видишь – он считает себя виновным в том, что тамошние жители от собственной звезды отвлеклись? – Дождавшись, пока Сергей уйдёт из рубки, Кристина, скрестив руки на груди, принялась отчитывать Роланда. – А ты ему упорно напоминаешь.

С точки зрения Роланда, быть виноватым в том, что разумные шары, пытающиеся продлить собственную агонию, чего-то там придумали, Сергей не мог никоим образом. Но спорить с Кристиной не было никакого смысла. Она совершенно точно лучше разбиралась во всяких скрытых и тонких движениях души.

– Если всё пойдёт хорошо, то мы вернёмся домой через три дня. – Кристина опустилась в кресло второго пилота, задумчиво погладила подлокотник. – Вот было бы хорошо, если бы «Вестник» тоже вернулся. Представляешь: мы опускаемся на космодром, и «Вестник» в этот же момент появляется. И все радуются.

– Вернутся. Не в тот же день, так спустя время. Или мы слетаем и найдём их. Дед – человек суровый, но не жестокий. А уж теперь, когда мы добыли для ОСР столько знаний... – Роланд выразительно покосился на высоченную стопку расшифровок разговора со звёздами. – Больше чем уверен, он сам инициирует новую экспедицию.

– Надеюсь...

Космонавтам повезло: нужный гиперон нашёлся в каких-то десяти тысячах километров от Безымянной. Если бы «Вестник» разогнался до полной скорости, он достиг бы планеты за каких-то сорок секунд. И неизвестное поле, властно притянувшее к себе «Дружбу», почему-то никак не отреагировало на его появление.

Конечно, разгоняться на полную, приближаясь к планете, Костя не стал, как бы ему ни хотелось быстрее узнать, что же случилось с «Дружбой». И вместо сорока секунд корабль летел к планете целых две минуты, за которые экипаж даже не успел сформировать детальный отчёт на землю, ограничившись кратким сообщением: «Мы в порядке, мы снова у

Безымянной».

Неудивительно, что писк прибора, зафиксировавшего мощнейшее возмущение магнитного поля, и – сразу же после него – сигнал, оповещающий о начале обмена информацией с приборами «Дружбы», оказались для космонавтов очень большим сюрпризом.

Пока «Вестник» практически крался к точке, из которой челнок отправлял информацию, Мухаммед и Юрий на всякий случай приготовились к столкновению с кем угодно, вплоть до захвативших «Дружбу» агрессивных инопланетян. Ибо было совершенно непонятно, как «Дружба» самостоятельно смогла совершить гиперон-магнитный переход.

Когда вооружённые до зубов напарники покинули корабль, Костя снова присвоил сигналам с камеры на Мухином скафандре наивысший приоритет. А сам принялся тщательно перебирать данные всевозможных датчиков, разыскивая информацию, чем-то вскользь царапнувшую его внимание ещё на подлёте к Безымянной.

Искомое нашлось быстро – в отчёте прибора, постоянно сканирующего пространство на наличие нестандартных колебаний электромагнитного фона. В «глазах» этого прибора большая часть Безымянной была абсолютно пуста, как, в общем-то, и должно было быть. Но на приличных размерах участке планеты в средних широтах южного полушария почему-то обнаружился заметный электрический фон. И фон этот был весьма похож на профиль электрической активно-

сти, присущий Аэлите в той её версии, которая копировала сознание Константина.

Поразмыслив, Костя нашёл информацию о том, как выглядела электрическая активность его мозга в моменты приветствия других космонавтов, и отправил соответствующий импульс к нетипичной части Безымянной. И тут же получил ответ – практически идентичный, однозначно расшифровывающийся системами корабля, как приветствие, созданное разумом Аэлиты.

– И как мы будем искать ответ на вопрос, чем являются платочки?

Кристина покрутила головой, недовольно рассматривая снова окружающие её клубы сверхкритической углекислоты. Безымянная угнетала её, заставляя чувствовать себя ещё одним веществом, которое растворится в атмосфере планеты.

– Поймаем побольше, продумаем ещё какие-то эксперименты. Запросим помощи у земных физиков: кто ж виноват, что мы потеряли и Юру и Люду, которые могли бы сделать тут чуть больше, чем я. – Сергей ободряюще потрепал Кристину по плечу. – Не переживай: теперь мы уж точно справимся!

– Не-а. Не потеряли. – Роланд медленно поднял руку к шлему и принялся с силой тереть защитный экран. – Не потеряли!

Кристина с Сергеем, не сразу понявшие, о чём вообще

идёт речь, синхронно повернулись в ту же сторону, в которую смотрел и Роланд. И не поверили своим глазам: из клубов тумана медленно выходили две фигуры в скафандрах. Высокая, атлетического телосложения, совершенно точно принадлежащая Мухаммеду. И пониже, широкоплечая и коренастая, движущаяся узнаваемой размашистой походкой доктора Власова.

– Живые!

Кажется, одно и то же слово сейчас кричали все космонавты.

– Значит, вот так... Люда героически погибла, Костя теперь часть «Вестника», и ещё вопрос, кому из них хуже.

Сергей похлопал по плечу рыдающую в голос Кристину, прикрыл глаза, справляясь с собственными эмоциями. Совершенно не так он представлял себе встречу с оставшимися на «Вестнике» товарищами. Роланд, тоже расстроенный, но способный связно разговаривать, в красках описывал жёсткую посадку на Безымянную, змеев, платочков, Стройку, Ослепительную и историю её жителей. Когда он дошёл до рассказа о том, зачем звёзды создали Безымянную, то замолчал, оборвавшись на середине предложения, а потом обрадованно сказал:

– Так, получается, мы теперь можем помочь звёздам? Вы ж говорили, что те ящерицы нашли какой-то способ омолаживать звёзды. Может и чёрт с ними, с этими платочками?

Скажем звёздам, что поможем им, вполне себе нормальный обмен получится. Тем более, нам их ключ к той штуке, через которую мы к Ослепительной прыгнули, не так уж и нужен теперь.

– Нашли. Только заново понять его смогут очень и очень нескоро. – Юрий, последние несколько минут, не отводивший взгляд от «хитреца», наконец поднял голову. – То, что мы поняли их способ искать Вселенные – чудо, возможное исключительно благодаря тому, что в его основе лежали знакомые мне физические законы. Но я даже представить не могу, как именно они вернули свою звезду на главную последовательность.

– Значит, всё же придётся каким-то образом выяснять, что такое платочки. – Роланд печально проводил взглядом уходящую в «Вестник» Кристину. – Ей и так-то плохо было. А с такими новостями...

– Можно попробовать что-то медикаментозное. – Сергей нахмурился. – Или отправить часть экипажа на «Вестнике» на Землю, проблем с возвращением у «Дружбы» больше нет.

– Не нужно. Сейчас Костя найдёт Аэлиту, и, если я прав, мы узнаем, что такое платочки, из первых уст. – Власов быстро рассказал недоумевающим космонавтам о подозрениях командира насчёт того, куда делся искусственный помощник «Вестника», и принялся складывать какую-то сложную фигуру из чистого листа бумаги.

Долго ждать не пришлось – «хитрец» подал сигнал о при-

шедшем сообщении ещё до того, как Власов закончил своё рукоделие. Прочитав сообщение, Юрий Валерьевич удивлённо приподнял брови.

– Поздравляю вас, друзья. Вы открыли нечто, что можно назвать... а чёрт его знает, как это можно назвать.

Заморозив очень молодую звезду, в которой ещё не установились конвективные процессы, жители Ослепительной создали весьма странное пространство. Пространство, в котором всё вещество, оказавшееся в тот момент в ядре звезды или её оболочке, замерло в том состоянии, в котором находилось в тот момент. Пространство, строго определённое, неделимое, являющееся, при этом, неопределённой смесью элементарных частиц и гравитационных волн, непрерывно переходящих друг в друга.

Пространство, способное рождать тени попавших в него молекул и атомов.

По словам Аэлиты всё начиналось с космической пыли, создавшей первые тени – порождения вошедших в атмосферу Безымянной тяжёлых элементов, разлетающихся после взрывов сверхновых. Постепенно тени усложнялись. Они обслеживали и копировали скафандры, змеев и прочую аппаратуру звёзд Ослепительной, мелкие кометы и метеориты – всё, что нарушало хаотичный стазис замороженной звезды. Как бы тени ни усложнялись, они оставались тенями – в некотором роде огромными квантами информации. И в какой-то степени подчинялись всем принципам квантового

мира, принимая определённую форму лишь сталкиваясь с чем-то, тенью чего они не являются.

При этом, как считала Аэлита, тени вполне можно было считать формой разумной жизни – каждая из них стремилась присоединить к себе побольше новых элементов, да и «возрождались» они точно такими же, какими «исчезали».

Орбитальная станция, с которой земляне должны были связаться со Стройкой и передать сообщение о природе гидрогенов, оказалась чем-то средним между складом змеев и пультом управления, контролирующим их наполнение и отправку к звезде Ослепительной. Выглядела она при этом словно вполне атмосферная площадка для съёмок какого-то фильма ужасов: огромное пространство, лишённое любых внутренних перегородок; горы беспорядочно нагромождённых друг на друга змеиных тел и темнота, из которой фонарики землян то и дело выхватывали то часть головы, то щупальце, то тёмный и пустой глаз.

Добравшись до центрального передатчика, размещённого точно в центре этого безумия, не в своей тарелке чувствовали себя все космонавты – даже невозмутимый и не склонный к игре воображения Мухаммед.

– Мы так и не решили, что именно отправим звёздам. – Сергей, которому единогласно доверили отправку сообщения к Стройке, остановился за пару шагов от серебристо поблёскивающего в лучах фонариков сложного устройства

из большой полусферы и нескольких присоединённых к ней блоков.

– Рассказ о водородах, который Костя любезно перевёл в понятную звёздам форму. – Юрий, быстро снимающий внешнее устройство передатчика, недоумённо взглянул на товарища. – Или ты считаешь нужным рассказать что-то ещё?

– Мы можем обрадовать их тем, что существует какая-то цивилизация, продлившая своей звезде жизнь менее идиотскими способами. – Роланд, которому доверили фиксировать показания работающего передатчика, фыркнул, вспомнив змея, отчаянно бросающегося в пламенную бездну.

– Я бы не стала. Юра ведь говорил, что этот метод ещё как-то расшифровать надо. А если не расшифруем? – Кристина, лишённая полезной ноши и потому заинтересованно светящая фонариком в разные части змеев, грустно вздохнула – жители Океана казались ей существами намного более симпатичными, чем водороды и звёзды.

Остальные космонавты промолчали. И Сергей, признав правоту Кристины, принялся передавать звёздам историю зарождения «платочков».

Звёзды не подвели – спустя несколько часов, передатчик разразился длинным сообщением, содержащим координаты стационарных генераторов поля и метод их перенастройки. Только тогда «Дружба» наконец-таки заняла своё закон-

ное место в ангаре и «Вестник» двинулся прочь от от Мю Стрельца, в точку, в которой гиперон-магнитный переход считался безопасным.

Все члены первого земного экипажа, вступившего в непосредственный контакт с нечеловеческим разумом, знали, что люди ещё вернутся к Ослепительной. Вернутся и, возможно, расскажут звёздам о цивилизации, однажды вернувшей своей звезде способность гореть. Вернутся они и к наследникам этой цивилизации – хотя бы ради того, чтобы попытаться узнать, как их предки ухитрились повернуть время вспять. И, конечно, назвать что-то прекрасное именем пожертвовавшей собой Людочки. Ну а если этологи и нейропсихологи дадут добро, то и вернуть Наследникам часть знаний и безопасности, добытых их предками.

Но это всё могло подождать. Сначала нужно было вернуться домой.

Земля

Торжественное награждение экипажа «Вестника» и официальный доклад о его полёте состоялись двенадцатого июля две тысячи девяносто пятого года – чуть больше, чем через год после того, как «Вестник» отправился в путешествие к «Змеиной Звезде».

Команда стояла перед кораблём так же, как и когда-то, только собираясь проложить человечеству дорогу в дальний космос. Подтянутые, в парадной одежде – гордость Родины и Земли, пятеро достойных наследников каждого первооткрывателя, рискнувшего собственной жизнью ради человечества.

Первыми стояли первый и второй пилот, похожие куда сильнее, чем аверс и реверс. Оба в золотистой форме, оба – озабоченно оглядывающиеся на огромный серебристый бок «Вестника» и изредка прикасающиеся к нему рукой.

В центре стояла женщина. Высокая, худощавая, со странной короткой стрижкой, она была словно сложена из множества острых углов. Вместо зелёного брючного костюма она была одета в форменный серебристый комбинезон с нашивкой на груди. И на руке, которой она лениво приветствовала собравшихся, теперь сияла не пантера, а тонкая полоса металла, увешанная тремя шармами: белёсым, серым и ярко-жёлтым.

Сразу за ней стоял среднего роста, коренастый, седеющий уже мужчина. Его не изменившийся с прошлого раза рабочий комбинезон украшала повязанная на предплечье узкая полоса разноцветной ткани.

Последним был невысокий, изящный мужчина в хорошо сидящем строгом костюме и тонких очках с золотистой оправой. Он дружелюбно улыбался, но иногда забывал о том, что на него смотрят. И тогда его лицо приобретало выражение радостного удивления, словно он так и не смог поверить по-настоящему, что снова находится на Земле.

За их спинами высился огромный «Вестник» – всего лишь корабль для непосвящённых и вместилище разума шестого члена экипажа для тех немногих, кто знал, что своим орде- ном полковник Усиков был награждён вовсе не посмертно.

Лишь седьмой, Людмила, действительно не было с ними. Хотя Сергей, например, предпочитал верить, что постулат о бессмертии информации верен не только для звёзд Ослепительной.

Играл оркестр. На трибуну поднимался умеренно довольный Добронравов, готовый сказать речь о Земле и космосе, о мужестве и самопожертвовании, о людях и неведомых организмах, которых людям ещё только предстоит понять до конца. И о том, что сегодня ОСР безоговорочно выиграл первый «заезд» Великой Космической Гонки.